Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (94) январь – март 2019 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:
Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

© Российский фонд фундаментальных исследований, 2019.

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (94) January – March 2019

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate ПИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution
"Russian Foundation for Basic Research"

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov, P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova, G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova, D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

© Российский фонд фундаментальных исследований, 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Медведева Т.В.
Эпистолярный архив семьи Свербеевых..... 9

Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Леванова Е.С.
Исследования Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства..... 25

Сибиряков И.В., Волков Е.В., Журавлёва Н.С.
Образы Севастополя в советской культурной памяти..... 38

ЭКОНОМИКА

Светуньков С.Г.
Многоуровневая конкуренция и её математические модели..... 51

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Мансуров В.А., Иванова Е.Ю.
Инженерные династии в России в контексте модернизационных изменений 62

Касаткин С.Н.
Методология анализа юридического языка в работах Герберта Харта 1949–1961 гг. 76

Борисов Н.А.
Институт президентства в постсоветских государствах: методика анализа, факторы формирования и трансформации моделей 88

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Бородихин А.Ю., Юдин А.А.
Мемориальная библиотека В.П. Адриановой-Перетц как памятник истории становления отечественной филологической науки 100

Калугин В.В.
Украинские списки Толковых Пророчеств XVI – начала XVII века и их русские источники 117

Акопян Л.О.
Музыка Д.Д. Шостаковича как объект герменевтики 129

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Федотчев А.И., Парин С.Б., Полевая С.А.
Нейроинтерфейсы, управляемые биопотенциалами мозга и сердца, в коррекции стресс-вызванных расстройств 144

Даниленко О.И.
Антиципационная состоятельность в системе предикторов академической успеваемости и субъективного благополучия студентов 153

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кутимов Ю.Г.
Археологические исследования памятников бронзового века в западных районах Таджикистана 163

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Ениосова Н.В.
Международная научная конференция «Археология Древней Руси: проблемы и открытия (К 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина)» (Москва, 22–24 ноября 2018 г.) 178

Хартанович В.И., Герасимов Д.В.
Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика» (Санкт-Петербург, 8–13 октября 2018 г.) 182

Морозова Т.И., Слугина В.А.
Всероссийская молодёжная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г.) 185

Молокова Т.А., Бернюкевич Т.В.
Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний» (Москва, 27–28 сентября 2018 г.) 189

МИР КНИГИ РФФИ

Нижник Н.С. —
Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. — 736 с.: ил. 194

Дегтярёв А.Я. —
Соболева Н.А. Идентичность Российского государства языком знаков и символов. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. — 410 с. 199

Трахтенберг Л.А. —
Катаев В.Б. К пониманию Чехова: Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 247 с. 202

АКАДЕМИКУ В.Л. ЯНИНУ — 90 ЛЕТ 206

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Medvedeva T.V.
The Sverbeev Family Epistolary Archive..... 9

Laskin A.R., Devlet E.G., Levanova E.S.
Studies of the Amur-Ussuri Province of Rock Art..... 25

Sibiryakov I.V., Volkov E.V., Zhuravlyova N.S.
Sevastopol Images in Soviet Cultural Memory..... 38

ECONOMICS

Svetun'kov S.G.
Multi-Level Competition and Its Mathematical Models..... 51

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Mansurov V.A., Ivanova E.Yu.
Russian Engineering Dynasties in the Light of Modernizational Changes..... 62

Kasatkin S.N.
Methodology of Legal Language Analysis in Herbert Hart's Works (1949–1961) 76

Borisov N.A.
Presidency Institute in Post-Soviet Countries: Evaluation Method, Factors of Model Formation and Transformation 88

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Borodihin A.Yu., Yudin A.A.
V.P. Adrianova-Peretts's Memorial Library As an Artifact of History of Russian Philological Science Rising 100

Kalugin V.V.
Ukrainian Copies of the Explanatory Prophesies (XVI — the Early XVII Century) and Their Russian Protographs..... 117

Akopyan L.O.
Shostakovich`s Music as an Object for Hermeneutics..... 129

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Fedotchev A.I., Parin S.B., Polevaya S.A.
Use of Cardiac and Cerebral Biopotential-Operated Neurointerfaces in Management of Stress-Induced Disorders..... 144

Danilenko O.I.
Anticipative Consistency within the System of Predictors of Academic Progress and Students' Subjective Well-Being 153

FIELD RESEARCH

Kutimov Yu.G.
Archaeological Studies of the Bronze Age Artifacts in Western Tajikistan 163

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Eniosova N.V.
International Scientific Conference "Archaeology of the Ancient Rus: Issues and Discoveries" (the 100th Anniversary of D.A. Avdusin's Birthday) (Moscow, November, 22–24, 2018) 178

Hartanovich V.I., Gerasimov D.V.
Russian National Research and Practice Conference with International Participants "Piles of Bones: Paleoanthropology, Bioarcheology, Paleogenetics" (Saint Petersburg, October, 8–13, 2018) 182

Morozova T.I., Slugina V.A.
Russian National Youth Scientific School Conference with International Participants "Historical Research Burning Issues: Young Researchers' Point of View" (Novosibirsk, September, 27–29, 2018)..... 185

Molokova T.A., Bernyukevich T.V.
Russian National Conference with International Participants "Specific Integration of Humanitarian and Technical Knowledge" (Moscow, September, 27–28, 2018) 189

THE RFBR BOOK WORLD

Nizhnik N.S. —
Mukhina Z.Z. A Russian Peasant Woman During the Post-Reform Period (the Second Part of the XIX Century — Early XX Century). Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2018. 736 p.: ill. 194

Degtyaryov A.Ya. —
Soboleva N.A. The Russian State Identity in Sign and Symbol Language. Moscow, YASK Publ., 2018. 410 p. 199

Trakhtenberg L.A. —
Kataev V.B. Understanding Chekhov: Articles. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 247 p. 202

V.L. YANIN, ACADEMICIAN, IS 90 YEARS OLD 206

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.2
ГРНТИ 03.23.07
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-9-24

Т.В. МЕДВЕДЕВА*

Эпистолярный архив семьи Свербеевых

Статья посвящена итогам изучения эпистолярного архива семьи Свербеевых — прежде всего, переписки мемуариста Д.Н. Свербеева (1799–1874) и его супруги Е.А. Свербеевой (1808–1892), хозяйки известного московского салона 1840-х гг., имевших широкие связи в русском образованном обществе, а также переписки их детей (сыновей и дочерей, особенно Н.Д. Свербеева, А.Д. Свербеева и С.Д. Свербеевой), унаследовавших и успешно поддерживавших связи родителей в обществе. В семейном архиве сохранилась богатая переписка с друзьями дома и знакомыми: братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми, К.С. и И.С. Аксаковыми, Н.М. и А.М. Языковыми, архиепископом Иннокентием (Вениаминовым), А.Н. Поповым, А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, А.П. Елагиной, С.П. Шевырёвым, П.А. Вяземским, С.П. Трубецким и др.

Собранная почти за столетие переписка целой семьи, поддерживавшей значительные общественные связи, является важным документом памяти культуры, истории литературы двух поколений русской дворянской интеллигенции XIX в. В переписке семьи Свербеевых поднимаются вопросы философии, литературы, религии, педагогики, представлены отклики на важнейшие общественные и культурные события эпохи, содержится материал биографического и культурно-бытового характера. Эпистолярный архив семьи Свербеевых также даёт широкие возможности для компаративного исследования частной переписки.

Ключевые слова: переписка, Д.Н. Свербеев, Е.А. Свербеева, Н.Д. Свербеев, дворянство, духовная культура, личный архив, компаративный метод

* **Медведева Татьяна Валерьевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель проекта «Эпистолярный архив семьи Свербеевых. 1820–1900-е годы» (15-01-00120а).
E-mail: tmedvedeva1@yandex.ru

Эпистолярный архив как комплекс семейных материалов

Частное письмо давно привлекает внимание исследователей как явление истории и литературы, как исторический источник и средство коммуникации. В настоящее время появляются работы, которые обобщают исследовательский интерес, проявленный к переписке за последнее столетие [1].

Работа по проекту была направлена на выявление, изучение и подготовку к публикации эпистолярного архива дворянской семьи Свербеевых. Отдельные письма из этого архива уже были известны в историографии. В первую очередь те, что связаны с именами Н.В.Гоголя, П.Я.Чаадаева и архиепископа Иннокентия (Попова-Вениаминова), а также некоторые письма Н.Д.Свербеева, касающиеся жизни декабристов [см., например: 2–5]. Несколько писем было привлечено для подготовки публикации мемуаров главы семьи — Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1874) [6]. Однако основная часть семейной переписки никогда ранее не становилась предметом специального исследования.

В ходе работы по проекту были изучены материалы нескольких архивов: трёх семейных фондов (ф. 472 (Свербеевы) Российского государственного архива литературы и искусства; ф. 598 (А.Д.Свербеев) Рукописного отдела Института русской литературы РАН и ф. 774 (Н.Д. и З.С.Свербеевы) Государственного архива Иркутской области), а также фондов друзей дома и родственников (ф. 1143 (С.П.Трубецкой) Государственного архива Российской Федерации; ф. 10 (Аксаковы), 195 (Вяземские), 501 (Тургеневы) Российского государственного архива литературы и искусства; ф. 231 (А.Н.Попов), 445 (редакция «Русского архива») Отдела письменных источников Государственного исторического музея; ф. 3 (Аксаковы), 99 (Елагины и Киреевские), 332 (Ф.В.Чижов) Отдела рукописей Российской государственной библиотеки; ф. 850 (С.П.Шевырёв) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и др.).

Хронологический охват изученной переписки достаточно широк и составляет почти столетие. Самые ранние письма молодого Д.Н.Свербеева относятся к 1821 г. (а если брать несколько выявленных писем его отца, Н.Я.Свербеева, в большей мере деловых, нежели частных, — то к 1784 г.), а самые поздние — к 1900-м гг. (письма М.Д.Голицыной (урожд. Свербеевой) и её мужа Н.В.Голицына к А.Д.Свербееву). Наиболее крупные комплексы переписки принадлежат Екатерине Александровне Свербеевой (урожд. Щербатовой) (1808–1892), матери большого семейства, и её старшим сыновьям Николаю (1829–1860) и Александру (1835–1917) Свербеевым. Однако это не исключает интересных находок в корреспонденции других членов семьи. Для Свербеевых были характерны исключительно бережное отношение к семейному архиву и понимание ценности частной переписки.

Поскольку большинство членов семьи, не занимая высоких постов, принадлежало к кругу дворянской интеллигенции умеренных взглядов, то сама история этого микросоциума на протяжении XIX столетия, кратко выраженная в переписке, представляет безусловный интерес.

Кроме того, семья Свербеевых в середине XIX в. занимала в московском обществе заметное положение, причём именно как семья, союз супругов, а впоследствии — и общество их детей, близких и дальних родственников. У Дмитрия Николаевича и Екатерины Александровны Свербеевых собирался кружок московских интеллектуалов, разделившихся позднее на славянофилов и западников, со многими из них они были дружны и состояли в длительной переписке. Их салон был своеобразным центром московской жизни в 1830-е – 1840-е гг. «Начиная с 40-х годов свербеевский дом... сделался одним из очагов... умственной жизни...», — замечал Дмитрий Алексеевич Хомяков, сын

известного славянофила, в предисловии к «Запискам» Д.Н.Свербеева [6, с. 6]. Многочисленные мемуарные свидетельства рассказывают о пятничных встречах у Свербеевых, беседах и прениях, которые там происходили (ил. 1). «В течении целых десятков лет в вашем доме соединялась вся мыслящая часть русского общества, жившая или бывавшая проездом в Москве, — писал впоследствии Е.Д.Свербеевой о доме её родителей К.Д.Кавелин. — Ваш дом и ваше семейство принадлежат к истории русской культуры и умственного развития России» [7, л. 199]. В настоящее время складывается уже отдельная историография свербеевского салона, которому посвящены работы Б.П.Краевского [8], М.В.Батшева [9] и В.А.Покровской [25].

В контексте изучения переписки семьи Свербеевых история салона важна не столько как история литературного кружка, но как история круга общения, круга корреспондентов супругов Свербеевых, а позднее и их детей — круга, который, также как и салон, был изменчив, претерпевал значительные трансформации, терял самых ярких своих участников и трепетно сберегал наиболее верных. В этом круге — имена братьев К.С. и И.С.Аксаковых, А.И. и Н.И.Тургеневых, А.М. и Н.М.Языковых, супругов А.С. и Е.М.Хомяковых, А.П.Елагиной и её сыновей И.В. и П.В.Киреевских, историков А.Н.Попова, С.П.Шевырёва, М.П.Погодина, К.Д.Кавелина, славянофилов Ю.Ф.Самарина и А.И.Кошелева. Свербеевы также поддерживали эпистолярные связи с Е.А.Баратынским, Г.С.Батеньковым, С.В.Ешевским, Ф.Гаазом, В.Ганкой, Г.П.Галаганом, иезуитом И.С.Гагариным. В семейном архиве сохранились письма

Ил. 1. Беседа в салоне Елагиных. Рисунок Э.А.Дмитриева-Мамонова. Первая половина 1840-х гг. Изображены *(слева направо)*: Д.Н. Свербеев, Д.А. Валуев, Н.Ф. Павлов, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, А.А. Елагин, К.С. Аксаков, С.П. Шевырёв, А.Н. Попов, В.А. Елагин, П.В. Киреевский

Ил. 2. Д.Н. Свербеев.
Фотография начала 1860-х гг.

молодого А.С. Норова, попутчика в долгой поездке по Европе, а также почитаемых Свербеевым Фредерика Лагарпа и Иоанна Каподистрии.

«Любезный гражданин Москвы…»

Так называл Д.Н. Свербеева его друг поэт Н.М. Языков, подмечая неразрывную связь мемуариста и его семьи с Первопрестольной и её обществом.

Дмитрий Николаевич Свербеев (ил. 2) был известен в московских кругах не только «открытым домом», но и своей умеренностью во взглядах, из которой, как считали современники, нередко «делал позу». Б.Н. Чичерин замечал о нём: «Дмитрий Николаевич Свербеев... был человек весьма недюжинного, тонкого ума, образованный, с живыми интересами, с положительным и несколько скептическим взглядом на вещи. Он не разделял славянофильских убеждений жены, которая в молодости, блистая красотой, соединяла вокруг себя славянофильский кружок» [10, с. 101]. А П.И. Бартенев, неоднократно публиковавший статьи Свербеева, называл его «многоначитанным» и писал о нём как о человеке «трезвого ума и деятельного сердца» [11, с. 1 об.].

Свою умеренность и сдержанность сам Д.Н. Свербеев объяснял ранним взрослением и необходимостью с 15 лет самому строить свою жизнь (он лишился матери в 1801 г., а отца — в 1814 г.). Окончив Московский университет, после недолгой службы в Петербурге, в 1824 г. он отправился в Швейцарию в качестве чиновника русской дипломатической миссии. Спустя два года, в 1826 г., вернулся в Россию и, женившись по любви на молодой соседке по имению княжне Щербатовой, остался в Москве «архивным юношей» — сотрудником Московского архива Министерства иностранных дел, а затем и главным смотрителем Комиссии печатания грамот и договоров. В 1831 г. Дмитрий Николаевич вышел в отставку в невысоком чине надворного советника и остался на постоянное жительство в Москве, выезжая на лето в подмосковную деревню Солнышково и имения в других губерниях. Он слыл рачительным хозяином, строгим, но справедливым помещиком, знатоком сельскохозяйственных премудростей, избирался серпуховским уездным предводителем дворянства. Возможно поэтому, находясь за границей, князь П.А. Вяземский «усердно» просил его взять на себя управление имением Остафьево, доверяя лишь Д.Н. Свербееву ведение своих дел.

Размышления о собственной жизни в зрелости и настояния взрослых детей подводят в середине 1860-х гг. Д.Н. Свербеева к мысли о написании мемуаров. В 1869 г. при активной помощи млад-

шей дочери Софьи он начинает создавать свои «Записки», которые довёл до 1827 г.

Его супруга, Екатерина Александровна, урождённая княжна Щербатова была женщиной, безусловно, незаурядной (ил. 3). Не чуждая всех светских приличий, она увлечённо поддерживала идеи славянофилов (в гораздо большей мере, чем её умеренный супруг), была радушной хозяйкой литературно-общественного салона и «музой» сразу нескольких гостей дома. Она «умела привлекать к себе всё то, что мало-мальски выдавалось из общего уровня; таким образом, она сделалась центром оживлённого умственного кружка, сыгравшего немаловажную, хотя и трудно учитываемую роль в культурном развитии эпохи», — замечал Н.В. Голицын [12, с. 37]. Близкий друг семьи и многолетний корреспондент А.И. Тургенев шутливо называл Екатерину Александровну «Рекамье-Свербеева», сравнивая её с известной красавицей француженкой мадам Жюли Рекамье, хозяйкой политического салона в Париже.

Письма Е.А. Свербеевой сохранились гораздо лучше, чем письма её мужа. Широта круга корреспондентов, спектр тем для обсуждения и богатство эпистолярного языка её поистине впечатляют.

Семейство Свербеевых постоянно росло. Вслед за рождением первенца Николая в 1829 г. появляются две дочери — погодки Варвара (1831–1918) и Екатерина (1832–1897), затем вновь погодки, но уже сыновья — Александр (1835–1917) и Владимир (1836–1886) и ещё через год дочь Ольга (1839–1914). Следующее десятилетие будет для супругов Свербеевых почти так же плодовито: рождается дочь Анна (1840–1905), затем — Софья (1842–1903), а потом два мальчика — Дмитрий (1845–1921) и Михаил (1848–1903). Трудно поверить, что именно на годы «активного родительства» приходится расцвет салона Свербеевых — воспитание детей, которому родители уделяли немалое внимание, совмещалось с поездками в Европу и светской жизнью в кругу друзей и знакомых.

Важнейшей стороной жизни супругов Д.Н. и Е.А. Свербеевых было воспитание в традициях семьи (в том числе общественных), которое позволило детям органично войти в круг общения родителей и обогатить его своими знакомствами. Переписка позволяет проследить, как уже сформированные традиции и устои семьи, принятое в семье живое восприятие общественной жизни передавались от родителей детям и далее — следующему поколению — внукам хозяев литературного салона.

Ил. 3. Е.А. Свербеева.
Акварельный портрет Л. Беккера. 1833 г.

Ил. 4. Д.Н. Свербеев с детьми. Стоит сын Дмитрий, сидят: Дмитрий Николаевич и дочери Софья, Анна и Варвара (в замуж. Арнольди). Фотография начала 1870-х гг.

Из десяти детей Свербеевых первым по старшинству и наиболее заметным для современников и последующих историографов был Николай Дмитриевич (1829–1860), проживший короткую, но яркую жизнь. В 1851–1856 гг. он служил в Восточной Сибири при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьёве (Амурском). В качестве доверенного лица Муравьёва Н.Д. Свербеев предпринял несколько поездок в Якутск и Удской край, участвовал в сплавах по Амуру. Там же, в Сибири, в 1856 г. молодой Свербеев женился на дочери декабриста С.П. Трубецкого Зинаиде, в которую был влюблён несколько лет.

Самый крупный эпистолярный комплекс внутри семейной переписки принадлежит второму сыну Свербеевых, Александру Дмитриевичу (1835–1917), прожившему долгую жизнь и сделавшему успешную карьеру. Он служил вице-губернатором в Костроме (1868–1878) и губернатором в Самаре (1878–1891), а февральскую революцию встретил сенатором. После смерти отца Александр Дмитриевич фактически стал главой семьи и хранителем семейных традиций. Наиболее полно деятельность А.Д. Свербеева как чиновника и самарского губернатора была освещена в недавних статьях П.С. Кабытова, В.А. Тюрина [13] и А.А. Мякотина [26], где отмечаются его незаурядные личные качества и талант администратора.

Самая младшая из дочерей, Софья Дмитриевна (1842–1903) (ил. 4), оставила наиболее заметный след в семейной историографии. Являясь многолетней помощницей отца в работе над мемуарами, она впоследствии занялась изданием его «Записок». Ей же принадлежат

наброски собственных воспоминаний о семье и годах молодости.

Живой диалог в письмах

Эпистолярные труды сопровождали человека XIX в. повсюду, и семейный архив Свербеевых лишь подтверждает это. Биография каждого из членов семьи соотносится с находками в переписке, наполнена фактами и размышлениями, изложенными в них.

Острые вопросы политической и общественной жизни середины XIX в. постоянно поднимаются в письмах. Реформы начала царствования Александра II и сопровождавшие их в обществе ожидания неоднократно становятся предметом обсуждения. «Я не знаю, чего у нас хотят, — пишет Николай Свербеев отцу из Европы в 1858 г., — с одной стороны освобождение крестьян, желание гласности, с другой — реакция, торжество древних, предвещание м[инистерст]ва Ростовцева. Таким образом, распутица, или лучше сказать, беспутица, по-моему, уже началась. Нужен же какой-нибудь цвет для государственной жизни: серенький есть смешение чёрного с белым, цвет пыли! Ты проповедуешь серединку, но когда находили её люди, сам же ты говорил, что не надо спешить, но прибавляешь: опасно и медлить; соразмерить шаг, рысь или скок трудно для государства: иной помещик и медленное движение вопроса будет считать за *Steeplechase*[1]. Нет, беда наша, кажется, в том, что решительных двигателей нет, что слуги деспотизма подладились под требования новыя нехотя, против убеждений, пойти путём истории все они считают погибельным» [14, л. 1–2].

Д.Н. Свербеев осознаёт всю сложность своего положения зажиточного помещика перед надвигающейся крестьянской реформой и в письме А.И. Кошелеву в 1856 г. замечает: «Пристать к стороне прогресса слишком быстро я не могу. Это будет против моей совести. Останавливать его в широком и быстром его движении также не могу и не желаю, но не могу же я уничтожить свою личность до такой степени, чтобы не противиться потоку даже там, где он без всякого с моей стороны с ним сближения прямо находит на меня не в государственном, не в общественном, а в собственном моём деле» [7, л. 160–162]. Ценность этих рассуждений состоит и в том, что Дмитрий Николаевич отнюдь не одинок в своём двойственном положении. Слова его писем созвучны многим русским дворянам. В свою очередь, изгнанник-декабрист Николай Иванович Тургенев пишет в 1856 г. из Мариенбада супругам Свербеевым с совершенно иных позиций: «Человек, не смотря ни на какой опыт, никогда не может освободиться от мечтаний, кои наполняли всю жизнь. Не говоря уже о главном предмете всех моих желаний или мечтаний, об освобождении крестьян — предмете, для коего я всё оставил бы здесь и охотно, даже один, без семьи, переселился бы в Россию и остался бы там, доколе было бы сил во мне, не говоря о сём, если б мне возможно было заняться в России, например, практическою реформою судопроизводства, то я с радостию переехал бы туда для этого». Пылкие слова Тургенева сопровождают точные расчёты по выкупам крестьянами земли, предназначенные для обсуждения в Москве [7, л. 17].

Д.Н. Свербеев в своей умеренности часто оказывался «между двух огней», не разделяя крайних убеждений своих друзей. Таким было его положение в противостоянии славянофилов и западников. Эту личную драму характеризует его письмо А.И. Тургеневу в Париж, написанное в 1845 г.: «Мне бы следовало составить для вас подробное описание того брожения умов, которое началось в Москве в прошлом и продолжается в нынешнем году, того необычайного у нас дви-

[1] Скачки с препятствиями (*англ.*).

жения мысли и раздражения личностей, в котором участвуют не только литераторы пишущие и читающие, не только полу-литераторы, говорящие в салонах, но и университет со своими профессорами и студентами, и члены Английского клоба и даже дамы. Всё это было бы для вас занимательно и может быть утешительно, если бы во всём этом движении не играла важнейшей роли тёмная сторона, изнанка, la revers de la médaille[1] человечества: раздражённое и неудовлетворённое самолюбие одних, детская, нелепая восторженность других, праздная болтовня и сплетни третьих. Из двух давно враждебных литературных и ещё более журнальных партий, воющих не столько за мнения, сколько за подписчиков, образовались два ополчения, и каждое из них выставило свои прежние, давно полинялые знамёна Шишковско-Славянского и Карамзино-Европейского просвещения... Но источник их один и тот же: личности, страсти и, сверх того, деньги, которые, кажется, прежде не участвовали нисколько в борьбе просвещения... Все мои старания успокоить враждующих оказались напрасными, и мне уже остаётся заботиться не о прекращении ссоры между моими приятелями, но о том, чтобы надо мною самим не разразилось негодование той или другой стороны за мои сношения с обеими... Судя по этому началу, не дай Бог нам никогда дожить до настоящих религиозных или политических прений. Едва ли где-нибудь найдётся менее христианской терпимости, хотя мы исстари славимся ею» [7, л. 3–5].

Хотя большинство друзей дома Свербеевых, как и хозяйка салона, остались на стороне славянофилов, сам Дмитрий Николаевич не разделял в полной мере их убеждений.

Переписка с Аксаковыми, многолетними друзьями семьи, не лишенная драматизма и вместе с тем глубокая как в интеллектуальном, так и в эмоциональном отношении, показывает не только взаимоотношения двух семей, но и воззрения ведущих славянофилов и их друзей-оппонентов [15].

«Я надел наконец Русское платье, с тем, чтоб никогда не скидавать его, — писал К.С. Аксаков Д.Н. Свербееву. — Я сделал это не в порыве живого увлечения с лёгкой радостью и веселием, очень понятным в этом случае, даже не в чувстве энтузиазма, когда душа непременно напряжена и не совсем естественны её напряжённые силы. Нет, я сделал это спокойно, свободно и серьёзно; но чем серьёзнее, тем твёрже. Себя не обманываю нисколько. Вижу ясно всю мелкость и утомительность, всю медленность борьбы, которую веду за русскую жизнь и самобытность против иностранного маскерада, против соблазна удобной роли обезьяны. Вижу, как заплыла наша народность и Русские начала светской общественной тиной... Жизнь человека есть нравственный подвиг; едва ли это определение не исчерпывает всего её значения... Что может быть законнее требования, чтобы Русские были Русскими, а не копиями чужих оригиналов?» [16, л. 1].

Особое личностное звучание этому манифесту придавало то, что своё непримиримое славянофильство К.С. Аксаков правомерно связывает со сложностями в личной жизни. Есть все основания полагать, что он сватался к одной из старших дочерей Д.Н. Свербеева и получил отказ. «Русская одежда не изменит ли наших отношений? Так страшно запутанно положение Русских людей, по милости полуторастолетнего обезьянства, что я не знаю ещё вполне всю силу, весь характер вопроса, который вам делаю... Я вижу очень хорошо, что с подобным решением придётся мне, верно, не знать семейного счастия. Могу ли я надеяться, чтобы мое платье и моё направление не были мне помехой, если б я пожелал соединить судьбу свою с другим существом и освя-

[1] Оборотная сторона медали (*фр.*).

тить свою жизнь великим таинством брака, хотя на моей стороне и образованное признание всех убеждений, разумеется честных, и родное Русское чувство? Зипун, сарафан! Это почти такие же неодолимые препятствия, как для иных кровная вражда или разница состояний» [16, л. 1–2].

Горячий ответ на эти полемические слова Константина Аксакова неожиданно приходит в письме старшего сына Свербеевых — совсем молодого Николая Дмитриевича: «Я всегда был уверен, что вы наконец достигнете своей цели, что вы наденете русское платье! Не знаю поздравить ли вас с этим подвигом? Нет, откровенность отношений наших этого не позволяет! ...Вы отреклись от общества и внутренне и внешне! Но отрекаясь от одной стороны — к какой же пристали вы? ...Вышедши из Маскарада – в какую жизнь вышли вы? ...Откланявшись в последний раз европейской шляпой обезьянам (так вы нас называете), в сообщество каких людей вступили вы?? ... Вы скажете на это: “Народ — моя сфера!” Но этот ответ гордый и решительный будет ошибочен... Народ вас не знает — и не будет знать, не смотря на блестящее сходство вашего Костюма... с его платьем!.. Он вас не понимает и никогда не будет в состоянии понять, в силу какой мысли вы ищете себе места в его быте, в его среде, — и так вы будете только духовно числиться в народе!... Прощайте! Мы разошлись дорогой! Моя дорога избита — но и на ней человек добросовестным трудом своим может быть честен и полезен — вот моё убеждение и моя цель!» [17, л. 1–2].

Через два года после этого письма молодой выпускник Московского университета Николай Дмитриевич Свербеев получит долгожданное назначение в Сибирь. Его письма в Москву из служебных поездок по отдалённым уголкам Якутского края и Приамурья — образец прекрасного эпистолярного травелога, многообразного и насыщенного, открывающего Сибирь родителям-европейцам [18] (ил. 5, 6). Некоторые его послания были изданы вскоре после путешествий, они представляют московским читателям восточные окраины России как уникальный богатый край [19, 20].

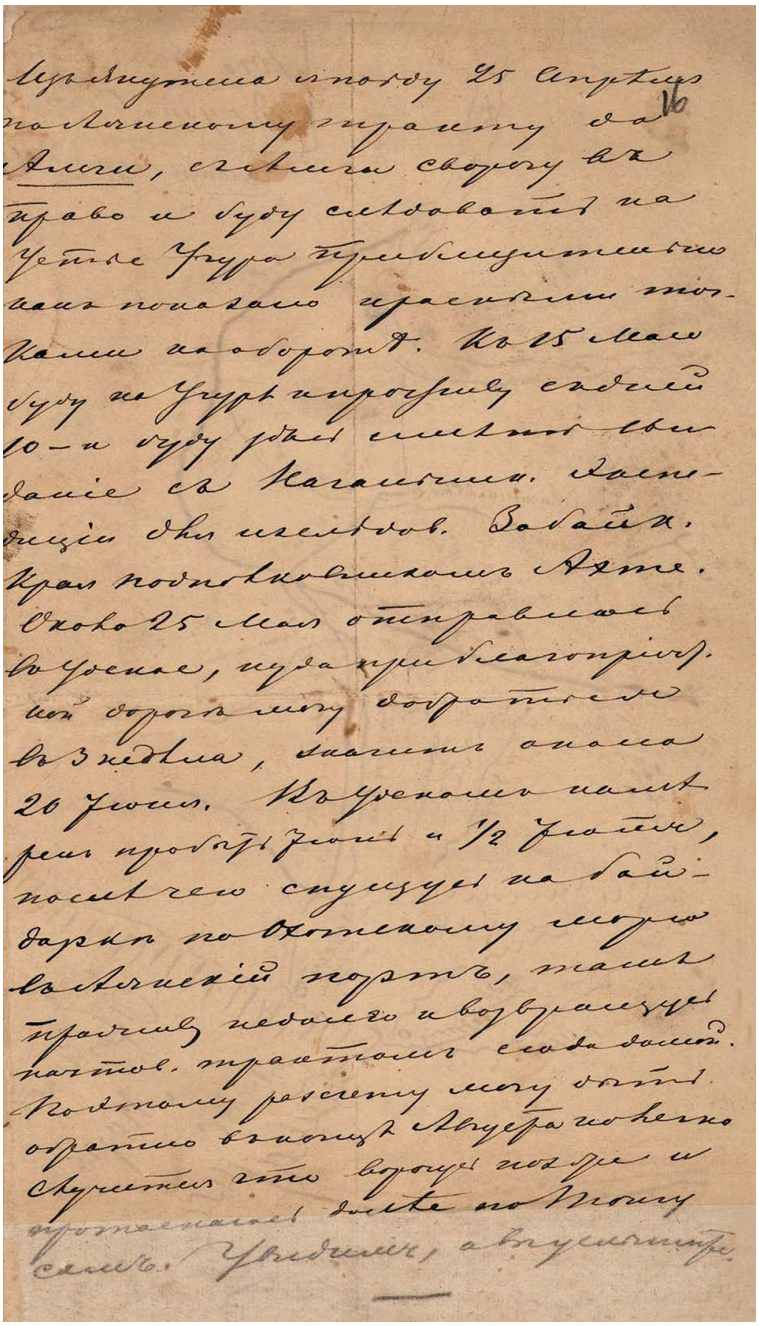
Многие письма Н.Д.Свербеева полны литературных образов далёкой Сибири — таковы замечания о языке жителей Удского острога, характеризующем их близость природе: «нигде, ни в какой русской речи не встречал я таких поэтических выражений, таких метких сравнений, какими привык выражаться удский крестьянин. И явления природы, с которой он так тесно сдружился, и царство животных усвоило себе его знание до мельчайших подробностей силою ничем не отвлекаемого наблюдения. Удский житель, со страхом и недоверчивостью взирающий на заезжаго к нему гостя, равнодушно и безбоязненно встречается с медведем, хладнокровно вступая в борьбу и с ним, и с сохатым, и со всем диким населением знакомой ему тайги. Невольно заслушаешься его разсказов, увлекательных своею простотой, и слушая, удивляешься, каким образом среди мира, лишённаго всех жизненных вопросов, которыми наполнено наше существование, — каким образом могло создаться такое множество понятий поэтических, свежих и верных. Это убедило меня в том, о чём я прежде только слышал и читал, что поэзия легка, и мысль есть отблеск красоты Божьяго мира — природы» [20, с. 102] (ил. 7).

В свою очередь письма московских родственников о Сибири, им совершенно незнакомой, полны восторга и одобрения. Особенно характерны высказывания матери, Е.А.Свербеевой, которая замечает в переписке: «Я довольна, что он [Николай] не прельстился Петербургом и не поколебался в своём решении ехать в Сибирь... Я рада, что Николенька узнает Россию и самую богатую часть ея, и быт этой страны превосходнее нашей; весело и на это взглянуть» [21, л. 13]. Нужно заметить, что это пишет женщина, кото-

рая не бывала восточнее Волги и даже Польшу за подходящее место для жизни не считает, в крайнем случае полагая таковой Германию: «Германию полюбить можно, привыкнуть то есть к ней; но с Польшей свыкнуться нельзя. Я бы никак не осталась жить в Варшаве», — замечает она в одном из писем [21, л. 53].

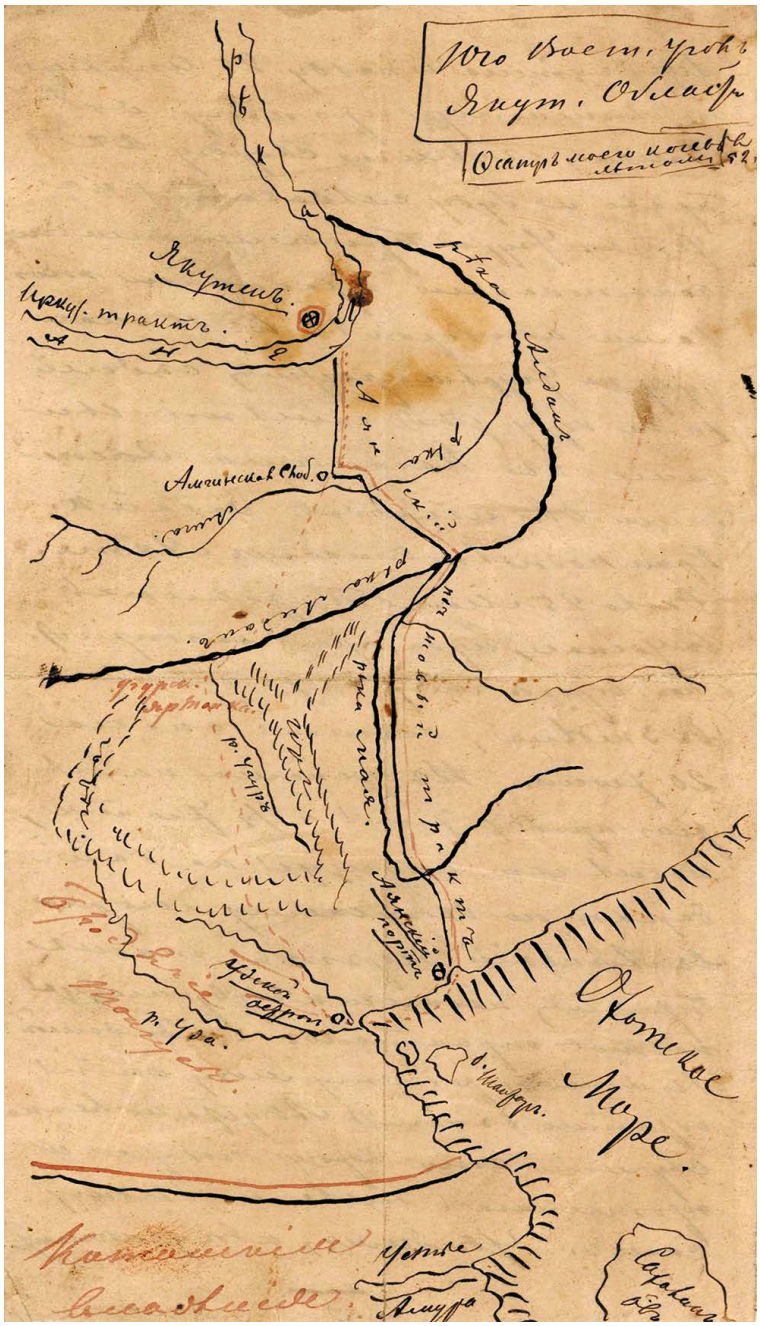
Прекрасное знание Европы, близость к её культуре, окрепшая в путешествиях, ставят Свербеевых перед новыми мировоззренческими проблемами там, где речь идёт о вере и богословии.

В письмах дочери Софье Дмитрий Николаевич обсуждает вопросы религиозной терпимости, болезненные для него, искренне приверженного православию, но имеющего друзей-католиков и знакомых-протестантов в Европе. Рассуждая о возможных путях единения разных христианских конфессий, он пишет дочери: «Задача такого единения представляется в моих нравственных, политических и религиозных убеждениях менее невозможной, более близкой и сбыточной к её решению... Воссоединяемые с древней католической церковью англичане и американцы на вышеизложенном основании лучше нас, в сущности равнодушных единоверцев, внесут к ним новые начатки возрождения, новые силы и средства к их освобождению и уничтожат или ослабят ненависть к ним всех европейцев... Далее, такое единение будет в широком христианском смысле, может быть, всеобщим единением человечества, людей благоволения, любви и мира... Представителями его будут великие мыслители нашего будущего времени. Предтечами таких новых христианских двигателей я назову отжившего православного Филарета и отживающего протестанта Гизо» [22, л. 15–17].



Ил. 5. Письмо Н.Д. Свербеева из Якутска с описанием маршрута его путешествия по тайге. Апрель 1852 г.

В другом письме дочери Свербеев яростно полемизирует с положениями Ю.Ф. Самарина: «...он отказывал в имени христианина всякому католику и протестанту. В замечательном предисловии Самарин выставил в самом безнадёжном



Ил. 6. Маршрут путешествия Н.Д. Свербеева по тайге. Апрель 1852 г.

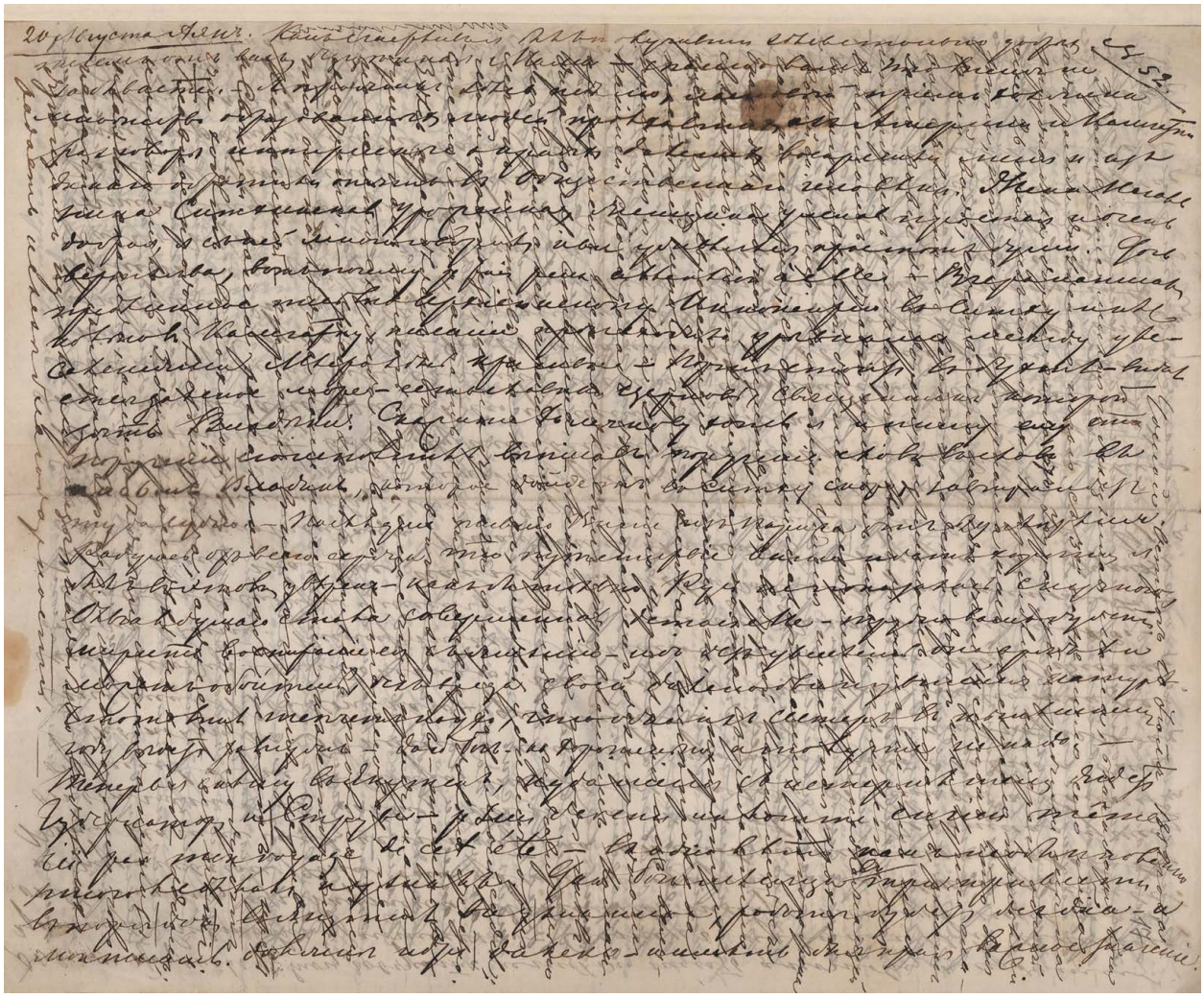
виде Русскую Церковь, упрекая её, начиная с Синода, зависимостью от всякой власти и низводя на самую низкую ступень последней бюрократической канцелярии, которая с опасливым вниманием глядит на каждого квартального... Обвинение столько же разрушительное, сколько и неверное» [22, л. 3].

Переписка Дмитрия Николаевича с дочерью Софьей характеризует всю глубину их взаимоотношений и многообразие функций семейных писем, зачастую принимающих формы публицистики или мемуаров [23].

Письма Д.Н. Свербеева детям состоят не только из глубоких рассуждений. В них причудливо чередуются хозяйственные и морально-этические наставления. Вопросы закупки сукна и икон к свадьбе, выплаты долгов, доставки свежих номеров журналов соседствуют с размышлениями о недавно прочитанных статьях на актуальные политические темы. Начинающему студенту Александру он пишет с теплотой: «Лекций не пропускай, форму соблюдай, усы выбри, обществу много не предавайся, а меня люби и помни» [24. л. 8].

Эпистолярные портреты

Страницы частной переписки Свербеевых наполнены живыми образами друзей дома — известных современников. О потере одного из них, Александра Ивановича Тургенева, Е.А. Свербеева пишет с искренним горем: «Так молод и свеж душою был Тургенев, так горячо любил он добро, так деятелен и признателен он был ко всякому за деятельность хорошую... Много потеряли в нём люди достойные, душа прекрасная жила в Тургеневе, сердце, полное чистой любви к ближнему, любви не холодной — отсутствие всякаго эгоизма. Не раз вспомним мы Тургенева, когда нужно будет сочувствие — где найдём мы такое полное и всегда живое... Как бодр и словоохотен, блистательно умён он был те последние вечера. Я слушала его и тихо радовалась полноте умственных способностей» [21, л. 15 об.–16].



Ил. 7. Письмо Н.Д. Свербеева матери, Е.А. Свербеевой, из Удского острога и Аяна (июль–август 1852 г.). Максимально полное использование почтовой бумаги — не редкость для частной переписки XIX в., а нумерация писем была необходима для соблюдения порядка повествования при погрешностях в работе почты

Не менее тёплыми словами провожает Екатерина Александровна и поэта Н.М. Языкова, посвятившего ей несколько стихов: «Он сочувствовал всякому доброму предприятию так живо. Так чисты и истинны были его побуждения. Одно его слово, молчаливое согласие побуждало других к делу — вокруг него собирался кружок, которому теперь всегда недоставать будет точки соединения». [21, л. 29–30].

Потеря близкого друга всегда наполняла семейные письма размышлениями и воспоминаниями об ушедшем. Так писал с теплотой Дмитрий Николаевич жене, вспоминая А.С. Хомякова: «Мне очень, очень жаль Алексея Степановича, но не так жалею я его, как другие друзья... Он был человек движения, увлекался другими, увлекая их прежде; это неизбежная грустная судьба всякого двигателя: каждый из них идёт дальше, чем думает. Но Хомякову все, и я первый, должны отдать ту справедливость, что увлечения его всегда были бескорыстны, безрасчётны во всех отношениях, а источник убеждений не только искренний, но и светлый. К тому же он преисполнен был какой-то детской, неземной любовью ко всем; эта черта его характера выражалась даже во всех его шутках, которыми он, судя о других по себе,

иногда бессознательно раздражал противников. По свойствам сердца он почти всегда выказывался и был человеком не нашего времени и потому не понимал в других раздражения политического, этой чумы, заражающей теперь всех и каждого» [7, л. 226].

Возможно, самые известные высказывания из семейной переписки – о Герцене, в письме о его кончине и похоронах, на которых Д.Н. Свербеев был лично: «Я бы предложил составить из его собственных, т.е. Герцена, записок его полную биографию, и мне кажется, что она могла бы быть лучшей настольной книгой нашим будущим революционерам, ослепляющим Россию святым намерением возбуждать её к бунту. Из этой несчастной жизни они бы убедились, что первый, столь даровитый и страстный такого рода деятель ни в чём не преуспел и умер в отчаянии» [6, с. 632].

Изучение эпистолярного наследия трёх поколений одной семьи (от Дмитрия Николаевича и Екатерины Александровны Свербеевых до их внуков, живших в конце XIX – начале XX в.) даёт возможность получить важный новый опыт составления и использования подобных комплексных источников, проследить эпистолярные и мемуарные традиции семьи, формирование и развитие мировоззрения и самоидентификации. Переписка — и прежде всего, внутрисемейная — предстаёт во всём своём многообразии, раскрывая для исследователей новые перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобак И.В. Изучение писем как исторического источника в отечественной историографии (40-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Историография и источниковедение отечественной истории: Сборник научных статей. СПб., 2009. Вып. 5. С. 560–580.
2. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств / Подг. изд. И.А. Виноградов. М., 2011–2013. Т. 3. М., 2013. 1168 с.
3. Голицын Н.В. П.Я. Чаадаев и Е.А. Свербеева (Из неизданных бумаг Чаадаева) // Вестник Европы. 1918. Кн. 1–4. С. 238–253.
4. Коваль С.Ф. Из архива Н.Д. Свербеева. Письма А.И. Герцена // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 203–216.
5. Шахеров В.П. Из архива Н.Д. Свербеева. Письма И.Д. Пущина // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 216–225.
6. Свербеев Д.Н. Мои записки / Подг. публ.: М.В. Батшев, Б.П. Краевский, Т.В. Медведева. М., 2014.
7. Материалы к биографии А.Д. Свербеева [переписка семьи Свербеевых] // РО ИРЛИ. Ф. 598 (А.Д. Свербеев). Оп. 1. Д. 891.
8. Краевский Б.П. Дмитрий Николаевич Свербеев // Куранты. Историко-краеведческий альманах. М., 1987. Вып. II. С. 211–217.
9. Батшев М.В. «Беседы наши были самые оживлённые»: салон Д.Н. и Е.А. Свербеевых в культурно-общественной жизни Москвы 1830–1860-х годов // Московский журнал. История государства Российского. 2017. № 2 (314). С. 59–63.
10. Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). М., 1990. 736 с.
11. [Бартенев П.И.] Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой // Русский архив. 1911. № 7. С. 1–3.
12. Голицын Н.В. Введение // Попова Е.И. Дневник. / Под ред. Н.В. Голицына. М., 2013. 320 с.
13. Кабытов П.С., Тюрин В.А. Самарский губернатор А.Д. Свербеев // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2016. № 3.1. С. 26–32.

14. Письмо Н.Д. Свербеева Д.Н. Свербееву. 1858 г. // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 82.
15. Медведева Т.В., Батшев М.В. Аксаковы и Свербеевы. Страницы переписки двух семей (1840-е – 1860-е годы) // Абрамцево в истории и культуре России: Сборник статей / Под ред. Е.Н. Митрофановой. Абрамцево, 2015. С. 16–36.
16. Письма К.С. Аксакова Д.Н. и Н.Д. Свербеевым // РГАЛИ. Ф. 472 (Свербеевы). Оп. 1. Д. 48.
17. Письмо Н.Д. Свербеева К.С. Аксакову. 1848 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 9. Д. 73.
18. Медведева Т.В. Путешествия Николая Дмитриевича Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражениях // Русский травелог XVIII–XX вв. Новосибирск, 2018.
19. Свербеев Н.Д. Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку: Письмо к редактору [Московских ведомостей] // Московские ведомости. 1852. № 111. 15 сент. С. 1147–1148; № 112. 16 сент. С. 1157–1158.
20. Свербеев Н.Д. Сибирские письма. Письмо первое (Проезд с Учурской ярмонки до Удского острога. Удский острог. Население его. Несколько слов о торговле края) // Вестник Императорского Русского географического общества. 1853. Ч. 8. Кн. 4. С. 95–109.
21. Письма Е.А. Свербеевой А.Н. Попову. 1845–1871 гг. // РГАЛИ. Ф. 472 (Свербеевы). Д. 617.
22. Письма Д.Н. Свербеева С.Д. Свербеевой, дочери. 1868–1869 гг. // РГАЛИ. Ф. 472 (Свербеевы). Д. 44.
23. Медведева Т.В. Мемуарные и эпистолярные тексты Д.Н. Свербеева — между типичностью и уникальностью. К проблеме видовых особенностей источников // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1 (30). С. 89–97.
24. Письмо Д.Н. Свербеева А.Д. Свербееву. [1852] // РО ИРЛИ. Ф. 598 (А.Д. Свербеев). Оп. 1. Д. 625.
25. Покровская В.А. Московский литературный салон Е.А. Свербеевой (вторая четверть XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 2. С. 12–20.
26. Мякотин А.А. Деятельность А.Д. Свербеева на посту самарского губернатора // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2017. Т. 23. № 3. С. 18–23.

ENGLISH

The Sverbeev Family Epistolary Archive

Tat'yana Valer'evna Medvedeva — Candidate of Historical Sciences, senior scientific officer of the Slavonic Science Institute of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project "The Sverbeev Family Epistolary Archive. 1820-1900s" (15-01-00120a).
E-mail: tmedvedeva1@yandex.ru

The article is focused on the Sverbeev family epistolary archive study findings. Especially, this means letters of D.N. Sverbeev (1799–1874), a memoirist, and E.A. Sverbeeva (1808–1892), his wife, a hostess of the famous Moscow salon in 1840s, who had extensive ties to the Russian enlightened society. Epistolary intercourse of their sons and daughters (in particular, N.D. Sverbeev, A.D. Sverbeev and S.D. Sverbeeva) inherited and successfully maintained parents' social ties is also of interest. The family archive maintained abundant correspondence with family friends and acquaintances including Turgenev brothers (i.e., A.I. and N.I.), K.S. and I.S. Aksakovs, N.M. and A.M. Yazykovs, archbishop Innokentii (Veniaminov), A.N. Popov, A.S. Homyakov, I.V. Kireevskii, A.P. Elagina, S.P. Shevyryov, P.A. Vyazemskii, S.P. Trubetskoi, etc.

Almost centenary epistolary archive of a whole family maintained remarkable social ties represents an important document of cultural memory and literary history of two generations of the Russian noble intellectuals in the XIX century. Philosophical, literary, religious and pedagogical issues are discussed in correspondence of the Sverbeev family. It demonstrates responses to the most important social and cultural events of the epoch. Also, it contains biographic, cultural and social data. Also, the Sverbeev family epistolary archive enables a comparative study of private correspondence.

Keywords: correspondence, D.N. Sverbeev, E.A. Sverbeeva, N.D. Sverbeev, nobility, spiritual culture, personal archive, comparative method

REFERENCES

1. Kobak I.V. Izuchenie pisem kak istoricheskogo istochnika v otechestvennoy istoriografii (40-e gg. XX v. – nachalo XXI v.) // Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoy istorii: Sbornik nauchnykh statey. SPb., 2009. Vyp. 5. S. 560–580 (in Russian).
2. Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskiy svod dokumental'nykh svidetel'stv / Podg. izd. I.A. Vinogradov. M., 2011–2013. T. 3. M., 2013. 1168 s. (in Russian).
3. Golitsyn N.V. P.Ya. Chaadaev i E.A. Sverbeeva (Iz neizdannykh bumag Chaadaeva) // Vestnik Evropy. 1918. Kn. 1–4. S. 238–253 (in Russian).
4. Koval' S.F. Iz arkhiva N.D. Sverbeeva. Pis'ma A.I. Gertsena // Sibir' i dekabristy. Vyp. 4. Irkutsk, 1985. S. 203–216 (in Russian).
5. Shakherov V.P. Iz arkhiva N.D. Sverbeeva. Pis'ma I.D. Pushchina // Sibir' i dekabristy. Vyp. 4. Irkutsk, 1985. S. 216–225 (in Russian).
6. Sverbeev D.N. Moi zapiski / Podg. publ.: M.V. Batshev, B.P. Kraevskiy, T.V. Medvedeva. M., 2014 (in Russian).
7. Materialy k biografii A.D. Sverbeeva [perepiska sem'i Sverbeevykh] // RO IRLI. F. 598 (A.D. Sverbeev). Op. 1. D. 891 (in Russian).
8. Kraevskiy B.P. Dmitriy Nikolaevich Sverbeev // Kuranty. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh. M., 1987. Vyp. II. S. 211–217 (in Russian).
9. Batshev M.V. «Besedy nashi byli samye ozhivlyonnye»: salon D.N. i E.A. Sverbeevykh v kul'turno-obshchestvennoy zhizni Moskvy 1830–1860-kh godov // Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. 2017. № 2 (314). S. 59–63 (in Russian).
10. Chicherin B.N. Vospominaniya // Russkie memuary. Izbrannye stranitsy (1826–1856). M., 1990. 736 s. (in Russian).
11. [Bartenev P.I.] Iz moskovskoy zhizni sorokovykh godov. Dnevnik Elisavety Ivanovny Popovoy // Russkiy arkhiv. 1911. № 7. S. 1–3 (in Russian).
12. Golitsyn N.V. Vvedenie // Popova E.I. Dnevnik. / Pod red. N.V. Golitsyna.M., 2013. 320 s. (in Russian).
13. Kabytov P.S., Tyurin V.A. Samarskiy gubernator A.D. Sverbeev // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. Samara, 2016. № 3.1. S. 26–32 (in Russian).
14. Pis'mo N.D. Sverbeeva D.N. Sverbeevu. 1858 g. // GARF. F. 109. Op. 1. D. 82 (in Russian).
15. Medvedeva T.V., Batshev M.V. Aksakovy i Sverbeevy. Stranitsy perepiski dvukh semey (1840-e – 1860-e gody) // Abramtsevo v istorii i kul'ture Rossii: Sbornik statey / Pod red. E.N. Mitrofanovoy. Abramtsevo, 2015. S. 16–36 (in Russian).

16. Pis'ma K.S. Aksakova D.N. i N.D. Sverbeevym // RGALI. F. 472 (Sverbeevy). Op. 1. D. 48 (in Russian).
17. Pis'mo N.D. Sverbeeva K.S. Aksakovu. 1848 g. // RO IRLI. F. 3 (Aksakovy). Op. 9. D. 73 (in Russian).
18. Medvedeva T.V. Puteshestviya Nikolaya Dmitrievicha Sverbeeva po Sibiri (1852–1854) v epistolyarnom i literaturnom otrazheniyakh // Russkiy travelog XVIII–XX vv. Novosibirsk, 2018 (in Russian).
19. Sverbeev N.D. Poezdka iz Yakutska na Uchurskuyu yarmarku: Pis'mo k redaktoru [Moskovskikh vedomostey] // Moskovskie vedomosti. 1852. № 111. 15 sent. S. 1147–1148; № 112. 16 sent. S. 1157–1158 (in Russian).
20. Sverbeev N.D. Sibirskie pis'ma. Pis'mo pervoe (Proezd s Uchurskoy yarmonki do Udskogo ostroga. Udskiy ostrog. Naselenie ego. Neskol'ko slov o torgovle kraya) // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1853. Ch. 8. Kn. 4. S. 95–109 (in Russian).
21. Pis'ma E.A. Sverbeevoy A.N. Popovu. 1845–1871 gg. // RGALI. F. 472 (Sverbeevy). D. 617 (in Russian).
22. Pis'ma D.N. Sverbeeva S.D. Sverbeevoy, docheri. 1868–1869 gg. // RGALI. F. 472 (Sverbeevy). D. 44 (in Russian).
23. Medvedeva T.V. Memuarnye i epistolyarnye teksty D.N. Sverbeeva — mezhdu tipichnost'yu i unikal'nost'yu. K probleme vidovykh osobennostey istochnikov // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. 2018. № 1 (30). S. 89–97 (in Russian).
24. Pis'mo D.N. Sverbeeva A.D. Sverbeevu. [1852] // RO IRLI. F. 598 (A.D. Sverbeev). Op. 1. D. 625 (in Russian).
25. Pokrovskaya V.A. Moskovskiy literaturnyy salon E.A. Sverbeevoy (vtoraya chetvert' XIX v.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2018. № 2. S. 12–20 (in Russian).
26. Myakotin A.A. Deyatel'nost' A.D. Sverbeeva na postu samarskogo gubernatora // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. Samara, 2017. T. 23. № 3. S. 18–23 (in Russian).

УДК 902
ГРНТИ 03.41.01
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-25-37

А.Р. ЛАСКИН,
Е.Г. ДЭВЛЕТ,
Е.С. ЛЕВАНОВА*

Исследования Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства

Изучение наскального искусства — это исследования древних рисунков или петроглифов, повествующих о жизни и верованиях наших предков, и одновременно — сложнейший процесс спасения и возвращения из небытия огромной части культурного наследия России. Прочерченные и нарисованные на камне истории или мифы постоянно подвергаются негативному природному и антропогенному воздействию: выветриваются, осыпаются, зарастают лишайниками, уничтожаются туристами. Документирование этих памятников — трудоёмкий, но важный процесс сохранения наследия для потомков.

Статья посвящена результатам проектов по документированию и изучению петроглифов Дальнего Востока, относящихся к Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства. Местонахождения петрогифов были известны с XIX в. и введены в научный оборот в 1935 г., но до сих пор велик потенциал их исследования. За последние 15 лет на памятниках Амура и Уссури были проведены работы по проектам, осуществлявшимся при поддержке РГНФ и РФФИ и направленным на решение фундаментальных задач изучения древнейшей изобразительной деятельности человека.

Ключевые слова: Тихоокеанский регион, Амуро-Уссурийская провинция наскального искусства, наскальные изображения, петроглифы, исследователи наскального искусства, Сикачи-Алян, Шереметьево, антропоморфные личины, личины-маски

* **Ласкин Артур Робертович** — кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии КГБУ «Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры», руководитель проектов «Наскальные изображения Нижнего Амура в кросскультурном контексте: исторический диалог культур и традиций» (17-01-00511а) и «Трёхмерное моделирование археологической среды и сакральных ландшафтов Дальнего Востока» (17-29-04389а).
E-mail: archaeology@inbox.ru

Дэвлет Екатерина Георгиевна — (1965–2018) — доктор исторических наук, руководитель Центра палеоискусства Института археологии РАН, руководитель проекта «Без границ: наскальное искусство Монголии, Северного Китая, российского Дальнего Востока, Южной Кореи и Японии» (18-09-00691а).
E-mail: eketek@yandex.ru

Леванова Елена Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН, исполнитель указанных проектов.
E-mail: maraveriza@gmail.com

Введение

Амуро-Уссурийская провинция наскального искусства объединяет группу памятников со схожими технологическими и художественными характеристиками в низовьях Амура и Уссури (на границе России и Китая). Эти реки, расположенные на юге и севере региона, в древности были одними из основных путей миграции населения с материка, через горные хребты, к побережью Тихого океана и обратно. К единой локальной провинции относят три памятника: Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия (рис. 1) [16; 5, с. 29–32]. Амуро-уссурийские петроглифы разнообразны по сюжетам и стилистике. Представлены многочисленные изображения масок-личин[1], антропоморфные стилизованные или схематичные изображения, звери (лошади, лоси, тигры, кабаны и др.), а также фигуры птиц, змей, изображения лодок, геометрические знаки (чашечные углубления (ямки-лунки), простые и концентрические окружности и др.).

Особенности техники выполнения ряда петроглифов амуро-уссурийской традиции связаны с тем, что они нередко расположены на поверхностях двойной кривизны и на ребрах слабо окатанных базальтовых валунов. При этом изображения могут быть оконтурены широким и глубоким желобком, а сама выбивка имеет переменную глубину. Это делает петроглифы не плоскостными, а трёхмерными (барельефными).

Памятники Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства

Наиболее известны петроглифы близ с. Сикачи-Алян, расположенные по правому берегу р. Амур в 60 км ниже Хабаровска и в 2003 г. внесённые в Предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО, а также наскальные изображения Шереметьево — местонахождения ниже с. Шереметьевское на правом берегу р. Уссури в 140 км от Хабаровска.

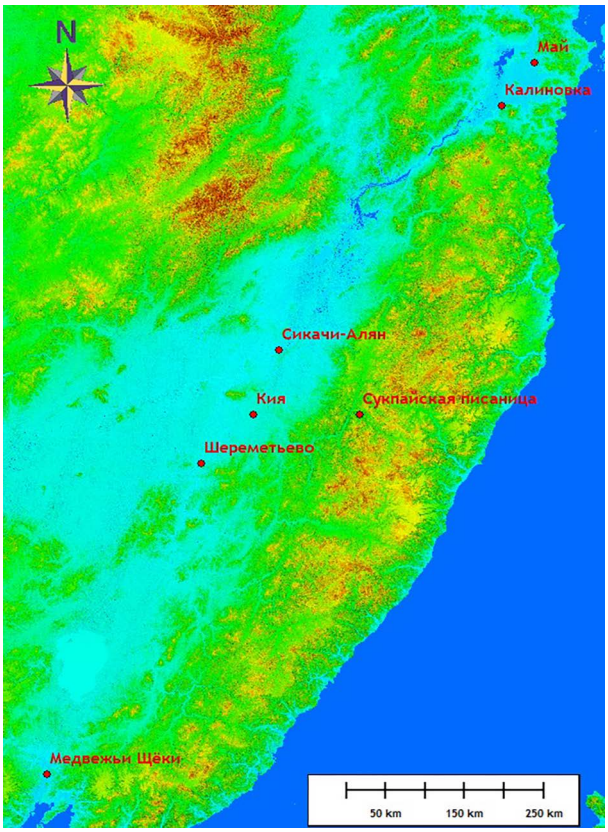


Рис. 1. Карта местонахождений петроглифов Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства, Ю.М. Свойский

Сикачи-Алян — это крупнейшее дальневосточное скопление петроглифов, которые выполнены преимущественно на базальтовых валунах, расположенных в прибрежной полосе и постоянно перемещающихся под действием льдов и в результате сильных паводков. Петроглифы концентрируются на береговой полосе от с. Малышево до с. Сикачи-Алян (до 1970-х гг. оно называлось Сакачи-Алян) протяжённостью 5–6 км. Известно более 120 массивных базальтовых глыб, на которые нанесено более 200 выбитых изображений и групп, локализующихся в шести пунктах (рис. 2, 3).

Вплоть до 2000-х гг. близ с. Шереметьевское было известно только три пункта со-

[1] Личина — фронтальное изображение лицевой части антропоморфного облика. Маска-личина отличается гипертрофированными контурами с различными деталями внутреннего и внешнего оформления [3, с. 62].

средоточения петроглифов на пятикилометровом отрезке правого берега р. Уссури (на вертикальных скалистых выходах), на сегодняшний день мы можем говорить ещё о пяти отдельных местонахождениях валунов с изображениями (рис. 4).

Памятник Кия расположен в 7 км к востоку от с. Переяславка и представляет собой скальный обрыв правого берега р. Кия выше урочища Чёртово Плёсо. Петроглифы локализуются на вертикальном скальном выходе коренных базальтовых пород. Киинские петроглифы представлены зооморфными и орнитоморфными изображениями, антропоморфными личинами округлой и овальной форм, две из которых окружены своеобразным ореолом в виде исходящих лучей, а также знаками. Петроглифы располагаются тремя группами (рис. 5).

История изучения

Шереметьевские изображения были известны с середины XIX в., упоминания о них встречаются в сообщениях путешественника Р.К.Маака и географа К.Ф.Будогоского [1; 13]. Первые сведения о петроглифах Сикачи-Аляна относятся к концу XIX в., а первой их публикацией является статья П.И.Ветлицына в газете «Приморские ведомости» [2]. В 1935 г. петроглифы у сёл Сикачи-Алян и Малышево обследованы участниками Нижне-Амурской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством А.П.Окладникова (рис. 6).

Алексей Павлович Окладников (1908–1981 гг.) открыл многочисленные памятники эпохи палеолита, неолита и бронзового века на территории нашей страны и внёс неоценимый вклад в изучение первобытного искусства: он открыл и исследовал основные ареалы петроглифов разных стилей от эпохи палеолита до Средних веков на территории Северной Евразии. К документированию и исследованию петроглифов Амура и Уссури Окладников возвращался на протяжении всей жизни. Предварительные результаты обследования памятников Алексей Павлович опубликовал после войны, в 1954 г. [15, 16]. Полномасштабное изучение петроглифов связано с работами Дальневосточной археологической экспедиции под руководством Окладникова, организованной ленинградским Институтом истории материальной культуры в 1953 г. Работы по копированию изображений проводились в 1958, 1963 и 1969 гг. В 1958 г. было скопировано большинство камней Сикачи-Аляна, в 1963 г. эта работа была продолжена, а в 1969 г. проведена проверка изображений. В 1970 г. под его руководством проводились раскопки многослойного поселения у нижней окраины с. Сикачи-Алян, у первого пункта петроглифов, давшие основания для датировки древнейших изображений. Шереметьевские петроглифы исследовались археологом в 1958 и 1968 гг. В 1968 г. были также документированы рисунки на р. Кия.

Рис. 2. Памятник Сикачи-Алян (фото А.С.Пахунова)

Рис. 3. Памятник Сикачи-Алян (фото И.Ю. Георгиевского)

Рис. 4. Петроглифы Шереметьево (фото И.Ю. Георгиевского)

Рис. 5. Памятник Кия (фото Ю.М. Свойского)

Итогом этой огромной научно-исследовательской работы стала монография А.П. Окладникова «Петроглифы Нижнего Амура», опубликованная в 1971 г. [17], в которой исследователь соотнёс выделенные им традиции наскального искусства Амура и Уссури с археологическими культурами Нижнего Амура (от мезолита до эпохи Средневековья) и обозначил до сих пор актуальные проблемы сопоставления мотивов наскального искусства Дальнего Востока с более отдалёнными традициями.

С учётом техники исполнения петроглифов и особенностей их локализации, иконографического своеобразия представленных мотивов, состояния сохранности, аналогий из археологического и этнографического материала вслед за Окладниковым принято различать четыре фазы в эволюции наскального искусства Сикачи-Аляна и Шереметьево. С древнейшей фазой — временем существования местной неолитической культуры (осиповская культура) — связываются обобщённые изображения диких животных: лосей и лошадей, лесных птиц, архаические по стилю личины парциального типа, лунки и их сочетания, а также череповидные или обезьяновидные личины-маски. Со второй фазой хронологически совпадает расцвет неолитических культур Нижнего Амура с присутствием в них спирально-орнаментированной керамики (конец IV–III тыс. до н.э.). К этой фазе относятся рельефные личины, выполненные на схождении двух или трёх граней камня и оставляющие специфическую черту местной изобразительной традиции. Кроме того, со второй фазой связываются личины со сложным геометрическим заполнением внутреннего пространства, фигуры водоплавающих птиц. Третья фаза датируется II – началом I тыс. до н.э. и характеризуется усилением орнаментальных тенденций, развитием абстрактности. К ней отнесены изображения лосей с заполнением туловища концентрическими окружностями, а также

Рис. 6. Академик А.П. Окладников (1908–1981 гг.)

личины, выполненные в сходном стиле. Гравированные изображения с тенденцией к отходу от орнаментализма и преобладанием прямых линий относятся к четвёртой фазе эпохи металла и мохэского времени раннего Средневековья. В этой фазе рисункам присущи не столько криволинейные, сколько прямолинейные формы [17, с. 88–89].

Современные исследования памятников наскального искусства Дальнего Востока

С 2003 г. хабаровские археологи под руководством А.Р. Ласкина и в сотрудничестве с учёными из Института археологии РАН (Е.Г. Дэвлет, А.С. Пахунов, Е.С. Леванова) проводят мониторинг и археологическое наблюдение на памятниках Сикачи-Алян, Шереметьево и Кия. Сравнительный анализ современного положения камней с петроглифами и схем 1950-х гг., выполненных А.П. Окладниковым, показывает, что за последние 50 лет в двух крупнейших пунктах сикачи-алянских петроглифов (I и II) более 25 камней с изображениями оказались перевёрнутыми или перемещёнными на расстояние от 2 до 55 м [8, с. 398–400]. За долгие годы наблюдений отмечены интенсивные процессы песчаных наносов и иловых отложений, а под действием ледохода многие камни с петроглифами оказываются смещёнными или перевёрнутыми на другие плоскости. Некоторые из отмеченных на схемах 1950-х гг. камни с изображениями не обнаружены, но в то же время удалось выявить ряд новых объектов и существенно дополнить корпус амуро-уссурийских петроглифов. С 2003 по 2018 г. на пунктах местонахождения Сикачи-Алян выявлены и документированы 17 новых камней с петроглифами, а также некоторые ранее не выявленные фигуры в границах уже известных местонахождений. За последние десять лет исследований на Шереметьево также было обнаружено значительное количество новых изображений, в том числе и на отдельно лежащих валунах в пределах береговой полосы правого берега Уссури, хотя ранее считалось, что петроглифы Шереметьево локализуются только на скальных выходах. В пяти новых пунктах были обнаружены личины-маски различных типов, фигуры водоплавающих и лесных птиц, змей (рис. 7–8).

Из 13 киинских петроглифов, выполненных пикетажем и краской и обнаруженных в 1968 г. экспедицией Окладникова, в настоящее время доступны 12 (до 2017 г. были известны девять). Единственное выполненное красной краской изображение лодки с сидящими в ней людьми не обнаруживается. В 2016 и 2017 гг. были выявлены две антропоморфные личины, по результатам работ 2018 г. корпус киинских петроглифов, вероятно, пополнится ещё двумя изображениями[1].

Столь успешный мониторинг памятников, документирование и выявление новых петроглифов стали возможны бла-

[1] Работы 2017–2018 гг. велись совместно с сотрудниками Лаборатории RSSDA по проекту РФФИ «Трёхмерное моделирование археологической среды и сакральных ландшафтов Дальнего Востока» (17-29-04389).

Рис. 7. Новые петроглифы Шереметьево (фото А.С. Пешкова)

годаря применению новейших методов фотофиксации и постобработке материалов. Все проведённые работы по обследованию местонахождений и пополнению корпуса данных об Амуро-Уссурийской традиции наскального искусства были важны не только для сохранения и разработки методик консервации, но и для решения фундаментальных научных задач, к решению которых обратилась Екатерина Георгиевна Дэвлет, руководитель Центра палеоискусства и идейный вдохновитель всех проектов Института археологии РАН, связанных с изучением наскального искусства России (рис. 9).

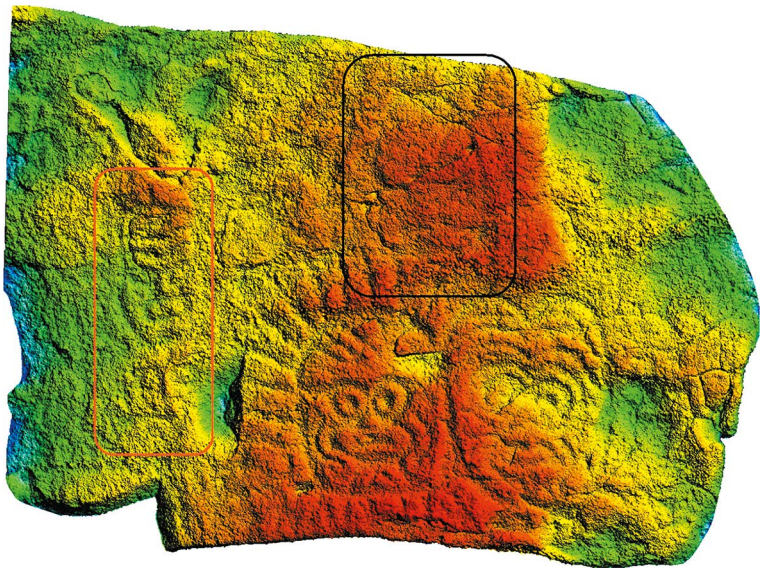


Рис. 8. Новые петроглифы Шереметьево, визуализация поверхности модели математическим алгоритмом, Е.В. Романенко. Документирование и моделирование А.С. Пешков, Е.С. Конакова, Д.Ю. Анисимова, Н.Н. Чекунова, «Лаборатория RSSDA»

Изучение петроглифов Дальнего Востока даёт богатейший материал для проведения кросскультурных исследований. Ещё А.П. Окладников обнаружил трансокеанские параллели петроглифам Нижнего Амура [17, 18]. Выявленные в последние годы изображения в При-

Рис. 9. Е.Г. Дэвлет (1965–2018 гг.) на памятнике Шереметьево, 2014 г. (фото И.Ю. Георгиевского)

амурье, а также на Ангаре и Среднем Енисее [3, 14] заставили вновь с интересом обратиться к теме сопоставления удалённых традиций наскального искусства для вероятного определения путей миграции и культурных связей древних обществ.

Центральное место в репертуаре Амуро-Уссурийской традиции наскального искусства занимают стилизованные антропоморфные изображения — личины (рис. 10). Уникальны разнообразие форм (овальные, яйцевидно-овальные, сердцевидные, трапециевидные, трёхточечные, личины череповидной формы с широкой верхней частью и ярко выраженным узким подбородком), а также различная проработка деталей и орнаментика. Некоторые личины могут иметь контур, другие лишены его, немало парциальных вариантов. Есть личины-двойники, сходные на разных местонахождениях, а также личины, показанные «щека к щеке» [10]. Они не дублировали, не повторяли друг друга, а были индивидуальны, отличались многообразием форм, размерами и деталями. Широко представлены рельефные личины, выполненные на схождении двух или трёх граней камня и оставляющие специфическую черту местной изобразительной традиции.

Мотиву маски-личины уделяется огромное внимание в российской литературе, с ними связан важный методологический вопрос: может ли материал петроглифов быть использован для анализа проблемы контактов, миграций, заимствований и понимания возможных механизмов трансляции идей. Основа этой темы была заложена А.П. Окладниковым, обратившим внимание на сходство изображений личин-масок на широкой территории [17, 18]. В монографии 1971 г. он рассмотрел вопрос об удалённых аналогиях личинам-маскам Амура и Уссури, обнаружив их в археологических и этнографических материалах на довольно обширной территории Юго-Восточной Азии. Тема плодотворно разрабатывалась и в дальней-

шем, в частности, были предложены примеры, иллюстрирующие сходство вариантов изображения личин-масок в наскальных традициях по обе стороны Тихого океана. Традиция использования масок и связанное с этой ритуальной практикой изображение личин-масок в наскальном искусстве широко распространены в Евразии и Тихоокеанском регионе, в Австралии и Океании, на северо-западном побережье Северной Америки [5, 7, 19]. К примеру, спиральная орнаментика, важная составляющая нижнеамурских личин, присутствует в декоре керамических сосудов и статуэток догу культуры дземон Японского архипелага, на ритуальных масках-личинах Новой Гвинеи и др. Более того, подобные сикачи-алянским по форме, технике исполнения, выбитые на скальных поверхностях и отдельно лежащих валунах личины обнаружены в Приморье, Северо-Восточном Китае, Вьетнаме, на о. Нукухива в Западной Полинезии, Новой Каледонии, островах Пасхи и Фиджи, Гавайских островах [10]. Самый южный предел распространения мотива личины-маски в наскальном искусстве зафиксирован в Центральной Австралии, где представлены парциальные личины сердцевидной формы с большими глазами в виде концентрических окружностей с лунками-ямочками в центре. Азиатским и американским личинам-маскам наскального искусства посвящена обширная литература в отечественных и зарубежных исследованиях [19; 4, 6, 7, 20]. Однако стилистическое сходство и повторяемость репертуара не является прямым доказательством родства традиций наскального искусства.

Рис. 10. Рельефная личина, Сикачи-Алян (моделирование А.С. Пахунов)

Рис. 11. Парциальная личина, памятник Бай Мяо Цзы, Чифэн, Внутренняя Монголия, КНР (фото И.Ю. Георгиевского)

Уточнение информации о памятниках Амуро-Уссурийской традиции благодаря как новейшим методикам документирования и выявления изображений, так и попол-

нению наших знаний об археологическом контексте позволяет по-новому взглянуть на проблемы датировки петроглифов.

В настоящее время хронологические рамки существования традиции наскального искусства на берегах Амура и Уссури на основании сопоставления особенностей изображения мотивов с материалами археологических культур Нижнего Амура соотносятся с огромным временны́м интервалом — от неолита (XIII–X тыс. до н.э.) до раннего Средневековья (IV–XIII вв. н.э.). При этом варианты изображений личин относятся к разным этапам — от начального неолита до раннего железного века, рельефные личины датированы концом IV–III тыс. до н.э.

Некоторые специфические мотивы наскального искусства Аляски и канадской провинции Британская Колумбия демонстрируют существенное сходство с амурскими петроглифами, в особенности в специфической манере размещения личин на схождении плоскостей и граней природных валунов. Это сходство делает возможными сопоставления дальневосточных рельефных личин с изображениями в наскальной традиции американского северо-запада, но существенным препятствием является то, что хронология личин северо-запада весьма неопределённа [5]. Аргументированное уточнение хронологии сделано в публикации Дж. Кейзера и Дж. Потшата, из которой следует, что большинство изображений личин-масок на скалах Аляски относится к несопоставимо более позднему времени, чем дальневосточные [20]. Предположительно личины с неполным абрисом на стыке граней появляются на рубеже нашей эры и существуют в разных вариантах до середины II тыс., далее сменяясь вариантами с одним контуром, контуром с лучами, перьями и пр.

Многие художественные черты декоративной традиции петроглифов Амура и Уссури имеют аналогии в северных провинциях Китая (Внутренняя Монголия) и в наскальном искусстве Кореи. Значительный массив личин-масок, сопоставление которых с материалами Приамурья имеет хороший потенциал, расположен на территории городского округа Чифэн и в горах Иньшань (Внутренняя Монголия). В округе Чифэн выявлено более 100 личин-масок (рис. 11), а самый близкий по дистанции археологический памятник демонстрирует керамические аналогии этим маскам возрастом до 8 тыс. лет [21, 22]. Именно это крупное местонахождение, по всей видимости, может быть наиболее плодотворно соотнесено с отечественными данными по Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства.

Заключение

Поиск территориально приближенных и удалённых иконографических аналогий, которые можно интерпретировать как общие мотивы и заимствования в традициях наскального искусства, на современном этапе исследований невозможен без применения современных методов фотофиксации. Для анализа нужны качественные изображения и прорисовки, которые подчас невозможно сделать без специальной обработки фотографий.

Чтобы детально исследовать генезис и научно обосновать возможные географические пути распространения тех или иных иконографических мотивов на памятниках Сибири, Дальнего Востока, Северного Китая и, возможно, Кореи, необходимо комплексно подойти к проблеме как документирования, так и изучения памятников изобразительной деятельности древнего человека. Именно эти задачи стояли перед участниками проектов по документированию и изучению петроглифов Дальнего Востока. Благодаря применению новейших технологий фотофиксации, лазерного сканирования стало возможным действительно междисциплинарное исследование как самих петроглифов, так и их ландшафтного контекста, что позволяет комплексно изучить динамику утрат и дать рекомендации по со-

хранению этих местонахождений. Одним из важнейших результатов стало обнаружение ранее неизвестных петроглифов на всех перечисленных памятниках и существенная корректировка прорисовок, сделанных преимущественно в 1970-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будогоский К.Ф. Юго-восточная часть русской Маньчжурии // Амур. 1860. № 1–2.
2. Ветлицын П.И. Заметка о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамурские ведомости. № 56. Хабаровск, 1895. С. 17–18.
3. Заика А.Л. Личины в наскальном искусстве Нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (49), 2012. С. 62–75.
4. Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск, 2013.
5. Дэвлет Е.Г. Новые материалы к проблеме Тихоокеанских аналогий изображениям личин в наскальном искусстве Амура и Уссури // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 241. С. 68–78.
6. Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Мифы в камне. Мир наскального искусства России М.: Алетейя, 2005.
7. Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский сборник 2: культура и её окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 325–329.
8. Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы Сикачи-Аляна: мониторинг последствий паводка на Амуре // Археологические открытия 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 398–400.
9. Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Состояние сохранности петроглифов Сикачи-Аляна: природное и антропогенное воздействие // Археология CIRCUM–PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда / Под ред. С.В. Батаршева, А.М. Шиповалова. Владивосток: Рубеж, 2017. С. 252–265.
10. Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., Гринько А.Е., Грешников Э.А. Личины с ореолом в петроглифах Нижнего Амура // Изобразительные и технологические традиции в ранних формах искусства (2). М., Кемерово, 2018.
11. Ласкин А.Р. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2.
12. Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Гринько А.Е., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2 (60). С. 244–255.
13. Маак Р.К. Путешествие по долине реки Уссури. Ч. 1. СПб., 1861.
14. Миклашевич Е.А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Учёные записки Музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 7. Кемерово, 2018. С. 5–22.
15. Окладников А.П. У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 237–244.
16. Окладников А.П. Археологические исследования на Дальнем Востоке // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвящённых итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 26–27.
17. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971.
18. Окладников А.П. Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 41–49.
19. Окладникова Е.А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979.

20. Keyser J.D., Poetschatg G. Clan Crests and Shamsns'm Masks: Petroglyphs in Southeast Alaska. Indigenouse Cultures Preservation. Portland, 2012.
21. Wu J. A study on the prehistoric non-outlined human face rock art in Chifeng area, China and the application of micro-erosion dating method // ПИФК. 2018. № 2. С. 44–62.
22. Zhu L. Rock art in Ongniud banner and its creators // PAPERS XXV Valcamonica Symposium. Centro Camuno Di Studi Preistorici, Capo di Ponte, 2013. P. 145–154.

ENGLISH

Studies of the Amur-Ussuri Province of Rock Art

Arthur Robertovich Laskin — Candidate of Historical Sciences, Head of Archaeology Sector of the Krai State Budgetary Institution Habarovsk Krai Center for Protection of Historical and Cultural Landmarks, supervisor of the projects "The Lower Amur Petroglyphs in Cross-Cultural Context: Historical Dialogue of Cultures and Traditions" (17-01-00511a) and "Three-Dimensional Simulation of Archaeological Environment and Sacral Landscapes of the Far East" (17-29-04389a).
E-mail: archaeology@inbox.ru

Ekaterina Georgievna Devlet (1965–2018) — Doctor of Historical Sciences, Head of Paleological Center of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project "Without Borders: Rock Art of Mongolia, North China, Russian Far East, South Korea and Japan" (18-09-00691a).
E-mail: eketek@yandex.ru

Elena Sergeevna Levanova — Candidate of Historical Sciences, scientific officer of Paleological Art Center of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, researcher in mentioned projects.
E-mail: maraveriza@gmail.com

Rock arts study represents research of ancient pictures or petroglyphs centering around life and beliefs of our ancestors. At the same time, this is a very complicated process of rescue and recovery of a great part of Russian cultural heritage. Stories or myths carved and drawn on a stone are permanently exposed to a negative impact of natural or anthropogenic factors. In fact, they erode and peel off, as well as they are overgrown with lichens and destroyed by tourists. Recording of these landmarks is a time-consuming important process intended to preserve the heritage for future generations.

The article is focused on results of projects related to recording and studying of petroglyphs of the Far East falling into the Amur-Ussuri Province of rock art. Although locations of petroglyphs were found in the 19th century and they were introduced into scientific use in 1935, they still have a great research potential. Over the last 15 years, activities related to projects supported by the Russian Foundation for Humanities and the Russian Foundation for Basic Research and intended for resolution of fundamental issues of study of the most ancient human figurative activity were performed on landmarks of the Amur and Ussuri.

Keywords: Pacific region, Amur-Ussuri province of rock art, rock carvings, petroglyphs, rock art researchers, Sikachi-Alyan, Sheremet'evo, antropomorphic faces, "face-like" masks

REFERENCES

1. Budogoskiy K.F. Yugo-vostochnaya chast' russkoy Man'chzhurii // Amur. 1860. № 1–2 (in Russian).

2. Vetlitsyn P.I. Zametka o drevnikh gol'dskikh pamyatnikakh bliz seleniya Malyshevskogo // Priamurskie vedomosti. № 56. Khabarovsk, 1895. S. 17–18 (in Russian).
3. Zaika A.L. Lichiny v naskal'nom iskusstve Nizhney Angary // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. № 1 (49), 2012. S. 62–75 (in Russian).
4. Zaika A.L. Lichiny Nizhney Angary. Krasnoyarsk, 2013 (in Russian).
5. Devlet E.G. Novye materialy k probleme Tikhookeanskikh analogiy izobrazheniyam lichin v naskal'nom iskusstve Amura i Ussuri // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2015. Vyp. 241. S. 68–78 (in Russian).
6. Devlet M.A., Devlet E.G. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii M.: Aleteya, 2005 (in Russian).
7. Devlet M.A., Devlet E.G. Antropomorfnye lichiny kak markery putey drevnikh migratsiy // Okunevskiy sbornik 2: kul'tura i eyo okruzhenie. SPb.: EleksisPrint, 2006. S. 325–329 (in Russian).
8. Devlet E.G., Laskin A.R. Petroglify Sikachi-Alyana: monitoring posledstviy pavodka na Amure // Arkheologicheskie otkrytiya 2014 goda. M.: IA RAN, 2016. S. 398–400 (in Russian).
9. Devlet E.G., Laskin A.R. Sostoyanie sokhrannosti petroglifov Sikachi-Alyana: prirodnoe i antropogennoe vozdeystvie // Arkheologiya CIRCUM–PASIFIC: Pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda / Pod red. S.V. Batarsheva, A.M. Shipovalova. Vladivostok: Rubezh, 2017. S. 252–265 (in Russian).
10. Devlet E.G., Laskin A.R., Grin'ko A.E., Greshnikov E.A. Lichiny s oreolom v petroglifakh Nizhnego Amura // Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v rannikh formakh iskusstva (2). M., Kemerovo, 2018 (in Russian).
11. Laskin A.R. Perspektivy dal'neyshego izucheniya i sokhraneniya petroglifov Sikachi-Alyana // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2007. № 2 (in Russian).
12. Laskin A.R., Devlet E.G., Grin'ko A.E., Svoyskiy Yu.M., Romanenko E.V. Novye rezul'taty dokumentirovaniya petroglifov i modelirovaniya sakral'nykh landshaftov pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Dal'nego Vostoka // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2018. № 2 (60). S. 244–255 (in Russian).
13. Maak R.K. Puteshestvie po doline reki Ussuri. Ch. 1. SPb., 1861 (in Russian).
14. Miklashevich E.A. O pamyatnikakh naskal'nogo iskusstva v urochishche Kamenka na Srednem Enisee // Uchyonye zapiski Muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa». Vyp. 7. Kemerovo, 2018. S. 5–22 (in Russian).
15. Okladnikov A.P. U istokov kul'tury narodov Dal'nego Vostoka // Po sledam drevnikh kul'tur. Ot Volgi do Tikhogo okeana. M., 1954. S. 237–244 (in Russian).
16. Okladnikov A.P. Arkheologicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke // Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk i plenume Instituta istorii material'noy kul'tury, posvyashchyonnykh itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1953 g. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. S. 26–27 (in Russian).
17. Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. L.: Nauka, 1971 (in Russian).
18. Okladnikov A.P. Vzaimodeystvie drevnikh kul'tur Tikhogo okeana (na materialakh petroglifov) // Problemy arkheologii Evrazii i Severnoy Ameriki. M.: Nauka, 1977. S. 41–49 (in Russian).
19. Okladnikova E.A. Zagadochnye lichiny Azii i Ameriki. Novosibirsk: Nauka, 1979 (in Russian).
20. Keyser J.D., Poetschatg G. Clan Crests and Shamsns'm Masks: Petroglyphs in South-east Alaska. Indigenouse Cultures Preservation. Portland, 2012 .
21. Wu J. A study on the prehistoric non-outlined human face rock art in Chifeng area, China and the application of micro-erosion dating method // PIFK. 2018. № 2. S.44–62.
22. Zhu L. Rock art in Ongniud banner and its creators // PAPERS XXV Valcamonica Symposium. Centro Camuno Di Studi Preistorici, Capo di Ponte, 2013. P. 145–154.

УДК 94(477.75) «1917/1991»
ГРНТИ 03.23.55
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-38-50

И.В. СИБИРЯКОВ,
Е.В. ВОЛКОВ,
Н.С. ЖУРАВЛЁВА*

Образы Севастополя в советской культурной памяти

В статье выявлены и проанализированы ключевые образы Севастополя, которые были характерны для советской эпохи, мотивы и механизмы их конструирования. На основе изучения исторических источников различных типов авторы пришли к выводу, что в культурной памяти советского общества сохранилось несколько доминирующих образов Севастополя. Самыми распространёнными из них были образы города-крепости, города-героя, города-праздника. Данные образы транслировали определённый набор постулатов: идею борьбы света и тьмы, сил добра и зла, корни которой уходят в евангельские тексты; идею героического, порой самоотверженного служения отечеству как высшей добродетели гражданина, тесно связанную с официальным дискурсом дореволюционной имперской России; идею неизбежности революционных изменений и построения образцового социалистического города, зародившуюся уже в советскую эпоху.

Большую роль в создании подобных образов играла историческая политика Советского государства, которая влияла на многие коммеморативные практики, мемуарные и исторические труды, на художественную литературу о Севастополе, а также на создание образов города, отражённых в изобразительном искусстве, музыке, театре и кино. В то же время мемуарная политика общественных организаций и некоторых руководителей города корректировала процесс создания тех образов Севастополя, которые навязывались «сверху». Несмотря на стремление советских властей придать образам Севастополя преимущественно героический характер, «приправленный» коммунистической идеологией, они в итоге выглядели разноплановыми, включая и патриотическое начало, и лирический компонент. Показательно, что многими советскими людьми Севастополь воспринимался не только в качестве города-героя, но и как город-праздник, воплотивший мечты позднего советского общества.

* **Сибиряков Игорь Вячеславович** — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ), руководитель проекта «Образ Севастополя в исторической памяти советского общества» (15-01-00219а).
E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Волков Евгений Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: info@susu.ru

Журавлёва Нелли Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: zhurnell@mail.ru

Ключевые слова: Севастополь, культурная память, образ города, советское общество

Город Севастополь, основанный в 1783 г. на берегах Крымского полуострова в правление Екатерины II как крепость Российской империи на Чёрном море, имеет очень богатую историю, тесно связанную с военными конфликтами внешнеполитического характера (фото 1). В середине XIX в. во время Крымской (Восточной) войны и в середине XX столетия в годы Второй мировой войны Севастополь держал оборону, отражая многочисленные штурмы вражеских сил.

История города сложилась таким образом, что более 130 лет он был форпостом Российской империи на Чёрном море. После падения монархии в 1917 г., в период революции и Гражданской войны, после короткого периода двоевластия, а затем временного установления советской власти Севастополь сначала был оккупирован немецкими войсками, а затем стал одним из важных стратегических центров белого командования в Крыму. С 1920 г. и до распада СССР в 1991 г. Севастополь являлся главной базой советского Черноморского флота и образцовым «социалистическим городом». В 1954 г. по решению советского руководства во главе с Н.С. Хрущёвым Севастополь из состава РСФСР был территориально передан Украинской ССР.

После распада Советского Союза начался «украинский» период истории Севастополя, длившийся 23 года. Весной 2014 г. по итогам референдума о статусе автономии Республика Крым вошла в состав Российской Федерации.

История города Севастополя за более чем 230-летний период его становления и развития изучена всесторонне и глубоко с позиций политической и частично социальной истории в дореволюционной, советской и современной отечественной историографии. В настоящем исследовании рассматриваются и анализируются ключевые образы Севастополя с точки зрения истории памяти. Данная установка предполагала следующие аспекты. Во-первых, выявление главных культурных артефактов в качестве своеобразных «мест памяти» [1] о Севастополе. Во-вторых, раскрытие мотивов и историко-культурного контекста создания таких «мест памяти». В-третьих, реконструкция деятельности и выявление роли конкретных людей, проектировавших и транслировавших образы Севастополя, в том числе посредством коммеморативных

Фото 1. Памятный знак в честь 200-летия основания Севастополя. Архитекторы Г.Г. Кузьминский, А.С. Гладков. 1983 г. (фото Е.В. Волкова)

Фото 2. Памятник В.И. Ленину на Центральном холме в Севастополе. Скульптор П.И. Бондаренко. Архитекторы Г.В. Щуко, С.Я. Турковский. 1957 г. (фото Н.С. Журавлёвой)

практик. В-четвёртых, характеристика идеологических, политических, социальных последствий создания образов Севастополя с точки зрения их места в советском культурном пространстве.

Базовым теоретическим конструктом исследования являлась дефиниция «культурная память», формирующаяся в обществе посредством конструирования образов с помощью исторической политики государства или политики памяти различных сообществ [2–6].

Для решения поставленных задач наш авторский коллектив провёл работу с материалами в фондах различных архивов, как центральных (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Архив Российской академии наук (АРАН), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ)), так и региональных (Государственный архив города Севастополь (ГАГС) и Государственный архив Республики Крым (ГАРК)). Наиболее информативными оказались фонды Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотеки (РНБ), Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ), Центральной городской библиотеки им. Л.Н. Толстого и Морской библиотеки им. адмирала М.П. Лазарева в Севастополе.

Все источники, привлечённые для данного исследования, можно разделить на следующие типы (вербальные и визуальные) и группы. Среди вербальных источников:

- законодательные акты, связанные с историей Севастополя;
- делопроизводственная документация различных советских гражданских и военных учреждений;
- периодическая печать, представленная публикациями в центральных и региональных газетах и журналах советского периода;
- так называемые эго-документы — источники личного происхождения, к которым относятся мемуары, письма, статьи и другие тексты, в которых на первом месте присутствует авторское начало, личный опыт и индивидуальная позиция;
- советская историография о Севастополе как один из главных факторов, конструировавших культурную память;
- художественные произведения о Севастополе: романы, повести, сценарии, пьесы, стихи, песни, репрезентировавшие образы города.

Если говорить о визуальных источниках, то к ним можно причислить произведения изобразительного искусства (живопись, графика, скульптура), фотографии и кинофильмы (документальные и игровые) о Севастополе.

Своеобразие Севастополя в культурной памяти советского общества опре-

делялось целым рядом факторов, главными из которых, на наш взгляд, были две крупнейшие военные кампании второй половины XIX и первой половины XX столетий, связанные с Севастополем. Именно оборона города 1854–1855 гг. периода Крымской войны, а также защита и освобождение в годы Великой Отечественной войны определили его особое место в истории Российского, а затем — Советского государства, а, следовательно, и в культурной памяти общества. Среди других факторов, определивших эту специфику, назовём статус Севастополя как крупнейшей военно-морской базы России на Чёрном море и особую роль древнегреческого полиса Херсонес, расположенного на территории Севастополя. В образах Севастополя, которые сформировались в культурной памяти советского общества, соединились дореволюционные имперские и христианские традиции, европейская культура памяти и советские историко-культурные практики.

Образы Севастополя в культурной памяти формировались на протяжении десятка лет посредством самых различных инструментов и технологий. При этом в рамках данного процесса происходила постоянная перекодировка поля памяти за счёт ввода или исключения из неё тех или иных элементов. Так, постепенно из этого пространства исчезло упоминание о роли Севастополя в событиях Первой мировой войны и истории антибольшевистского движения, о «вкладе» И.В.Сталина в освобождение города от немецких и румынских оккупантов; однако оказались возвращены сюжеты, связанные с Первой обороной во время Крымской войны, революционным движением, эпохой Античности.

Современные исследователи выделяют следующие периоды в развитии советской культурной памяти. Первый этап (начало 1920-х – середина 1930-х гг.) отличался «революционно-левацким» подходом к конструированию новых «мест памяти» и «изобретению новых традиций», когда на первый план выдвигалась коммунистическая идеология, создавался культ «новых святых» — участников революционного движения. Второй этап связан со сталинской диктатурой (середина 1930-х – первая половина 1950-х гг.). На этом этапе произошло определённое возвращение к старым дореволюционным символам и конструировались «места памяти», наполненные идеями патриотизма и державности в условиях мобилизационной системы. Третий этап — «оттепель» (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) — ознаменовался ослаблением цензуры, отказом от идеологии вождизма и обращением к образам людей из народа. Четвёртый период (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) представлял собой консервацию советских образов и некий возврат назад, к сталинской эпохе, с риторикой о «развитом социализме». Последний, пятый, период (вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.) отличался демократическими тенденциями и началом развенчания советских мифов. Советская история памяти о Севастополе вполне вписывается в такие этапы.

В культурной памяти советского общества сохранилось несколько доминирующих образов Севастополя. Самыми распространёнными из них были образы города-крепости, города-героя, города-праздника. Эти маркеры, тесно связанные между собой, получили широкое распространение в различных социальных группах. Например, восприятие Севастополя как своеобразной «русской Трои», которое пришло из дореволюционной эпохи и символизировало героизм защитников города, получило широкое распространение среди наиболее образованных советских граждан.

Каждый из образов Севастополя был воплощением той или иной базовой мифологемы, на которых строилась конструкция советской культурной памяти об этом городе. К числу таких системообразующих мифов можно отнести идею

борьбы света и тьмы, сил добра и сил зла, корни которой уходят в евангельские тексты; идею героического, порой, самоотверженного служения Отечеству в целом и своему городу в частности как высшей добродетели человека и гражданина, что тесно связано с официальным дискурсом дореволюционной имперской России; идею неизбежности революционных изменений и построения образцового социалистического города, зародившуюся уже в советскую эпоху.

Причины и мотивы создания подобных образов Севастополя, на наш взгляд, следует искать в процессе самоидентификации советского общества; в легитимации установленного политического режима; в политике мобилизации социума на новые свершения; в стремлении советского руководства скрыть ошибки и провалы, допущенные во внутренней и внешней политике; в желании некоторых «конструкторов» культурной памяти (политиков, учёных, ветеранов, писателей, художников, музыкантов, режиссёров и др.) получить социальные и политические дивиденды от власти и общества.

Одним из значимых факторов создания образов Севастополя в культурной памяти советского общества стала историческая политика советского государства, нацеленная на формирование «правильного» образа прошлого страны, призванного стать серьёзным аргументом в идеологических дискуссиях эпохи «холодной войны» и в патриотическом воспитании населения. Важнейшими инструментами практической реализации такой политики являлись следующие: присвоение Севастополю статуса города-героя и награждение государственными орденами и медалями; труды историков и мемуаристов; артефакты, созданные деятелями литературы и искусства; практика церемониалов, связанная с проведением исторических годовщин.

Особую роль в формировании нового образа послевоенного советского Севастополя сыграла архитектурная политика властных структур, реализация которой привела к созданию в городе уникальной архитектурно-исторической среды, включавшей разные элементы, не укладывающиеся в единый паттерн о советском Севастополе. Воссозданные в 1950-е гг. довоенные системообразующие улицы, такие как, например, Большая Морская или проспект Нахимова, естественные границы городского пространства, которые во многом определялись знаменитым Центральным холмом и Малаховым курганом, а также прибрежной линией, новые жилые массивы оказались взаимосвязаны через стратегические точки городского пространства в целостную конструкцию многоуровневого и многопланового характера.

Отметим, что директивная историческая политика центра (с её установкой на социалистические постулаты) столкнулась с особой мемориальной традицией города и активной позицией общественности Севастополя. Местное население пыталось сохранить в культурной памяти жителей и гостей города образы дореволюционных государственных деятелей, военачальников, героев флота, ключевые сюжеты, связанные с основанием города и его Первой обороной. Из-за столкновения этих двух тенденций в культурной памяти советского социума возникла многоуровневая система образов Севастополя, в которой нашлось место и тем, что были сформированы до 1917 г., и тем, которые сконструировали в постреволюционный период.

Несмотря на стремление советских властей придать образам Севастополя преимущественно героический характер, «приправленный» коммунистической идеологией, они в итоге выглядели разноплановыми, включая и патриотическое начало, и лирический компонент. Показательно, что многие советские люди воспринимали Севастополь не только в качестве города-героя, но и как город-праздник, воплотивший многие мечты позднего советского общества.

Своеобразными «местами памяти» советского Севастополя, посредством которых произошло конструирование особого культурно-исторического пространства города, стали не только традиционные дореволюционные символы Севастополя (Графская пристань, Панорама Ф.А. Рубо «Оборона Севастополя», памятник затопленным кораблям), но и новые атрибуты, созданные на основе «изобретённых традиций». К таким «местам памяти» Севастополя можно отнести отдельные мемуарные и исторические труды, мемориальные комплексы, литературные и музыкальные произведения, торжества, посвящённые истории города. Часто в советском культурном пространстве Севастополь сравнивали с Ленинградом: оба города демонстрировали особый «флотский» дух, транслировали имперские и революционные сюжеты, сумели пережить осады в период Великой Отечественной войны.

Таким образом, в Севастополе соединились различные пласты коллективной памяти, которые в итоге создали уникальную конструкцию практически неразрывного исторического прошлого города, способного стать основой для реализации самых смелых социальных, культурных, политических проектов. К опорным элементам этой конструкции, с нашей точки зрения, стоит причислить несколько «мнемонических мест» (термин М. Хальбвакса). Прежде всего, это Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Она открылась в 1905 г. и интегрировала новейшие достижения изобразительного искусства начала XX в.

Полотно Панорамы отобразило целый ряд универсальных сюжетных линий истории обороны города в годы Крымской войны (военные таланты адмиралов, героизм рядовых защитников города, мужество гражданского населения Севастополя и т.д.). Такое сочетание позволило Панораме сохранить своё историко-культурное значение и в дореволюционный, и в советский периоды. Военные события на Малаховом кургане 6 июня 1855 г. благодаря Панораме обрели реальные, практически осязаемые зрителями черты, что, безусловно, влияло на процесс формирования образов этой войны в культурной памяти россиян. Разрушение панорамы в 1942 г. и её возрождение к 100-летней годовщине начала Первой обороны в 1954 г. носили в прямом смысле этого слова символический характер, создавая одну из главных системообразующих линий восприятия истории Севастополя как города, способного возродиться из руин. В результате образ Малахова кургана, ставшего ярким примером мужества и героизма защитников, неоднократно использовался в литературе, музыке, кинематографе, закрепляя в культурной памяти советского общества это «мнемоническое место» в качестве базовой точки восприятия Севастополя. В советский период на Малаховом кургане, наряду с Корниловским бастионом и другими символами Первой обороны, появились памятники о Великой Отечественной войне, а в постсталинский период советские космонавты, посещавшие город, высаживали здесь деревья, создавая тем самым новую традицию. Между тем советский официальный дискурс умалчивал о матросских самосудах и расправах над офицерами на Малаховом кургане в революционные годы.

Памятник затопленным кораблям (скульптор А.Г. Адамсон), открытый в Севастополе в 1905 г., визуализировал неразрывную связь сухопутной и флотской истории Севастополя, придав событиям 1854–1855 гг. уникальный «морской» контекст. Этот памятник, несмотря на некоторые повреждения, уцелел в годы Великой Отечественной войны. Он стал своеобразным символом преемственности мужества защитников советского Севастополя и героизма их исторических предшественников. Необходимость сохранения, а в ряде случаев и возрождения такой преемственности, была очевидна для многих горожан, о чём свидетельствует

Фото 3. Здание Диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года». Архитектор В.П. Петропавловский. 1959 г. (фото И.В. Сибирякова)

история переименования значительной части севастопольских улиц и площадей. Неслучайно «революционный порыв» 1920–1930-х гг. оказался остановлен уже в первые послевоенные годы, и целому ряду улиц города возвратили их прежние названия. Мемориальная топография города отражает значимость обороны Севастополя 1854–1855 гг. для формирования образов города в коллективной памяти советского социума. Многие процессы, связанные с конструированием таких образов, достигли своего логического завершения в рамках беспрецедентной для советского Севастополя кампании по празднованию 100-летия Первой обороны Севастополя. Правительственные награды городу и его жителям, научные конференции, выставки, специальные музейные экспозиции в Севастополе и других городах страны, музыкальные и литературные произведения, созданные к юбилею и получившие широкое распространение в разных уголках Советского Союза, оказались очень эффективными инструментами для формирования особого отношения к Севастополю у самых разных групп населения страны, окончательно закрепив историю Первой обороны как наиболее значимого «места памяти» в самом широком смысле этого термина.

В числе других таких «мест памяти» следует назвать мемуары и воспоминания, труды историков, мемориальные комплексы, литературные и художественные произведения, кинофильмы, праздники, т.е. все культурные и исторические практики, связанные с ролью Севастополя в истории Великой Отечественной войны. В качестве особой, во многом несущей конструкции выступила Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.», открытая 4 ноября 1959 г. недалеко от города (фото 3). Для жителей и гостей Севастополя была совершенно

очевидна её преемственность с Панорамой. Уникальность Диорамы заключалась в первую очередь в том, что многие его герои к моменту её открытия были ещё живы. Очевидно, что посещение этого музея у ветеранов порождало удивительное и очень важное чувство сопричастности к событиям, отражённым на живописном полотне.

Схожие эмоции испытывали читатели многих литературных произведений, слушатели музыкальных композиций, зрители театральных постановок. Примечательно, что новые образы Севастополя стали формироваться ещё в ходе Великой Отечественной войны. Благодаря таким произведениям, как, например, картина А.А. Дейнеки «Оборона Севастополя» (фото 4) или песня Б.А. Мокроусова «Заветный камень», эти образы получили общесоюзную известность и закрепились в культурной памяти советского общества с помощью самых разнообразных инструментов. К ним относились школьные и вузовские учебники истории, научные труды академика Е.В. Тарле, художественно-литературные тексты, произведения изобразительного и музыкального искусства.

На общесоюзном уровне образ города-героя Севастополя был запечатлён в мемориальном комплексе у Могилы неизвестного солдата, открытом в 1967 г. в Александровском саду близ Кремлёвской стены. Блок с названием города и горстью земли с Малахова кургана олицетворял героизм, мужество и самопожертвование советских людей, боровшихся за Севастополь в годы Великой Отечественной войны.

Ключевыми историческими персонажами Севастополя советской эпохи стали, с одной стороны, адмирал П.С. Нахимов, памятник которому восстановили в 1959 г. (фото 5), а с другой — лейтенант П.П. Шмидт, чей образ позволил «вписать» город в историю революционного движения. При этом историческими героями Севастополя «второго ряда» стали адмирал Ф.Ф. Ушаков и генералиссимус А.В. Суворов, чьи имена связывались с основанием города, а также адмирал Ф.С. Октябрьский и генерал И.Е. Петров как руководители Второй обороны.

На фоне таких культурно-исторических конструкций роль образов древнейшей истории, которая в Севастополе неразрывно связана с Херсонесом, в советское время никогда не была домини-

Фото 4. Оборона Севастополя. Холст, масло. 200×400. Художник А.А. Дейнека. 1942 г. Сайт «А.А. Дейнека» [Электронный ресурс] – URL: http://www.deineka.ru/work-oborona_sevastopolya.php (дата обращения: 22.01.2018)

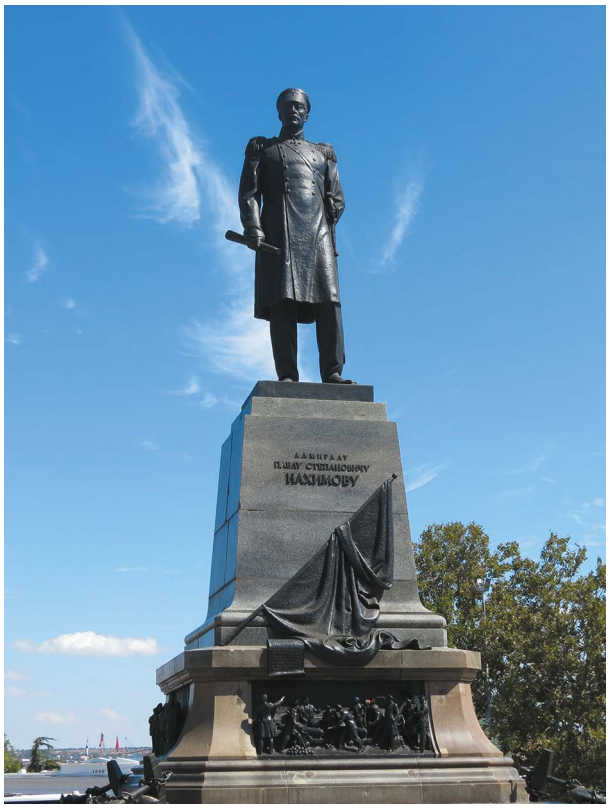


Фото 5. Памятник адмиралу П.С. Нахимову на площади его имени в Севастополе. Скульптор Н.В. Томский. 1959 г. (фото Е.В. Волкова)

рующей. Однако греческая мифология именно через образы этого античного полиса органично вошла в матрицу советских социалистических идей. Благодаря произведениям, в первую очередь художественной литературы, и деятельности музейных комплексов Севастополя образы древнейшей истории города «проникли» в культурную память советского социума, оставив в ней не столь заметный, но очень важный след, особенно на последнем этапе существования СССР.

Показательно, что осмысление образов Севастополя происходило во второй половине XX столетия не только в Советском Союзе, но и в среде представителей творческой интеллигенции стран так называемого социалистического лагеря. При этом многие авторы не являлись очевидцами событий, происходивших в Севастополе, наблюдая их со стороны, с очень большого исторического и географического расстояния. Для большинства иностранных авторов Севастополь оставался символическим пространством, в рамках которого происходила борьба сил добра и зла. Всё это ещё больше закрепляло в культурной памяти советского общества мифологический образ Севастополя, который вопреки военным поражениям в XIX и XX столетиях воспринимался как город, одержавший духовную победу над врагом, а, значит, оставшийся непобедимым.

Многие образы Севастополя, сконструированные в советском социальном пространстве, сохранились и в культурной памяти современного российского общества. Они востребованы и активно используются в средствах массовой информации, в литературе и произведениях искусства. Но, на наш взгляд, очевидно, что процесс трансформации этих образов начался, и уже в ближайшем будущем он может привести к рождению новых мифологем о Севастополе.

Все изложенные выше выводы и размышления о конструировании «мест памяти» и образов Севастополя в советскую эпоху нашли отражение в ряде публикаций авторов исследования [7–22]. Надеемся, что наши изыскания инициируют новые исследовательские проекты в рамках культурной истории городских пространств и образов памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память: Сборник статей. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности [1992] / Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика [2006] / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой [2013] / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
5. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3/4. С. 6–23.
6. Молодяков В. Историческая политика и политика памяти // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 922–942.
7. Волков Е.В. Образы Севастополя Второй мировой войны в советском игровом кино // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 10–16.
8. Волков Е.В. «Не знаю, хорошая это картина или плохая, но, кажется настоящая». Почему Александр Дейнека не получил Сталинскую премию за картину «Оборона Севастополя» // Родина. 2015. № 11. С. 123–125.
9. Волков Е.В. Празднование двухсотлетней годовщины Севастополя в контексте политики памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 2. С. 13–18.
10. Волков Е.В. Книги памяти города-героя Севастополя: проект времен Перестройки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 4. С. 35–38.
11. Волков Е.В., Сибиряков И.В. «Красный лейтенант»: Историческая политика и мемориальный культ П.П. Шмидта // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 92–110.
12. Волков Е.В. Книги памяти города-героя Севастополя: проект времен Перестройки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 4. С. 35–38.
13. Журавлёва Н.С. Образ Севастополя в творчестве советских уральских поэтов // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 51–60.
14. Волков Е.В. «Крымская война» академика Е.В. Тарле: рождение советской историографии «первой обороны» Севастополя // Мир историка и пространство истории: Сборник статей к юбилею профессора Н.Н. Алеврас / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 133–154.
15. Журавлёва Н.С. Трансформация образов Севастополя в советской литературе 1920–1930-х годов // Вопросы литературы. 2016. Июль–август. С. 95–114.
16. Журавлёва Н.С. Образ Севастополя в творчестве советских уральских поэтов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 51–60.
17. Журавлёва Н.С. Повесть «Севастопольская хроника» П.А. Сажина как «место памяти» о Великой Отечественной войне // Наука ЮУрГУ: Материалы 69-й Научной конференции. Секция «Социально-гуманитарные науки». Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2017. С. 350–358.
18. Журавлёва Н.С. Пьеса А.Е. Корнейчука «Гибель эскадры»: между героизацией и романтизацией революции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 1. С. 18–23.
19. Журавлёва Н.С. Трансформация образов Севастополя в советской литературе 1920–1930-х годов // Вопросы литературы. 2016. Июль–август. С. 95–114.
20. Сибиряков И.В. Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 25–32.
21. Сибиряков И.В. Советские государственные награды Севастополя // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 6. С. 59–61.

22. Сибиряков И.В. Выжившие образы прошлого: судьба дореволюционных памятников в советском Севастополе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 63–72.
23. Сибиряков И.В. Образ Севастополя для советских туристов: советские справочники-путеводители об особенностях туристических маршрутов в Севастополе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 4. С. 58–63.
24. Сибиряков И.В. Музеи советского Севастополя: трансформации прошлого во имя будущего // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 4. С. 57–65.
25. Сибиряков И.В. Поэтические и музыкальные образы, рожденные на фронтах Великой Отечественной войны. Севастополь глазами защитников города 1941–1942 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки. 2017. № 4. С. 147–153.
26. Сибиряков И.В. Удивительный источник: книга отзывов посетителей Панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» // Мир историка и пространство истории: Сборник статей к юбилею профессора Н.Н. Алеврас / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 285–293.

ENGLISH

Sevastopol Images in Soviet Cultural Memory

Igor' Vyacheslavovich Sibiryakov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the National and Foreign History Department of the South Ural State University (SUSU), supervisor of the project "Sevastopol Image in Historical Memory of the Soviet Society" (15-01-00219a).
E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Evgenii Vladimirovich Volkov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the National and Foreign History Department of the SUSU, researcher in the project mentioned above.
E-mail: info@susu.ru

Nelli Sergeevna Zhuravlyova — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the National and Foreign History Department of the SUSU, researcher in the project mentioned above.
E-mail: zhurnell@mail.ru

Key images of Sevastopol typical for the Soviet epoch, motives and mechanisms of their formation were found out and analysed in the article. Based on studies of various types of historical records, authors drew a conclusion that cultural memory of the Soviet society maintained several predominant images of Sevastopol. "Fortress city", "hero city" and "holiday city" were the most common ones. These images carried several ideas such as a battle between light and darkness (the good and the bad) based on the Gospels or heroic, even selfless, service to the Motherland perceived as the supreme goodness of a citizen that is closely related to a formal discourse of pre-revolutionary imperial Russia. Also, a concept of imminent revolution and construction of a classic socialistic city appeared as late as in the Soviet epoch was presented.

The Soviet historical policy affected most commemorative practices, memorial and historical works, fiction about Sevastopol, as well as the city images presented in the figurative art, music, the stage and screen played a key part in formation of these images. At the same time, memorial policy of public institutions and several city heads adjusted creation of Sevastopol images rammed through "from upstairs". Despite the Soviets' intentions to create predominantly heroic images of Sevastopol "flavoured" with communistic ideology, as a result, they were pretty diversified (including both patriotic origin and lyric component). It is revealing that most Soviet people considered Sevastopol not only as a "hero city" but also as a "holiday city" fulfilled dreams of the late Soviet society.

Keywords: Sevastopol, cultural memory, city image, Soviet society

REFERENCES

1. Nora P. Mezhdu pamyat'yu i istoriey: problematika mest pamyati // Frantsiya – pamyat': Sbornik statey. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 17–50 (in Russian).
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [1992] / Per. s nem. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004 (in Russian).
3. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [2006] / Per. s nem. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (in Russian).
4. Assman A. Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy [2013] / Per. s nem. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016 (in Russian).
5. Miller A.I. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et contra. 2009. № 3/4. S. 6–23 (in Russian).
6. Molodyakov V. Istoricheskaya politika i politika pamyati // Mezhdu kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let / Pod red. G. Bordyugova. M.: AIRO-XXI, 2011. S. 922–942 (in Russian).
7. Volkov E.V. Obrazy Sevastopolya Vtoroy mirovoy voyny v sovetskom igrovom kino // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2015. T. 15. № 3. S. 10–16 (in Russian).
8. Volkov E.V. «Ne znayu, khoroshaya eto kartina ili plokhaya, no, kazhetsya nastoyashchaya». Pochemu Aleksandr Deyneka ne poluchil Stalinskuyu premiyu za kartinu «Oborona Sevastopolya» // Rodina. 2015. № 11. S. 123–125 (in Russian).
9. Volkov E.V. Prazdnovanie dvukhsotletney godovshchiny Sevastopolya v kontekste politiki pamyati // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2016. T. 16. № 2. S. 13–18 (in Russian).
10. Volkov E.V. Knigi pamyati goroda-geroya Sevastopolya: proekt vremen Perestroyki // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2017. T. 17. № 4. S. 35–38 (in Russian).
11. Volkov E.V., Sibiryakov I.V. «Krasnyy leytenant»: Istoricheskaya politika i memorial'nyy kul't P.P. Shmidta // Novyy istoricheskiy vestnik. 2017. № 4 (54). S. 92–110 (in Russian).
12. Volkov E.V. Knigi pamyati goroda-geroya Sevastopolya: proekt vremen Perestroyki // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2017. T. 17. № 4. S. 35–38 (in Russian).
13. Zhuravlyova N.S. Obraz Sevastopolya v tvorchestve sovetskikh ural'skikh poetov // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18. № 1 (148). S. 51–60 (in Russian).
14. Volkov E.V. «Krymskaya voyna» akademika E.V. Tarle: rozhdenie sovetskoy istoriografii «pervoy oborony» Sevastopolya // Mir istorika i prostranstvo istorii: Sbornik statey k yubileyu professora N.N. Alevras / Pod red. N.V. Grishinoy, T.A. Andreevoy. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2018. S. 133–154 (in Russian).
15. Zhuravlyova N.S. Transformatsiya obrazov Sevastopolya v sovetskoy literature 1920–1930-kh godov // Voprosy literatury. 2016. Iyul'–avgust. S. 95–114 (in Russian).
16. Zhuravlyova N.S. Obraz Sevastopolya v tvorchestve sovetskikh ural'skikh poetov // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18. № 1 (148). S. 51–60 (in Russian).
17. Zhuravlyova N.S. Povest' «Sevastopol'skaya khronika» P.A. Sazhina kak «mesto pamyati» o Velikoy Otechestvennoy voyne // Nauka YUUrGU: Materialy 69-y Nauchnoy konferentsii. Sektsiya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». Chelyabinsk: ITS YUUrGU, 2017. S. 350–358 (in Russian).

18. Zhuravlyova N.S. P'esa A.E. Korneychuka «Gibel' eskadry»: mezhdu geroizatsiey i romantizatsiey revolyutsii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2018. T. 18. № 1. S. 18–23 (in Russian).
19. Zhuravlyova N.S. Transformatsiya obrazov Sevastopolya v sovetskoy literature 1920–1930-kh godov // Voprosy literatury. 2016. Iyul'–avgust. S. 95–114 (in Russian).
20. Sibiryakov I.V. Obrazy Sevastopolya v muzykal'nykh proizvedeniyakh sovetskikh avtorov // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2015. T. 15. № 3. S. 25–32 (in Russian).
21. Sibiryakov I.V. Sovetskie gosudarstvennye nagrady Sevastopolya // Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2015. № 6. S. 59–61 (in Russian).
22. Sibiryakov I.V. Vyzhivshie obrazy proshlogo: sud'ba dorevolyutsionnykh pamyatnikov v sovetskom Sevastopole // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 4. S. 63–72 (in Russian).
23. Sibiryakov I.V. Obraz Sevastopolya dlya sovetskikh turistov: sovetskie spravochniki-putevoditeli ob osobennostyakh turisticheskikh marshrutov v Sevastopole // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2016. T. 16. № 4. S. 58–63 (in Russian).
24. Sibiryakov I.V. Muzei sovetskogo Sevastopolya: transformatsii proshlogo vo imya budushchego // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2017. T. 17. № 4. S. 57–65 (in Russian).
25. Sibiryakov I.V. Poeticheskie i muzykal'nye obrazy, rozhdennye na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny. Sevastopol' glazami zashchitnikov goroda 1941–1942 gg. // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. 2017. № 4. S. 147–153 (in Russian).
26. Sibiryakov I.V. Udivitel'nyy istochnik: kniga otzyvov posetiteley Panoramy «Oborona Sevastopolya 1854–1855 gg.» // Mir istorika i prostranstvo istorii: Sbornik statey k yubileyu professora N.N. Alevras / Pod red. N.V. Grishinoy, T.A. Andreevoy. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2018. S. 285–293 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 330.42
ГРНТИ AAAA-A16-116040710317-5
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-51-61

С.Г. СВЕТУНЬКОВ*

Многоуровневая конкуренция и её математические модели

Современная теория конкуренции рассматривает рынки в одноуровневом формате *B2C* — когда на рынке действуют продавцы товара (они же его производители) и бесчисленное количество конечных покупателей. Некоторые учёные изучают конкуренцию и на рынке *B2B*. Но попыток рассмотреть рынок в его системной взаимосвязи разных уровней до сих не предпринималось. Данная работа — первая в этом направлении. В ней последовательно излагаются подходы, методы и модели, описывающие различные уровни рынков и конкуренции на них. Даётся критико-конструктивный анализ современной инструментальной базы теории конкуренции, показываются пути её совершенствования и развития за счёт модификации существующих и применения новых коэффициентов и моделей.

Ключевые слова: многоуровневая конкуренция, индексы концентрации, математическое моделирование конкуренции, балансовые модели

Таблично-структурная модель оптового рынка

В современной экономике одноуровневых рынков, на которых встречаются производитель товара и конечный потребитель, практически не существует. Даже в сфере малого бизнеса производитель встречается не с одним покупателем, а с сотнями, т.е. с сегментами рынка [1]. Зачастую между производителем товара и конечным потребителем существует множество различных посредников, которые формируют ряд промежуточных уровней рынка одного и того же товара — от крупнооптового рынка до рынка конечного потребителя. Эти уровни рынка не похожи друг на друга как составом участников, так и типом конкурентного поведения на нём. Если на оптовом рынке *B2B* воз-

* **Светуньков Сергей Геннадьевич** — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, руководитель проекта «Разработка теории многоуровневой конкуренции, её методов и методик» (16-02-00172).
E-mail: ecfor1809@mail.ru

можны различные варианты конкурентных типов рынков, то на рынке конечного потребителя *B2C* исключаются такие типы, как олигопсония и монопсония, поскольку конечные потребители не могут объединиться, а потому на этом уровне рынка мы наблюдаем другой состав его участников, другую конкурентную ситуацию и другое конкурентное поведение [2].

Но и изолированное рассмотрение этих рынков и конкуренции на них не дают исследователю полное представление о конкуренции на рынке, поскольку конкурентная ситуации на рынке одного уровня оказывает влияние на конкуренцию на рынке этого же товара, но другого уровня. Конкуренция на оптовом рынке *B2B* оказывает существенное влияние на конкуренцию на розничном рынке *B2C,* и наоборот.

Современная теория конкуренции обошла стороной вопрос влияния конкуренции на рынке одного уровня на конкуренцию на рынке взаимосвязанного с ним другого уровня [3–5]. А это означает, что невозможно оценить конкуренцию на рынке в целом, даже если известно о конкуренции на его отдельных уровнях. В лучшем случае теория конкуренции предлагает экономисту набор различных индексов, с помощью которых с той или иной степенью успешности можно оценить состояние конкуренции на рынке отдельного уровня, но не на рынке в целом [6–8].

В нашем исследовании была поставлена задача разработать теорию конкуренции многоуровневых рынков и на этой основе предложить инструменты для изучения многоуровневой конкуренции. Эта задача была решена и подробно изложена в научной монографии [9]. Не имея возможности в рамках одной статьи изложить полученные результаты, акцентируем внимание на принципиально важном научном результате — таблично-структурной модели многоуровневой конкуренции и вариантах математического моделирования многоуровневой конкуренции.

В первую очередь обратим внимание на модель оптового рынка — *B2B*.

Наиболее распространённый показатель, характеризующий рыночную власть фирмы, объём продаж (покупок) отдельной фирмы в общем объёме продаж (покупок) на рынке. Но для того, чтобы оценить конкуренцию на рынке, используют не абсолютные показатели, а относительные — доли продаж (покупок) в общем объёме продаж (покупок) на рынке. Обозначим долю продаж товара i-м производителем ($i=1,2,3,\ldots m$) j-му посреднику ($j=1,2,3,\ldots n$) как q_{ij}. Очевидно, что с позиций j-го посредника как покупателя этот объём q_{ij} есть не что иное, как объём закупок товара j-го посредника у i-го производителя.

Если собрать данные по этим продажам-покупкам для всего рассматриваемого рынка, то общую ситуацию на рынке можно представить в виде таблицы размером n × m, включающей данные о долях продаж-покупок на рынке в целом и о том, сколько и кому продал каждый производитель.

Воспользуемся правилом — номер участника (продавца или покупателя) определяется его рангом в общем объёме продаж (покупок) на рынке, а именно: первый номер получает участник рынка с максимальной долей объёма продаж (закупок), второй номер получает участник рынка с максимальной после первого долей объёма продаж (закупок) и т.п. Иначе говоря, в таблице представлены проранжированные по долям объёмов продаж-покупок товара участники рынка, и номер участника в таблице означает одновременно номер его ранга по показателю объёма совершаемых на рынке торгов.

Данные, представленные в таблице 1, открывают широкие возможности для анализа конкуренции на оптовом рынке. Итоговые числа, находящиеся в последнем столбце и в последней строке таблицы, есть те самые числа, на основании которых и диагностируется уровень конку-

Таблица 1

Балансовая таблица долей продаж-покупок на оптовом рынке в долях

Номер (ранг) производителя	Номер (ранг) посредника как покупателя						Доля продаж производителя в общем объёме продаж на рынке
	1	2	…	j	…	n	
1	q_{11}	q_{12}	…	q_{1j}	…	q_{1n}	d_1
2	q_{21}	q_{22}	…	q_{2j}	…	q_{2n}	d_2
…	…	…	…	…	…	…	…
i	q_{i1}	q_{i2}	…	q_{ij}	…	q_{in}	d_i
…	…	…	…	…	…	…	…
m	q_{m1}	q_{m2}	…	q_{mj}	…	q_{mn}	d_m
Доля посредника в общем объёме закупок на рынке	q_1	q_2	…	q_j	…	q_n	1

рентной борьбы на рынке современными методами, например, наиболее часто используемым индексом Херфиндаля-Хиршмана [10–12]. Для производителей он будет представлять собой сумму квадратов чисел последнего столбца таблицы 1:

$$HHI_d = \sum_{i=1}^{m} d_i^2 . \qquad (1)$$

А для фирм-посредников, выступающих покупателями на рынке *B2B,* складываются квадраты чисел, находящихся в последней строке таблицы 1:

$$HHI_q = \sum_{j=1}^{n} q_j^2 . \qquad (2)$$

Конечно, вместо индекса Херфиндаля-Хиршмана можно использовать и другие индексы.

Новые коэффициенты и индексы концентрации рынка

Принципиально важно то, что все существующие подходы к исследованию конкуренции на рынках с помощью показателей концентрации приводят к существенной потере информации о реальном положении дел — ведь используемые в современной теории конкуренции индексы работают с долями фирм, которые так или иначе трансформируются в один обобщённый показатель (индекс или коэффициент) [5, 7, 8, 14]. При этом теряется информация об индивидуальных особенностях каждой фирмы и её положении на рынке. Из таблицы 1 видно, что каждая из долей фирм, которые используются при вычислении индексов концентрации, представляет собой сумму частных долей этой фирмы — числа итоговой строки или столбца этой таблицы есть результат суммирования долей, находящихся в столбце или строке. И здесь, как и при любом суммировании, сглаживаются индивидуальные особенности и теряется часть информации. Каждый элемент q_{ij} является важнейшим источником информации о том, какова ситуация на рынке. Конечно же, для того чтобы получить пригодную для использования информацию, необходимо обработать эти самые частные доли q_{ij}.

Частные доли q_{ij} могут быть самыми различными по величине. Но каждый из этих элементов лежит в пределах:

$$0 \le q_{ij} \le 1 \quad \forall i, \forall j . \qquad (3)$$

Строгое равенство нулю означает, что между i-м производителем и j-м посред-

ником нет никаких взаимосвязей, т.е. они друг другу ничего не продают и не покупают. Равенство единице означает, что рассматриваемый рынок является монопольным, когда на нём работают один производитель и один покупатель.

Очевидно, что выполняется и другое условие:

$$\begin{cases} 0 \le q_{ij} \le d_i & \forall i, \\ 0 \le q_{ij} \le q_j & \forall j. \end{cases} \quad (4)$$

Превращение правых частей неравенства в строгое равенство возможно только в том случае, когда *i*-й производитель имеет дело только с одним покупателем, который может при этом покупать товары у многих производителей (первое неравенство системы (4)), или же в том случае, когда *j*-й посредник покупает товар только у одного производителя, хотя последний может продавать товар и другим посредникам (второе неравенство системы (4)).

Поскольку выполняется (3), то из неравенства Коши-Буняковского следуют такие свойства:

$$\frac{\sum_{i=1}^{m} q_{ij}}{\sqrt{\frac{1}{m}\sum_{i=1}^{m}(q_{ij})^2}} \le 1 \quad \forall j, \quad (5)$$

$$\frac{\sum_{j=1}^{n} q_{ij}}{\sqrt{\frac{1}{n}\sum_{j=1}^{n}(q_{ij})^2}} \le 1 \quad \forall i. \quad (6)$$

Причём и (5), и (6) стремятся к единице в том случае, когда распределение частных долей приближается к равномерному. Следовательно, новые коэффициенты (5) и (6) показывают степень равномерности распределения покупок *j*-м посредником (5) и степень равномерности продаж *i*-м производителем (6). Эти новые коэффициенты являются полезными при анализе конкурентной ситуации на рынке, в частности при исследовании возможности монополистического сговора между участниками рынка.

Но расширение инструментов анализа конкуренции возможно не только за счёт применения индексов (5) и (6). Поскольку анализу подвергаются доли, расположенные внутри таблицы 1, то можно предложить различные агрегаты для этого анализа. Для этого можно использовать и все существующие индексы и коэффициенты концентрации, которые легко модифицируются для рассматриваемого случая. Например, с помощью самого распространённого в практике исследования конкурентной борьбы четырёхдольного индекса концентрации возможно учитывать продажи-покупки друг другу четырёх самых крупных участников на рынке:

$$I_4^4 = \sum_{i=1}^{4}\sum_{j=1}^{4} q_{ij}, \quad (7)$$

Очевидно, что этот общий индекс всегда не больше четырёхдольных индексов концентрации как производителя, так и покупателя:

$$I_4^4 \le \min\{I_{q4},\ I_{d4}\}. \quad (8)$$

Общий четырёхдольный индекс концентрации (7) характеризует долю той части рынка, которая находится под контролем четырёх самых крупных производителей и четырёх самых крупных покупателей. Его применение дополняет уже имеющийся инструментарий анализа уровня конкурентной борьбы новыми характеристиками изучаемого рынка. Для коэффициента (7) выполняется правило: общий индекс концентрации приблизительно равен произведению двух других индексов — производителя и посредника:

$$I_4^4 \approx I_{d4} I_{q4}. \quad (9)$$

При этом выполняется такое условие:

$$\sum_{i=1}^{4}\sum_{j=1}^{4} q_{ij} \le \sum_{i=1}^{4} q_i \sum_{j=1}^{4} q_j \,. \qquad (10)$$

А потому отношение

$$\frac{\sum_{i=1}^{4}\sum_{j=1}^{4} q_{ij}}{\sum_{i=1}^{4} q_i \sum_{j=1}^{4} q_j} \le 1 \qquad (11)$$

может также использоваться при исследовании конкуренции на рынке.

Вместо четырёхдольного индекса концентрации для исследования структуры рынка можно использовать и другие индексы из инструментария теории конкуренции [8], что также позволяет, сравнивая эти индексы друг с другом, получить дополнительную информацию о состоянии конкуренции на рынке.

Общая модель структуры рынка

Поскольку и производители, и посредники в таблице 1 представлены в соответствии с их рангами по мере убывания их долей на рынке, то для рассматриваемых данных в целом выполняется такое условие:

$$q_{11} \ge q_{ij} \quad \forall i, j. \qquad (12)$$

Условие (12) может быть рассмотрено как модель нелинейной поверхности в трёхмерном пространстве, оси которого определяют ранги производителей и покупателей, а также ось долей покупок-продаж. Эта поверхность в трёхмерном пространстве имеет наклон, стремящийся к нулю при увеличении ранга как производителя, так и покупателя, т.е. она имеет наклонный характер. В общем случае рассматриваемая поверхность может быть описана некоторым математическим уравнением зависимости долей от рангов:

$$q_{ij} = f(i, j)\,. \qquad (13)$$

Из числа нелинейных мультипликативных моделей, которые можно использовать для описания данной нелинейной поверхности, лучшей оказалась такая модель:

$$q_{ij} = a_0 i^{-\alpha} j^{\alpha-1}. \qquad (14)$$

Здесь сумма показателей степеней равна минус единице: $(-\alpha+\alpha-1=-1)$.

Как было выяснено при исследовании свойств этой новой функции [4], общие условия использования модели (14) для целей аппроксимации ситуации на рынке и её анализа определяется границами:

$$0 \le \alpha \le 1. \qquad (15)$$

Модель (14) обладает ярким экономическим смыслом, и поэтому она пригодна для использования при аналитике рынков. Коэффициенты эластичности этой модели легко вычисляются и имеют простой экономический смысл, что делает их важным инструментом экономического анализа. Действительно, коэффициент эластичности модели (14) по рангу производителя i равен $(-\alpha)$, а коэффициент эластичности модели (14) по рангу посредника j равен $(1-\alpha)$ [9]. Поскольку коэффициент эластичности показывает, на сколько процентов увеличивается результат при увеличении фактора на один процент, то показатель степени при ранге производителя показывает, на сколько процентов уменьшится доля производителя на рынке при увеличении номера его ранга на один процент. А показатель степени при ранге посредника показывает, на сколько процентов уменьшится доля посредника на рынке при увеличении номера его ранга на один процент.

Оба показатели степени (как и соответствующие им коэффициенты эластичности) определяются единым коэффициентом α. Поэтому о конкурентной ситуации на рынке можно судить по значениям этого показателя степени.

В ситуации, когда $\alpha \to 0$, влияние производителей на рынке ничтожно (любое число в нулевой степени равно единице) и увеличение ранга производителя не ведёт к изменению его влияния на рынке. А вот доли посредников в таком случае неравномерны, т.е. увеличение их ранга ведёт к значительному снижению влияния фирмы на рынке. Тогда можно утверждать, что перед нами рынок, на котором рыночная власть принадлежит нескольким крупным посредникам: они диктуют на рынке цены, они определяют номенклатуру и свойства товара. Это — рынок посредника.

Когда $\alpha \to 1$, это означает, что влияние первых производителей на рынке велико и распределение долей производителей на рынке неравномерно. А вот влияние ранга посредников на изменение их долей на рынке незначительно: доли производителей примерно одинаковы. Это — рынок производителя.

В том случае, когда $\alpha \approx 0{,}5$, структура рынка производителей и структура рынка посредников примерно одинаковая и ни одна из сторон не побеждает в рыночном соперничестве. Это — конкурентный рынок.

Таблично-структурная модель розничного рынка

Обратимся теперь ко второй части многоуровневого рынка — розничному рынку *B2C*. На этом рынке действуют те же самые *j*-е посредники, которые выступали на рынке первого уровня *B2B* как покупатели. Только теперь они работают здесь как продавцы закупленного товара. Конечные покупатели на этом рынке многочисленны и не объединены в какие-то закупочные союзы. Но при этом, несмотря на индивидуальность каждого конечного покупателя и очевидное их отличие друг от друга, покупатели всё же представляют собой группы потребителей, одинаково реагирующих на товар и его маркетинговое сопровождение — сегменты [1–3, 6]. Иначе говоря, в определённой степени они ведут себя на рынке как один групповой участник рыночного соперничества. А потому если посредники, работающие с потребителями данного сегмента, предложат сегменту непри-

Таблица 2

Балансовая таблица долей продаж-покупок на розничном рынке в долях

Номер (ранг) сегмента	Номер (ранг) посредника как продавца						Доля покупок сегмента в общем объёме закупок на рынке
	1	2	…	*j*	…	*n*	
1	q_{11}	q_{12}	…	q_{1j}	…	q_{1n}	w_1
2	q_{21}	q_{22}	…	q_{2j}	…	q_{2n}	w_2
…	…	…	…	…	…	…	…
k	q_{k1}	q_{k2}	…	q_{kj}	…	q_{kn}	w_i
…	…	…	…	…	…	…	…
l	q_{l1}	q_{l2}	…	q_{lj}	…	q_{ln}	w_l
Доля посредника в общем объёме продаж на рынке	q'_1	q'_2	…	q'_j	…	q'_n	1

Таблица 3

Балансовая таблица двухуровневого рынка в долях

Оптовый рынок B2B							
Номер (ранг) производителя	**Номер (ранг) посредника как покупателя**						**Доля продаж производителя в общем объёме продаж на рынке**
	1	**2**	**…**	***j***	**…**	***n***	
1	q_{11}	q_{12}	…	q_{1j}	…	q_{1n}	v_1
2	q_{21}	q_{22}	…	q_{2j}	…	q_{2n}	v_2
…	…	…	…	…	…	…	…
i	q_{i1}	q_{i2}	…	q_{ij}	…	q_{in}	v_i
…	…	…	…	…	…	…	…
m	q_{m1}	q_{m2}	…	q_{mj}	…	q_{mn}	v_m
Доля посредника в общем объёме закупок на рынке	q_1	q_2	…	q_j	…	q_n	1

емлемые для него условия приобретения товара, то этот групповой потребитель поведёт себя по отношению к этому поставщику одинаковым образом и может вовсе отказаться от его предложения, обратившись к другому поставщику.

Долю потребления товара j-го посредника на k-м сегменте обозначим через q_{kj}. Все доли также можно представить в виде балансовой таблицы (табл. 2).

Очевидно, что к таблице 2 можно применить те же самые процедуры, что и к таблице 1, т.е. рассчитать различные общие структурные коэффициенты концентрации как для продавцов на рынке *B2C*, так и для сегментов на нём, вычислить общие четырёхдольные индексы концентрации и т.п.

Таблично-структурная модель двухуровневого рынка

Поскольку все эти подходы и методы были подробно рассмотрены ранее, мы не будем на них останавливаться, а обратим внимание на возможность представления двухуровневого рынка данного товара в виде общей балансовой модели. Обратив внимание на таблицы 1 и 2, можно заметить, что у этих таблиц, представляющих два взаимосвязанных рынка — *B2B* и *B2C*, одинаковое число столбцов, поскольку именно так и в той, и в другой таблице обозначены посредники, работающие как на оптовом рынке, так и на розничном. Тогда можно объединить эти две таблицы в одну, которая будет давать общее представление о конкуренции на рынке в целом. Это сделано в таблице 3.

Эти две двухуровневые балансовые таблицы содержат наиболее полную информацию о сложившейся в результате конкурентной борьбы ситуации на двухуровневом рынке в целом. Их анализ позволит судить о двухуровневой конкуренции на всём рынке и на каждом его уровне в отдельности. В частности, объединив модель (14) для оптового рынка и аналогичную модель для розничного рынка, можно синтезировать общую многофакторную модель конкуренции на двухуровневом рынке [9].

Матричные модели многоуровневого рынка

Таблица 3 состоит из двух разделов, которые описывают оптовый рынок *B2B* и розничный рынок *B2C*. Если в ней заменить доли q на абсолютные значения объёмов Q, т.е. вернуться к исходным значениям таблицы, то появляется воз-

Таблица 3

Балансовая таблица двухуровневого рынка в долях

Розничный рынок B2C							
Номер (ранг) сегмента	**Номер (ранг) посредника как продавца**						**Доля покупок сегмента в общем объёме закупок на рынке**
	1	**2**	**…**	***j***	**…**	***n***	
1	q_{11}	q_{12}	…	q_{1j}	…	q_{1n}	w_1
2	q_{21}	q_{22}	…	q_{2j}	…	q_{2n}	w_2
…	…	…	…	…	…	…	…
k	q_{k1}	q_{k2}	…	q_{kj}	…	q_{kn}	w_i
…	…	…	…	…	…	…	…
l	q_{l1}	q_{l2}	…	q_{lj}	…	q_{ln}	w_l
Доля посредника в общем объёме продаж на рынке	q'_1	q'_2	…	q'_j	…	q'_n	1

можность построения балансовой модели многоуровневого рынка наподобие того, как в своё время В.Леонтьев построил модель межотраслевого баланса [15].

Если элемент столбца этого раздела таблицы Q_{ij} разделить на общий объём закупок j-го посредника, то будет получен такой коэффициент:

$$a_{ij} = \frac{Q_{ij}}{Q_j}. \qquad (16)$$

Он показывает долю закупок j-го посредника у i-го производителя в общем объёме закупок данного посредника на оптовом рынке.

Эти коэффициенты можно представить в виде прямоугольной матрицы:

$$\begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{m1} & a_{m2} & \dots & a_{mn} \end{pmatrix}. \qquad (17)$$

Теперь можно довольно просто описать баланс на оптовом рынке:

$$\begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{m1} & a_{m2} & \dots & a_{mn} \end{pmatrix} \cdot \begin{pmatrix} Q_1 \\ Q_2 \\ \dots \\ Q_n \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} V_1 \\ V_2 \\ \dots \\ V_m \end{pmatrix}. \qquad (18)$$

Или в матричной форме:

$$AQ = V, \qquad (19)$$

где A — матрица коэффициентов (17) размерностью $m \times n$;

Q — вектор-столбец размерностью n, включающий объёмы закупок посредниками товара у продавцов-производителей на рынке;

V — вектор-столбец размерностью m, включающий объёмы производства этого товара его производителями.

Модель в матричной форме (19) можно использовать для решения разнообразных задач. Но поскольку матрица A является прямоугольной, то её невозможно обратить, а работать с псевдообратными матрицами не очень удобно. Но, если умножить левые и правые части равенства (19) на транспонированную матри-

цу A^T, то получим такое промежуточное уравнение:

$$AA^TQ = A^TV. \quad (20)$$

Поскольку умножение прямоугольной матрицы на транспонированную к ней даёт в итоге квадратную матрицу, то можно получить и обратную матрицу к ней. Тогда имеем:

$$Q = A^T(AA^T)^{-1}V. \quad (21)$$

В итоге получено уравнение, с помощью которого можно определить объём закупок для каждого посредника на оптовом рынке.

Эти же посредники выступают на розничном рынке как продавцы товара и реализуют они его на сегментированном рынке. В таблице 3 эта часть рынка представлена во втором разделе. Если некоторый элемент столбца второго раздела таблицы Q_{kj} разделить на общий объём продаж j-го посредника на розничном рынке, то будет получен другой безразмерный коэффициент:

$$b_{kj} = \frac{Q_{kj}}{Q_j^{'}}. \quad (22)$$

Он показывает долю продаж j-го посредника на k-м сегменте розничного рынка в общем объёме продаж посредника на рынке *B2C*. Эти коэффициенты также можно представить в виде прямоугольной матрицы размера $l \times n$, используя которые можно описать баланс на розничном рынке в матричной форме:

$$BQ^{'} = W, \quad (23)$$

где B — матрица коэффициентов (22) размерностью $l \times n$;

$Q^{'}$ — вектор-столбец размерностью n, включающий объёмы продаж товара посредниками на рынке *B2C*;

W — вектор-столбец размерностью l, означающий объём оборота товара на каждом сегменте розничного рынка.

Точно так же, как и для оптового рынка, можно получить уравнение зависимости объёма продаж посредника на розничном рынке от покупок на сегментах:

$$Q^{'} = B^T(BB^T)^{-1}W. \quad (24)$$

Если рынок рассматривается с использованием натуральных единиц измерения, то объём производства товара всегда будет больше объёма товара, проданного на сегментах розничного рынка, поскольку часть товара теряется в ходе транспортировки и хранения, часть портится, списывается и т.п. Поэтому общий баланс на двухуровневом рынке с учётом потерь товара у каждого посредника в процессе транспортировки, складирования и т.п. ΔQ будет иметь такой вид:

$$Q = Q^{'} + \Delta Q \Leftrightarrow A^T(AA^T)^{-1}V \geq B^T(BB^T)^{-1}W + \Delta Q. \quad (25)$$

В том случае, когда при изучении рынка используются показатели производства, покупки и продаж в денежном выражении, то, поскольку посредник покупает на оптовом рынке дешевле, а продаёт на розничном рынке дороже, будет выполняться другое балансовое уравнение:

$$Q = Q^{'} - \Delta Q^{'} \Leftrightarrow A^T(AA^T)^{-1}V \geq B^T(BB^T)^{-1}W - \Delta Q^{'}. \quad (26)$$

Разницу, которая формирует данное неравенство, в первом приближении можно определить как валовую прибыль посредника, обозначенную через $\Delta Q^{'}$.

Полученные балансовые модели могут иметь самое разнообразное направление использования для анализа структуры рынка и уровня конкуренции на нём.

Анализ матриц коэффициентов A и B и анализ динамики этих коэффициентов во времени также дают исследова-

телю много дополнительной информации о конкуренции на рынке. Можно адаптировать эти модели и для целей анализа конкуренции на региональных рынках. Но тщательное исследование свойств подобных балансовых моделей многоуровневого рынка — это задача отдельного исследования, которая выходит за круг тех задач, которые решались в исследовании, посвящённом формированию основ теории многоуровневой конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kenny B., Dyson K. Marketing in Small Business. Routledge, 2016.
2. Washington K.D. Consumer Marketing 2018–2019. Richard K. Miller & Associates, 2018.
3. Рубин Ю.Б. Конкурентный статус участников рынка // Современная конкуренция. 2016. № 1 (55). С. 108–143.
4. Светуньков С.Г. Основы теории многоуровневой конкуренции и её инструментальная база // Современная конкуренция. 2017. Т. 11. № 6 (66). С. 5–27.
5. Andrews P.W.S. On Competition in Economic Theory // Springer, 2015.
6. Наумов В.Н. Ценностно ориентированная модель повышения конкурентоспособности интернет-магазинов // Интернет-маркетинг. 2018. № 1. С. 34–49.
7. Салихова Я.Ю., Аренков И.А. Маркетинговые исследования товарных рынков. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013.
8. Burke T., Genn-Bash A., Haines B. Competition in Theory and Practice. Routledge, 2018.
9. Светуньков С.Г. Теория многоуровневой конкуренции. М.: ЛЕНАНД, 2019.
10. Djolov G.G. Revisiting Kelly's Version of the Herfindahl—Hirschman Index. Inderscience Enterprises Limited, 2018.
11. Kopczewska K., Churski P., Ochojski A., Polko A. Measuring Regional Specialisation: A New Approach // Springer, 2017.
12. Teall J.L. Governance and the Market for Corporate Control. Routledge, 2014.
13. Эйлер Л. Введение в анализ бесконечных. Т. 1. 2-е издание. М.: Физматгиз, 1961.
14. Ponomarenko T., Sergeev I. Quantitative methods for assessing levels of vertical integration as a basis for determining the economic and organizational sustainability of an industrial corporation // Indian Journal of Science and Technology, 9 (17).
15. Леонтьев В. Баланс народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 254–258.

ENGLISH

Multi-Level Competition and Its Mathematical Models

Sergei Gennad'evich Svetun'kov — Doctor of Economics, Professor of the Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, supervisor of the project "Development of Multi-Level Competition Theory, Its Methods and Techniques" (16-02-00172).
E-mail: sergey@svetunkov.ru

A modern competition theory deals with a single-level B2C market involving product vendors (i.e., its manufacturers) and innumerable quantity of ultimate buyers. Also, several researchers study B2B competition. However, nobody has taken a shot at study of systemic interrelationship of various market levels as yet. This the first paper in this regard. It represents successive description of approaches, methods and models of various market levels and relevant competition. A cri-

tical constructive analysis of modern tool base of the competition theory is performed. The paper demonstrates several ways of its advance and development by modification of existing models and coefficients, as well as application of new ones.

Keywords: multi-level competition, concentration indices, mathematical competition simulation, balance models

REFERENCES

1. Kenny B., Dyson K. Marketing in Small Business. Routledge, 2016.
2. Washington K.D. Consumer Marketing 2018–2019. Richard K. Miller & Associates, 2018.
3. Rubin Yu.B. Konkurentnyy status uchastnikov rynka // Sovremennaya konkurentsiya. 2016. № 1 (55). S. 108–143 (in Russian).
4. Svetun'kov S.G. Osnovy teorii mnogourovnevoy konkurentsii i eyo instrumental'naya baza // Sovremennaya konkurentsiya. 2017. T. 11. № 6 (66). S. 5–27 (in Russian).
5. Andrews P.W.S. On Competitionin Economic Theory // Springer, 2015.
6. Naumov V.N. Tsennostno orientirovannaya model' povysheniya konkurentosposobnosti internet-magazinov // Internet-marketing. 2018. № 1. S. 34–49 (in Russian).
7. Salikhova Ya.Yu., Arenkov I.A. Marketingovye issledovaniya tovarnykh rynkov. SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2013 (in Russian).
8. Burke T., Genn-Bash A., Haines B. Competition in Theory and Practice. Routledge, 2018.
9. Svetun'kov S.G. Teoriya mnogourovnevoy konkurentsii. M.: LENAND, 2019 (in Russian).
10. Djolov G.G. Revisiting Kelly's Version of the Herfindahl–Hirschman Index. Inders-cience Enterprises Limited, 2018.
11. Kopczewska K., Churski P., Ochojski A., Polko A. Measuring Regional Specialisation: A New Approach // Springer, 2017.
12. Teall J.L. Governance and the Market for Corporate Control. Routledge, 2014.
13. Eyler L. Vvedenie v analiz beskonechnykh. T. 1. 2-e izdanie. M.: Fizmatgiz, 1961 (in Russian).
14. Ponomarenko T., Sergeev I. Quantitative methods for assessing levels of vertical integration as a basis for determining the economic and organizational sustainability of an industrial corporation // Indian Journal of Science and Technology, 9 (17).
15. Leont'ev V. Balans narodnogo khozyaystva // Planovoe khozyaystvo. 1925. № 12. S. 254–258 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 316.353
ГРНТИ 04.41.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-62-75

В.А. МАНСУРОВ,
Е.Ю. ИВАНОВА*

Инженерные династии в России в контексте модернизационных изменений

В статье рассмотрены причины, обстоятельства возникновения и функционирования инженерных династий России. Подчёркивается необходимость междисциплинарного изучения династии как социокультурного феномена, обладающего межпоколенческим семейным ресурсом, семейной профессиональной стратегией, неформальными методами и практиками воспитания в сложившейся профессиональной среде в условиях изменяющихся экономических, научно-технических, социальных и культурных реалий.

Изучение проблем возникновения и угасания профессиональных династий позволяет выделить значимые этапы формирования и особенности функционирования инженерных династий в России. Зафиксированы актуальные проблемы, требующие решения в условиях современных модернизационных процессов: низкая престижность и невысокий социальный статус профессии инженера; отсутствие развитой социально-экономической поддержки развития инженерной деятельности; дефицит квалифицированных инженерных кадров, с одной стороны, и неперспективность карьерной реализации в инженерной профессии — с другой; инженерное сообщество не консолидировано. Предлагаются пути повышения эффективности деятельности инженерного сообщества.

Ключевые слова: профессиональная династия, профессиональная преемственность, инженер, межпоколенческий семейный ресурс, профессиональная подготовка инженера, социальный статус инженера, государственная поддержка инженерных династий

* **Мансуров Валерий Андреевич** — доктор философских наук, профессор Института социологии Федерального научно-исследовательского Социологического центра РАН, главный научный сотрудник, заведующий сектором «Социология профессий и профессиональных групп», президент Российского общества социологов, руководитель проекта «Инженерные династии России» (15-03-00666а).
E-mail: mansurov@isras.ru

Иванова Елена Юрьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора «Социология профессий и профессиональных групп» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ele6248@yandex.ru

Об уровне технико-экономического развития любого общества свидетельствуют качественные индикаторы инженерного потенциала. Среди них — уровень и профессиональная диверсификация специального образования, широта полученных компетенций и полномочий, реальный опыт и степень эффективности применения современных технологий, наличие новейших инженерных разработок в различных отраслях производства, безаварийность функционирования инженерных объектов и коммуникаций. Однако в отечественной социологии профессиональной группе инженеров, а тем более инженерным династиям не уделяется должного внимания. Как в российской, так и в зарубежной социологии отсутствуют исследования, позволяющие расширить понимание процессов формирования и прерывания инженерных династий с учётом исторических и социально-экономических процессов. Не изучены процессы воспроизводства классовых, семейных, статусных, профессиональных позиций инженеров. Глубокое исследование причин возникновения, эффективного существования, а также угасания профессиональных династий инженеров, междисциплинарный подход (социология, история, экономика, психология) к анализу социальных процессов с учётом государственной политики и рыночных механизмов, а также влияния различных национальных культур позволяют не только восполнить методологический пробел в российской социологии профессий, но и служат основой для дальнейших межкультурных, межпрофессиональных сравнительных исследований.

Информационная база исследования

Информационной базой исследования явились интервью с экспертами — лидерами мнений (преподавателями вузов, управленцами, инженерами и т.д.), результаты социологических опросов инженеров, студентов и школьников инженерных классов (в 27 регионах России); законодательные акты, статистические и мемуарно-биографические материалы, научно-популярная, художественная и историческая литература; научные статьи и монографии; справочно-энциклопедические источники. Была проанализирована многоаспектная информация, размещённая на интернет-сайтах (более 6000 источников): информационные порталы территориальных образований, предприятий, организаций, социологических центров; реестры инженеров; официальные сайты профессиональных ассоциаций инженеров, образовательных организаций России, специализированных профессиональных журналов; интернет-форумы и пр.

Некоторые методологические подходы и определения

Первоначальное значение слова династия (от гр. Dynasteia — власть) — это «ряд последовательно правящих монархов из одного и того же рода» [1]. После Октябрьской революции произошли изменения внеязыковой действительности, связанные со сменой идеологии, производственных отношений, общественно-административных институтов. «...Уничтожение социальных сословий и привилегий вызвало не только выпадение из активного словаря целого ряда соответствующих наименований, но и переосмысление некоторых из них применительно к новым явлениям действительности. Так, *династия* <...> всё чаще применяется как обозначение представителей разных поколений из одной семьи, одного рода, выполняющих ту же работу, имеющих ту же профессию (*рабочая династия* и т.п.)» [2].

Профессиональная династия как социальный институт, очищенная от идеологической подоплёки, является, в конечном счёте, формой профессиональной преемственности. Таким образом, профессиональная династия это «локализованная в производственной и социально-эконо-

Рис. 1. Причины образования профессиональных династий

мической сфере социальная группа, характеризующаяся кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [3].

«Профессиональная преемственность в области инженерной деятельности подразумевает, во-первых, выбор определённой образовательной стратегии, которая воспроизводила бы социальную позицию предков; во-вторых, выбор такой жизненной стратегии, которая рассматривалась бы как наследование и, в-третьих, выбор такой научной стратегии, которая обеспечивала бы интеллектуальную преемственность в форме научных школ и технологических направлений» [4].

На рис. 1 представлены факторы, влияющие на формирование профессиональных династий в любой области человеческой деятельности.

Профессиональная династия может рассматриваться также в трёх аспектах: как социальная монополия, способствующая социальной мобильности членов семьи; как социальная монополия, затрудняющая социальную мобильность «не-членов» семьи; как «спасательный круг» в результате отсутствия иных ресурсов для социальной мобильности» [5].

Инженерные династии в России: историческая периодизация

История становления инженерных династий тесно связана с двумя ключевыми факторами: развитием экономики, востребующей профессиональный труд инженеров, и становлением инженерного

образования, адекватного этим потребностям. Благоприятное сочетание этих факторов способствует преемственности инженерного труда и становлению инженерных династий. Анализ процессов формирования инженерных династий, начиная с периода зарождения профессии инженера как таковой, позволил выделить следующие исторические этапы.

Первый, допетровский, этап развития России характеризуется зарождением самой инженерной профессии. В целом предпосылки этого связаны со становлением Русского государства, военными и оборонительными задачами в допетровский период: с созданием Пушкарского приказа при Иване IV (1577 г.), военными реформами царя Алексея Михайловича 1648–1654 гг.

На втором этапе (XVIII – середина XIX в.) — «инженерное искусство, утверждённое при императоре Петре I на новых началах, заимствованных у европейских держав, идёт к дальнейшему усовершенствованию, наравне с другими науками и искусствами; но действует подражательно и притом под непосредственным влиянием иностранцев, которых значительное число постоянно находилось на службе в Инженерном корпусе» [6]. Именно эти специалисты сохранили звание инженера, полученное на их родине, положив начало этому званию в России. Причём звание специальными актами Алексея Михайловича даровалось только иностранцам; русских же инженеров как носителей профессиональных знаний и навыков не существовало вплоть до XVIII столетия.

В начале XVIII в. были учреждены учебные заведения — историческая предтеча системы инженерно-технического образования в России, по их окончании присуждалось звание кондуктора, а в дальнейшем — инженера-прапорщика. Преподавание велось на немецком языке [7]. Этот период можно охарактеризовать как начало становления отечественной профессиональной династийности. Манифест от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» сулил успешную карьеру, стимулировал привлечение в Россию специалистов со всей Европы. Казна брала на себя расходы по переезду в Россию и все расходы, необходимые для ведения хозяйства. Строились дома, клубы, лютеранские церкви, школы [12].

Понимая важность специального образования, выходцы из Европы активно занимались созданием системы подготовки профессиональных кадров. До 50% представителей династий контрактёров становились впоследствии подданными Российской империи. Многие из приезжавших в Петровские времена по контракту инженеров принадлежали к известным со средневековых времён династиям, став основателями не только производственных отраслей, но и горнозаводских династий. Число инженерных династий, родоначальниками которых стали иностранцы, было значительным (несколько десятков). Эффективность профессиональной преемственности подтверждается тем фактом, что немало выдающихся горных деятелей, учёных–«технарей» были членами известных династических фамилий (например, Ауэрбахи, Шлаттеры) [13].

В этот же период начал формироваться институциональный тип инженерной династии (передача профессии через институциональные механизмы образования). Дальнейшее развитие системы инженерного образования связано с тем, что в 1773 г. в Санкт-Петербурге организуется Горный институт имп. Екатерины II; в 1809 г. император Александр I подписал Манифест, учреждающий Корпус и Институт инженеров путей сообщения.

Экономическое развитие России инициировало процесс формирования «стихийных» инженерно-технических династий, появлявшихся благодаря востребованности талантливых механиков в практике строительства и деятельности промышленных предприятий. Тип таких ди-

Фото 1. Иван Петрович Кулибин (1735–1818)

настий можно назвать протоинженерным (династии Кулибиных, Черепановых).

Так, Иван Кулибин (фото 1) — механик-самоучка, не имевший за плечами даже школьного образования, принимал технические решения, опережающие время. При Екатерине II Кулибин возглавлял механическую мастерскую Академии наук. Его сыновья и внуки получили высшее образование и стали горными инженерами. Правнук изобретателя исполнял обязанности Секретаря Горного Учёного Комитета.

Третий этап (середина XIX – 1917 г.) в становлении инженерных династий в России связан с модернизацией промышленного производства, расширением системы специального инженерного образования и развитием науки. К 1914 г. в стране насчитывалось 15 государственных инженерно-промышленных вузов, в которых обучалось 23,5 тыс. студентов [3]. Появляются устойчивые и многочисленные (многопоколенные) династии инженеров, работающих в различных отраслях экономики (горное дело, железнодорожный транспорт, военное дело).

Государственная политика по созданию отечественного инженерного корпуса дала свои плоды. Анализ данных о происхождении выпускников ряда технических учебных заведений России за 1890–1913 гг. показал, что только 0,8% из них — иностранцы [3]. Общее число горных династий с конца XVIII в. до 1917 г. составляло 256, а число их представителей — 763 человека, или около четверти всех выпускников Горного института. Горные династии с тремя и более представителями составляли около 40% общего количества (99 горных династий, 438 представителей) [3].

XIX в. принёс России новые достижения в инженерном деле. В этот период выдающиеся, знаменитые инженеры зачастую не были выходцами из семей инженеров. Так сформировался тип инженерных профессиональных династий, имевших благоприятную образовательную среду в семье, созданную несколькими поколениями, и опирающихся на яркого, талантливого зачинателя династии (например, инженер Шухов).

Следующий этап связан с событиями 1917 г. Был практически ликвидирован потенциал инженерных династий: часть специалистов и студентов эмигрировала, иных использовали как «буржуев» на принудительных неквалифицированных работах, был закрыт доступ к высшему образованию для «чуждых элементов». Престиж инженерных специальностей как непролетарских практически сошёл на нет. Тем не менее страна получила в наследство от Российской империи сильную и сбалансированную, хорошо оснащённую фондами систему технического образования. Советский период известен элитарными династиями учёных-инженеров, основанными на высоком уровне образования и традициях инженерной профессии, которые брали начало ещё с дореволюционного времени (например, династия Капиц) (фото 2).

В связи с провозглашением курса СССР на индустриализацию требовалось подготовить специализированные инженерные кадры. В результате реформы 1930 г. старые институты были расформированы, а на базе их факультетов, кафедр и школ образованы многочисленные отраслевые учебные заведения, находившиеся в ведении хозяйственных наркоматов [7, 8]. Приём в вузы стал проходить в форме призыва (например, призыва парттысячников). Разрешили поступать и детям «чуждых элементов». За период с 1930 по 1940-е гг. число технических вузов в СССР увеличилось в четыре раза и превысило полторы сотни. В условиях отсутствия дефицита специалистов качество выпускаемых кадров снизилось. Это было время формирования инженерных династий, связанных с массовым инженерно-техническим образованием и появлением советских инженеров, вышедших из рабочих и переобучающихся зачастую прямо на производстве. Молодые инженеры и техники составили новую, довольно значительную социальную прослойку, отличавшуюся высоким социальным положением, политически преданную властям и делу построения коммунизма. Однако стали появляться первые тревожные симптомы снижения престижа инженерной профессии в целом, что было обусловлено так называемым перепроизводством инженеров [9]. Формируются и становятся всё более распространёнными династии инженеров на производстве, вырастающие из представителей массовых инженерно-технических профессий.

Следующий этап связан с 50-ми годами XX в., когда экстенсивные показатели подготовки инженерно-технических кадров достигли довоенного уровня. Престиж и уровень инженерной подготовки был высок. Эффективно работала триада «промышленность — наука — образование», представляющая собой единый взаимоувязанный национальный комплекс, целеполагаемый государством прежде

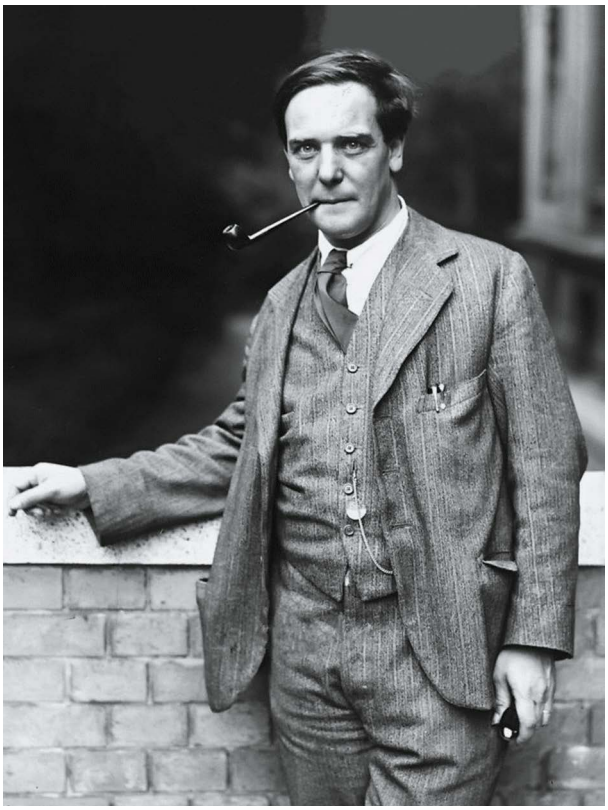


Фото 2. Пётр Леонидович Капица (1894–1984)

всего на достижение мирового военного лидерства. В результате целенаправленной политики удалось сформировать «культ знаний» и поддерживать его в общественном сознании практически до 1991 г. [10]. Были созданы идеальные условия для формирования двухпоколенных династий, возникших уже после 1917 г. Однако на фоне «раздувания» системы технического образования происходило обесценивание инженерного труда. Время широкого инженерного образования создало тип «вынужденных» инженерных династий, когда потенциал, заложенный предыдущими поколениями, предопределял продолжение профессии (иногда вопреки призванию). Статус профессии начал снижаться вместе с падением востребованности профессии на рынке труда. Около половины выпускников технических вузов были вынуждены работать на неинженерных должностях.

Очередной этап характеризуется тем, что к концу 1980-х гг. техническое образование перестало реагировать на меняю-

щиеся потребности экономики, активизировались процессы девальвации высшего инженерного образования. Из 6 млн инженеров только 700 тыс. были заняты собственно творческим инженерным трудом [11]. Кардинальные изменения в системе управления экономикой привели к катастрофическим последствиям: потребность в инженерах существенно снизилась, усилилось технологическое отставание России, качество инженерно-технического образования перестало соответствовать требованиям современных научно-технических реалий. Закрывались научные институты и производства; инженеры «выдавливались» из области их профессиональных интересов в иные сферы деятельности. Тенденция снижения престижа и статусности инженерной профессии продолжалась вплоть до 2010 г. Ниспадающая социальная мобильность профессии привела к тому, что практически была разрушена мотивационная составляющая поддержания династийности в инженерной среде.

С 2010 г. начался процесс возрождения социально-экономического запроса «на повышение статуса» инженера. Однако, вопреки предпринимаемым государственной политикой мерам (очевидно недостаточным), пока не восстановился престиж инженерных профессий. Социологи фиксируют тревожный факт: представители самых нужных для общества профессий (в том числе и инженерных в первых рядах) не хотят, чтобы дети пошли по их стопам. Это в значительной степени мешает зарождению инженерных династий и негативно сказывается на насыщении нашего рынка труда молодыми инженерно-техническими специалистами» [12].

Актуальные проблемы формирования инженерных династий в современной России

На основе проведённых исследований мы выделили основные мотивы поддержки профессиональных династий в России:

1. Идеология, политическая и социальная целесообразность (рабочие династии, заводские династии, научно-технические династии и пр.).
2. Экономическая целесообразность (поддержание инженерных династий в период становления инженерного дела и образования России) (ограниченные условия профессиональной мобильности).
3. Трудовая целесообразность (нехватка профессиональных инженерных кадров в определённой сфере инженерной деятельности).
4. Стимулирующее поведение (повышение социально-экономического статуса династий в качестве воздействия на формирование новых и поддержание существующих профессиональных династий в инженерной сфере).

Государственная поддержка инженерных династий, слабо выраженная в настоящее время и в основном сфокусированная на нематериальных формах популяризации преемственности профессий, должна, по нашему мнению, сосредоточиться:

- на поддержке профессиональных династий как носителей культурно-профессиональной идентичности;
- на создании условий (экономических, правовых, образовательных, информационных) для эффективной эволюции инженерной профессии в модернизирующемся обществе, нацеленных на укрепление социального статуса инженера;
- на ранней инженерной профориентации и профессионализации школьников;
- на поддержке всех форм профессиональной преемственности: горизонтальной («школа — вуз — наука — производство»), вертикальной семейной (профессиональные династии);
- на разработке и принятии законов, направленных на совершенствование системы технического образования, сертификации и аккредитации образо-

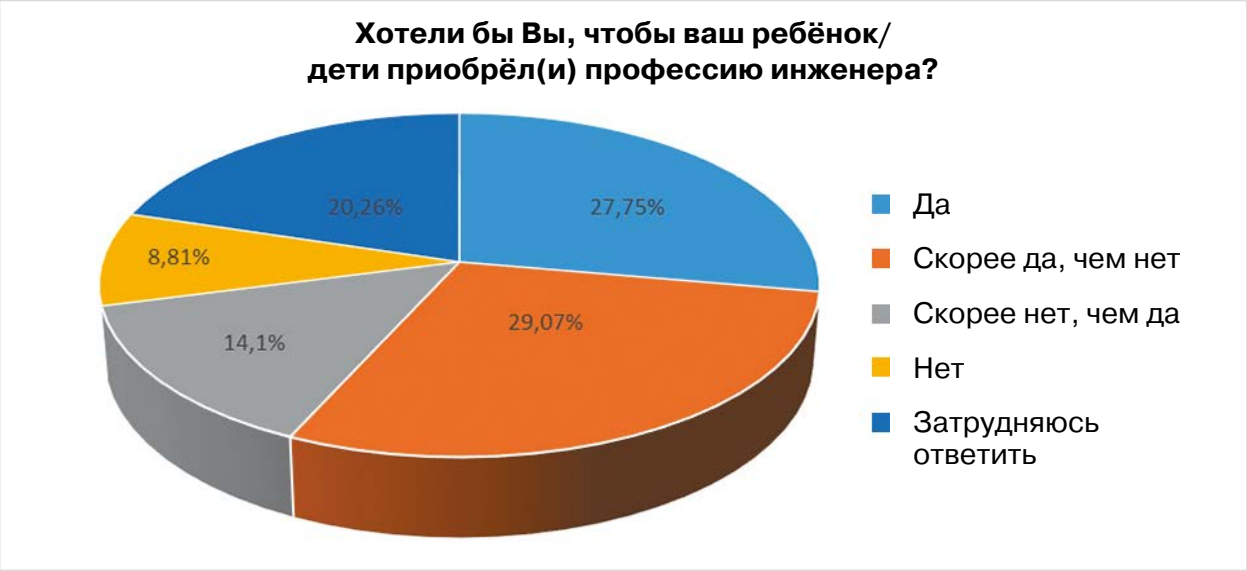


Рис. 2. Мнения родителей о профессии инженера

вательных учреждений; форм и правил профессионализации инженеров, а также процедур контроля их соблюдения.

В 2016–2017 гг. мы провели опрос инженеров и студентов инженерных специальностей в 27 регионах России в рамках исследования «Инженерные династии России». 56,8% опрошенных хотели или скорее хотели, чтобы их дети приобрели профессию инженера; 22,9% — не хотели и скорее не хотели; 20,3% — затруднились ответить на этот вопрос (рис. 2).

Отражая общую тенденцию отношения общества к профессиональной преемственности в современной России, среди причин нежелательности получения детьми родительской профессии (в нашем случае — инженерной) респонденты выделяли недостаточный престиж профессии — 2,1%; отсутствие возможности трудоустроиться по профессии — 3,6%; отсутствие перспектив карьерного продвижения — 2,6%; недостаточный уровень доходов — 11,9%; нежелание влиять на самостоятельный выбор профессии детьми в случае возможного наличия у них других планов — 40,2%; наличие у детей способностей в других сферах — 11,9%; нежелание супруга или супруги, чтобы дети получали профессию родителей — 0,5%; другие причины — 2,6%; затруднились ответить — 24,7% [12] (рис. 3).

В современном социально-экономическом контексте инженерная династия представляется как некая технология, которую следует использовать государству для поддержания высокого статуса инженера. В связи с этим стоит обратить внимание на самоидентичность инженера в проблемном поле профессиональной преемственности. Словосочетание «инженерная династия» имеет либо нейтральный, либо негативный вербальный акцент в инженерной среде. Инженеры, как правило, не говорят, что они продолжают дело родителей, если, конечно, они не принадлежат к известной семье. Если же речь пойдёт о «потомственном инженере», оценка, безусловно, будет позитивно окрашена. Также позитивно окрашенной является и оценка выражения «представитель такой-то инженерной школы». Таким образом, влияние династийности на формирование профессиональной группы включает в себя необходимость оценки как очевидно положительных, так и ряда спорных моментов. Мы рассматриваем эти процессы не только с точки зрения влияния на формирование профессиональных ориентаций и идентичностей молодых представителей конкретной про-

Рис. 3. Причины нежелания видеть своего ребёнка инженером

фессиональной группы, но и в контексте изучения их конкурентных преимуществ на рынке труда [14].

Нельзя не согласиться с тезисом, что современный уровень компетенций инженера невозможно обеспечить в рамках формального образования [15]. Современный инженер должен обладать высоким интеллектом, аналитическими, конструкторскими, техническими, организаторскими способностями, абстрактно-символическим и синтетическим мышлением, большим объёмом кратковременной и долговременной структурированной словесно-логической памяти, избирательностью и устойчивостью внимания, ответственностью, практическим мышлением с опорой на знания, интуицией, воображением. Подобные компетенции зависят не только от генетически заложенных возможностей личности, полученного специального инженерного образования и последующих форм самосовершенствования и обучения, а в значительной степени — от внутрисемейного опыта, который и создаёт особую «инженерную» среду, способную возрождать династийность в профессии.

Династия горных инженеров Карпинских в истории России

Сегодня практически не осталось династий инженеров, ведущих свою историю с XVIII в. Особое место среди редких династических фамилий принадлежит Карпинским — горным инженерам, представители которых прослужили в горном ведомстве в течение двух веков (фото 3).

Первым документально подтверждённым предком Карпинских является Миха-

ил Фёдорович (1746–1789 гг.) — иподьякон при Софийском соборе Тобольска. У его сыновей жизнь сложилась по-разному, но в одном схоже — все они стали известными специалистами Горного дела, были награждены орденами и дослужились до чинов, равных полковничьим, что для горных инженеров того времени было высоким признанием их заслуг перед Родиной. Особо значимой фигурой в истории России стал Александр Петрович Карпинский — с 1917 г. и до конца жизни первый (1936 г.) выборный президент Российской академии наук, а затем Академии наук СССР (см. фото 3). Сведения о пяти поколениях династии горных инженеров Карпинских, служивших на территории Российской империи, СССР и Российской Федерации, сведены в таблицу [16] с указанием года получения специализированного образования, чина и занимаемой должности (табл.).

Выпускники Горного кадетского корпуса, как правило, были потомственными горняками. С отменой крепостного права и освобождением от обязательной потомственной службы вся отрасль претерпела кардинальные изменения. Были отменены льготы при поступлении в Горный институт для детей горных инженеров. Горные династии, уходящие корнями в конец XVIII – начало XIX в., трансформировались. И в XX в. династия горных инженеров Карпинских прервалась окончательно.

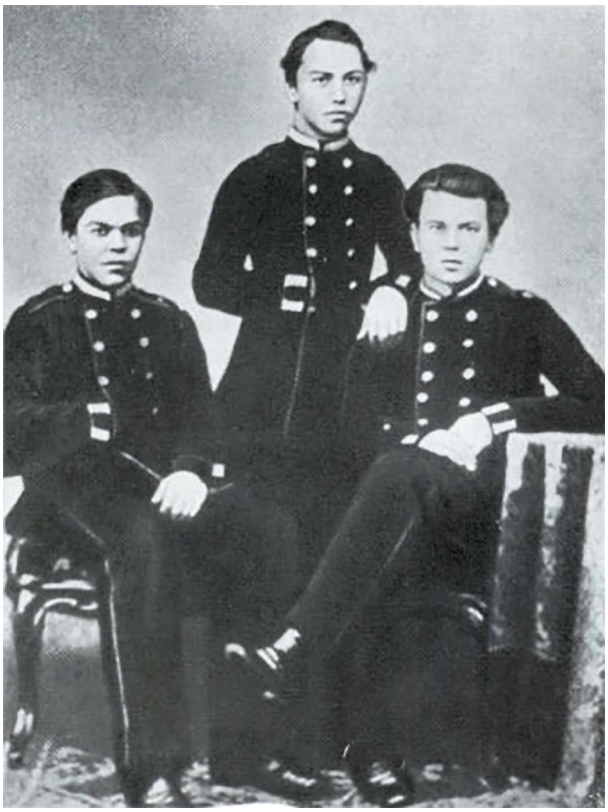


Фото 3. Второе поколение династии горных инженеров Карпинских. *Слева направо*: Михаил Петрович, Александр Петрович (будущий президент Российской академии наук), Алексей Петрович Карпинские — кадеты Горного корпуса

Заключение

Функционирование профессиональных групп в условиях нестабильной занятости, социальных трансформаций сталкивается с необходимостью поиска дополнительных ресурсов стабильности и устойчивого развития. В качестве такого ресурса выступает семейная преемственность профессий, требующих высокого уровня квалификации. Она становится базой для формирования моделей трудового поведения, которые обеспечивают трансляцию профессиональных этических норм, ценностей, навыков. Повышение эффективности инженерного сообщества и активизация процессов профессиональной преемственности в инженерной сфере в значительной степени зависят от развития партнёрских отношений промышленных, научных, проектных предприятий с высшей школой; разработки государственных мер поддержки инженерных династий; актуализации отлаженной системы ранней и опережающей профориентации, начиная с дошкольных учреждений; стимулирования внедрения негосударственной системы сертификации специалистов на базе профессиональных ассоциаций, которые контролировали бы вход в профессиональную группу, следование правилам и этическим нормам профессии инженера.

Таблица

Династия горных инженеров Карпинских

	Имя, отчество	Годы жизни	Образование (год окончания института), должность, чин
1 поколение	Михаил Михайлович	1777–1848	Горный инженер (1799 г.). Химик. Берггаупман 6 кл.
	Алексей Михайлович	1780–1892	Горный инженер (1800 г.). Химик, геолог, металлург. Берггаупман 6 кл.
	Александр Михайлович	1789–1857	Среднее образование (1809 г.). Чиновник горн. ведомства. Статский советник
2 поколение	Александр Михайлович	1804–1859	Горный инженер (1825 г.). Палеонтолог. Статский советник
	Пётр Михайлович	1808–1856	Горный инженер (1829 г.). Металлург. Полковник корпуса горных инженеров
	Михаил Михайлович	1809–1868	Горный инженер (1829 г.). Геолог, металлург. Майор корпуса горных инженеров
	Иван Михайлович	1817 – ?	Горный инженер (после 1832 г.)
	Пётр Александрович	1823–1862	Горный инженер (1846 г.). Металлург, горняк. Подполк. корп. горных инженеров
	Илиодор Александрович	1826–1887	Горный инженер (1848 г.). Металлург. Статский советник
	Николай Александрович	1831–1910	Горный инженер (1852 г.). Горняк. Действительный статский советник
	Владимир Александрович	1836–1892	Среднее образование (1853 г.). Чиновник горн. ведомства. Надворный советник
	Леонид Александрович	1843–1903	Горный инженер (1864 г.). Геолог, горняк. Действительный статский советник
3 поколение	Михаил Петрович	1843–1920	Горный инженер (1865 г.). Металлург. Тайный советник
	Алексей Петрович	1845–1920	Горный инженер (1865 г.). Геолог. Статский советник
	Александр Петрович	1847–1936	Горный инженер (1866 г.). Геолог, палеонтолог. Тайный советник, академик
	Павел Михайлович	1843–1907	Горный инженер (1865 г.). Металлург. Статский советник
	Пётр Владимирович	1871–1914	Горный инженер (1897 г.). Геолог, горняк, угольщик. Надворный советник
	Вениамин Владимирович	1873 – ?	Горный инженер (1898 г.). Геолог, горняк. Коллежский советник
	Владимир Леонидович	1874 – ?	Горный инженер (1897 г.). Нефтяник. Коллежский советник
4 поколение	Евгения Александровна	1874–1963	Горный инженер (1903 г.). Палеонтолог
	Сергей Павлович	1846–1912	Горный инженер (1903 г.). Металлург
5 поколение	Андрей Андреевич	1900–1980	Горный инженер (1922 г.). Гидрогеолог. К.т.н., доцент
	Максим Андреевич	1908–1993	Горный инженер (1932 г.). Инженер-радиотехник, геолог. К.т.н., доцент

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
2. Арефьев А.А., Арефьев М.А. Инженерно-техническое образование России в цифрах // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 122–131.
3. Заболоцкий Е.М. Горные династии и кланы: предварительные результаты изучения // Генеалогический вестник. Вып. 18. СПб., 2004. С. 37–42.
4. Мансуров В.А. Инженерные династии в России: проблемы формирования и функционирования / Мансуров В.А. [и др.] // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодёжи и управления [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.) / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 603–627.
5. Посухова О. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 21–27.
6. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженернаго искусства в России / [соч.] Ф. Ласковскаго, военнаго инженер-генерал-майора. СПб.: в Тип. Императорской акад. наук, 1858–1865. — 25 см. Ч. 1: Опыт изследования инженернаго дела в России до XVIII столетия. 1858. III. 315, [3] с.
7. Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137.
8. Михелькевич В.Н., Никифорова С.В. Компетентностная функционально ориентированная профессиональная подготовка инженеров в системе двухуровневого высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 9. С. 35–42.
9. Крыштановская О.О. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
10. Велихов Е.П. Промышленность, инновации, образование и наука в России / Е.П. Велихов, В.Б. Бетелин, А.Г. Кушниренко; НИИ системных исследований РАН. М.: Наука, 2009.
11. Бодрова Е.В. Научно-технический комплекс в позднесоветский период отечественной истории [Электронный ресурс]: URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Istoria/2_115956.doc.htm (дата обращения: 01.07.2018).
12. Инженерные династии России: Монография / Науч. ред. В.А. Мансуров. М.: РОС, 2017. 1 CD ROM.
13. Моисеев А.П. Немцы на южном Урале // Челябинск: Изд-во И. Розина, 2013 URL: http://itexts.net/avtor-aleksandr-pavlovich-moiseev/193740-nemcy-na-yuzhnom-urale-aleksandr-moiseev/read/page-1.html (дата обращения: 01.06.2018).
14. Колесникова Е.М. Инженерные династии: ресурс социальной мобильности и формирования группы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Н. Новгород: 2016. № 2. С. 104–110.
15. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ / Под ред. Л.И. Банниковой. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.
16. Карпинские. К 15-летию выхода в свет книги «История рода Карпинских». URL: http://karpinskie.ru/11.php (дата обращения: 01.06.2018).

ENGLISH

Russian Engineering Dynasties in the Light of Modernizational Changes

Valerii Andreevich Mansurov — Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, chief scientific officer, Head of Sociology of Professions and Professional Groups Sector, President of the Russian Sociological Society, supervisor of the project "Russian Engineering Dynasties" (15-03-00666a).
E-mail: mansurov@isras.ru

Elena Yur'evna Ivanova — Candidate of Economics, senior scientific officer of Sociology of Professions and Professional Groups Sector of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, researcher in the project mentioned above.
E-mail: ele6248@yandex.ru

The article describes causes and occasions of rise and functioning of Russian engineering dynasties. It emphasises necessity of interdisciplinary study of the dynasty as a social and cultural phenomenon with an intergenerational family resource, family-based professional strategy, informal methods and practices of parenting in an existing professional environment in conditions of altering economical, scientific, technical, social and cultural circumstances.

Study of a professional dynasty rise and dying enables division of significant formation stages and elucidates specific features of a Russian engineering dynasty functioning. Burning issues that should be resolved in the frame of modern modernization processes are mentioned. In particular, they represent low credibility and social status of engineership; absence of well-developed social and economical support of engineering development; lack of qualified engineers, on the one hand, and unpromising career of an engineer, on the other hand; non-consolidated engineering community. Authors propose several ways to improve efficiency of engineering community activity.

Keywords: professional dynasty, professional succession, engineer, intergenerational family resource, engineer career education, social status of an engineer, engineering dynasty state support

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1999 (in Russian).
2. Aref'ev A.A., Aref'ev M.A. Inzhenerno-tekhnicheskoe obrazovanie Rossii v tsifrakh // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 3. S. 122–131 (in Russian).
3. Zabolotskiy E.M. Gornye dinastii i klany: predvaritel'nye rezul'taty izucheniya// Genealogicheskiy vestnik. Vyp. 18. SPb., 2004. S. 37–42 (in Russian).
4. Mansurov V.A. Inzhenernye dinastii v Rossii: problemy formirovaniya i funktsionirovaniya / Mansurov V.A. [i dr.] // Aktual'nye problemy sotsiologii kul'tury, obrazovaniya, molodyozhi i upravleniya [Elektronnyy resurs]: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ekaterinburg, 24–25 fevralya 2016 g.) / Pod obshch. red. Yu.R. Vishnevskogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. S. 603–627 (in Russian).
5. Posukhova O. Professional'naya dinastiya kak rezul'tat semeynykh strategiy: inertsiya ili preemstvennost'? // Vlast'. 2013. № 12. S. 21–27 (in Russian).

6. Laskovskiy F.F. Materialy dlya istorii inzhenernago iskusstva v Rossii / [soch.] F. Laskovskago, voennago inzhener-general-mayora. SPb.: v Tip. Imperatorskoy akad. nauk, 1858–1865. — 25 sm. Ch. 1: Opyt izsledovaniya inzhenernago dela v Rossii do XVIII stoletiya. 1858. III. 315, [3] s. (in Russian).
7. Saprykin D.L. Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontseptsiya, perspektivy // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 1. S. 125–137 (in Russian).
8. Mikhel'kevich V.N., Nikiforova S.V. Kompetentnostnaya funktsional'no orientirovannaya professional'naya podgotovka inzhenerov v sisteme dvukhurovnevogo vysshego obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2014. № 9. S. 35–42 (in Russian).
9. Kryshtanovskaya O.O. Inzhenery. Stanovlenie i razvitie professional'noy gruppy. M.: Nauka, 1989 (in Russian).
10. Velikhov E.P. Promyshlennost', innovatsii, obrazovanie i nauka v Rossii/ E.P. Velikhov, V.B. Betelin, A.G. Kushnirenko; NII sistemnykh issledovaniy RAN. M.: Nauka, 2009 (in Russian).
11. Bodrova E.V. Nauchno-tekhnicheskiy kompleks v pozdnesovetskiy period otechestvennoy istorii [Elektronnyy resurs]: URL:http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Istoria/2_115956.doc.htm (data obrashcheniya: 01.07.2018) (in Russian).
12. Inzhenernye dinastii Rossii: Monografiya / Nauch. red. V.A. Mansurov. M.: ROS, 2017. 1 CDROM (in Russian).
13. Moiseev A.P. Nemtsy na yuzhnom Urale// Chelyabinsk: Izd-vo I. Rozina, 2013 URL: http://itexts.net/avtor-aleksandr-pavlovich-moiseev/193740-nemcy-na-yuzhnom-urale-aleksandr-moiseev/read/page-1.html (data obrashcheniya: 01.06.2018) (in Russian).
14. Kolesnikova E.M. Inzhenernye dinastii: resurs sotsial'noy mobil'nosti i formirovaniya gruppy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nye nauki». N. Novgorod: 2016. № 2. C. 104–110 (in Russian).
15. Formirovanie inzhenernoy elity industrial'nogo regiona: sotsiologicheskiy analiz/ Pod red. L.I. Bannikovoy. Yu.R. Vishnevskogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013 (in Russian).
16. Karpinskie. K 15-letiyu vykhoda v svet knigi «Istoriya roda Karpinskikh». URL:http://karpinskie.ru/11.php(data obrashcheniya: 01.06.2018) (in Russian).

УДК 340.11; 340.12
ГРНТИ 10.11
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-76-87

С.Н. КАСАТКИН*

Методология анализа юридического языка в работах Герберта Харта 1949–1961 годов

Статья содержит обзор результатов исследовательского проекта по проблемно-исторической и теоретической реконструкции генезиса и развития методологии анализа юридического языка, предложенной выдающимся британским правоведом Гербертом Хартом.

В первой части рассматриваются философские основы методологической концепции Харта 1949–1961 гг., отстаивается вывод об определяющей роли аналитической лингвистической философии в её формировании. Утверждается ключевое влияние на Харта Дж.Л. Остина, опосредующее второе по значимости влияние Л. Витгенштейна. Отмечается широта источников концепции «открытой текстуры» Харта, не сводимой к взглядам Ф. Вайсмана.

Вторая часть посвящена концепции аскриптивизма и отменяемости Харта 1949 г. В числе её противоречий указываются синкретизм смыслов отменяемости и аскриптивности социальных понятий, жёсткая связь понятий действия с вменением ответственности. Подчеркивается ценность данной концепции для формирования правоведческой методологии Харта.

В третьей части исследуется проект аналитической юриспруденции Харта 1950-х гг. как философского объяснения базовых правовых понятий, связанный с идеями «аномальности» юридического языка и соответствующим методом «философского определения». Последний трактуется как центральный и образцовый для используемых Хартом техник понятийного анализа (при проблематизации связи семантики и прагматики). Рассматриваются споры Харта с Дж. Коэном, Э. Боденхаймером и Л. Фуллером о состоятельности аналитической юриспруденции, фиксируется значимость аргументов сторон и последующее преобразование концепции Харта в сторону традиционного правоведения.

В четвёртой части анализируется методология трактата 1961 г. как исследования по аналитической юриспруденции и дескриптивной социологии. Проводимый Хартом анализ понятия права (связанный с таксономизацией центральных и пограничных случаев его употребления) трактуется как пример применения сформированных ранее техник анализа многозначных, открытых и сложносоставных понятий. Отмечаются достоинства и недостатки подхода Харта, обосновывается тезис об отсутствии необходимой связи его философской методологии и позитивистского правопонимания.

* **Касаткин Сергей Николаевич** — кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, руководитель проекта «Методология анализа юридического языка в работах Герберта Харта: от доктрины аскриптивизма и отменяемости правовых понятий к проекту аналитической юриспруденции» (16-03-00804а).
E-mail: kasatka_s@bk.ru

Ключевые слова: Г.Л.А. Харт, методология юриспруденции, аналитическая юриспруденция, юридический язык, правовые понятия, аскриптивность, понятие права, аналитическая философия права, аналитическая лингвистическая философия, юридический позитивизм

Герберт Лайонел Адольф Харт (1907–1992) — профессор Оксфордского университета, член оксфордской «школы» анализа обыденного языка, один из наиболее значимых философов права XX в. и представителей юридического позитивизма (фото 1). Опираясь на разработанную им методологию философско-лингвистического анализа, Харт переосмысливает многие базовые правоведческие понятия, создавая основу для последующего преобразования языка и проблематики современной западной юриспруденции. Настоящее исследование предлагает проблемно-историческую и теоретическую реконструкцию генезиса и развития методологии британского мыслителя, а также оценку её теоретического и практического потенциала. Учитывая крайне редкие аналоги в западной и отечественной литературе, такая реконструкция обеспечивает более полный и взвешенный взгляд на правовую концепцию Харта, увязывая её с ключевыми идеями аналитической лингвистической философии, а также формируя более широкий горизонт для её критики и использования.

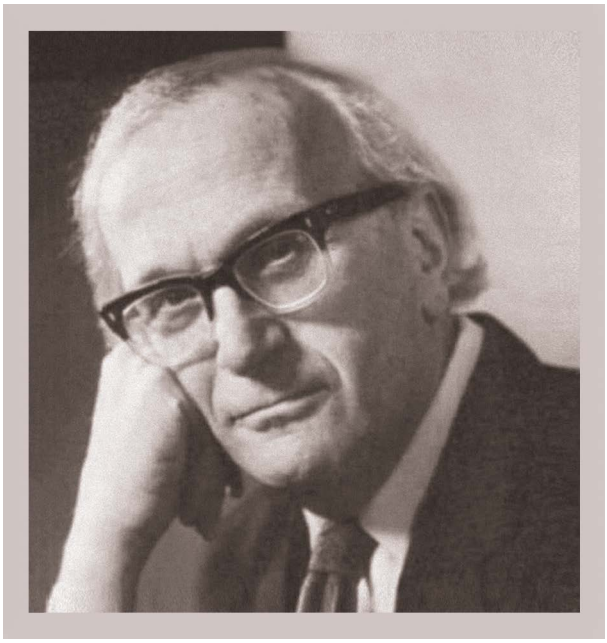


Фото 1. Герберт Лайонел Адольф Харт

Философские основы методологии Г. Харта

Методологическая и правоведческая концепция британского мыслителя является синтезом различных философских и юридических идей при определяющей роли в её формировании лингвистической философии, прежде всего оксфордской «школы» анализа обыденного языка. Будучи её активным представителем, Харт первым в англо-американской традиции осуществил систематическое применение данных идей к праву и правовой теории [1, p. 156 ff; 2, p. 6; 3, p. 73 ff; 4; 5; 6, p. 273 ff.].

В числе ключевых элементов его концепции, связанных с философией лингвистического анализа, можно назвать:

- критику доктрин дескриптивизма (описательной модели языка) и логицизма (универсалистских притязаний логики, модели «закрытых» определений);
- исследование правовых (и в целом «социальных») понятий, основанное на особом внимании к языку, их содержательную реконструкцию на базе анализа оснований и особенностей словоупотребления («лингвистическая феноменология»);
- метод выявления речевых функций правовых утверждений, дифференциацию их «внутренних» и «внешних» типов, а также «внутренней» и «внешней» точек зрения;
- метод «философского определения» правовых понятий, сочетающий семантические и прагматические аспекты дискурса;

- проект аналитической юриспруденции как философского определения базовых правовых понятий, как общей, описательной, ценностно-нейтральной теории права;
- систему методов и приёмов работы с неопределённостью, многозначностью, сложной структурой правовых понятий;
- критику логико-дедуктивной модели юридического рассуждения (обоснование открытости/неопределённости в судебном решении, наличие здесь усмотрения, логически «неисчерпывающих» аргументов) и др. [7].

Ключевым философом-аналитиком для Харта является его коллега по Оксфорду Дж.Л.Остин, который не только обеспечил восприятие Хартом идей и техник философского анализа языка, но и оказал на него большое личное и институциональное влияние [1, p. 133 ff.; 2, p. 6, etc.; 5; 6, p. 273; 7]. Развивая идеи Остина (его теорию значения, речевых функций и пр.), Харт предлагает собственный метод определения правовых понятий (как основу аналитической юриспруденции), объединяющий их семантику и прагматику. Вместе с тем начиная со второй половины 1950-х гг. можно говорить о постепенном отходе Харта от типичного для Остина «микроанализа» к более широким философско-правовым обобщениям.

Вторым философом-аналитиком для Харта стал «поздний» Л.Витгенштейн, влияние которого — опосредованное учением и методической практикой Остина и др. — трудно чётко эксплицировать. Ключевыми здесь можно считать предложенную Витгенштейном фундаментальную теорию языка, его концепцию правил, а также конкретные приёмы анализа (метод «языковых игр» и пр.) [1, p. 140 etc.; 2, p. 42; 8; 9; 7]. Вопреки позициям в литературе [10; 11], проблемной представляется традиционная оценка того влияния, которое на Харта оказал Ф.Вайсман (эта оценка утверждает рецепцию Хартом доктрины «открытой текстуры» в трактате 1961 г.). Вместе с тем соответствующие идеи Харта имеют, с одной стороны, свою специфику, с другой — более раннюю датировку и различные исторические формы, выступая частью его обобщающих рассуждений о языке, значении понятий/терминов, их открытости, неопределённости, о методологии их объяснения и т.п., базирующихся на различных источниках (включая взгляды Остина и Витгенштейна). Отсюда следует, что концепция Вайсмана — лишь элемент общего «пула» лингво-аналитических идей, используемых Хартом в построении собственного учения о праве [12].

Концепция аскриптивизма и отменяемости «социальных» понятий

В исследовании предлагается оригинальное ви́дение концепции Г.Харта 1949 г., отличное от его зарубежных и отечественных истолкований [13; 14; 15, p. 3 ff.; 16, c. 106]. Её значимость связывается с применением к праву инструментария лингвистической философии, с развитием на этой основе самобытной философии права. Речь идёт об идеях специфичности юридического дискурса, аскриптивности и отменяемости правовых понятий, неприменимости к ним традиционной логико-дескриптивной модели и метода определения. По Харту, у большинства правовых понятий нет прямого фактуального референта (он задан через социальные правила, институциональные и языковые практики), а содержащие их предложения/утверждения («Это — ваше» или «Он сделал это») функционируют в речи не как описания, а как приписывания, аскрипции: вменения прав, ответственности и пр. В очерке 1949 г. Харт разъясняет аскриптивность правовых понятий через их отменяемость, т.е. презюмируемую применимость и оспоримость, что обусловливает их «определение через исключения», а не посредством формулы всегда необходимых и достаточных условий применения. На этой основе понятие действия мыслится им как аскриптив-

ное («социальное») и отменяемое, а первичная функция предложений типа «Он сделал это» трактуется как аскриптивная и связывается с вменением ответственности [17].

Данные позиции Харта видятся противоречивыми, что обусловлено неразличением используемых смыслов/аспектов аскриптивности и отменяемости [7]. Речь идёт прежде всего о смешении вопросов семантики и прагматики: «употребления» как значения и как речевой функции. Утверждая «аскриптивность» правовых понятий, Харт (вопреки Дж.Л.Остину) смешивает различные аспекты неописательности: отсутствие эксклюзивных эмпирических референтов и специфическую речевую функцию (совершение отличных от констатации речевых действий). Сам текст 1949 г. содержит примеры описательного употребления таких «неописательных» понятий (утверждение «Это — моё» как констатация факта), и наоборот. Это в свою очередь размывает особенности социальных понятий, указывая на более общие закономерности языка, и затрудняет отграничение юридического дискурса. Неясно, в чём заключается его специфика: в особой терминологии или в характерном способе употребления. Данное противоречие сохранится в методе определения 1950-х гг., но в итоге признаётся ошибочным самим автором [18, p. 2, 4–5].

Нечёткость присуща и авторской идее отменяемости. Как представляется, на базе текста 1949 г. следует различать отменяемость как презюмируемую применимость понятий и как их определимость через исключения, а равно эксплицировать оппозицию положительных и отрицательных условий применения правовых понятий, их взаимную несводимость и асимметрию. В частности, здесь можно выделить логико-процессуальный и фактуально-реляционный аспекты отменяемости. Если первый связан с абстрактной структурой юридического рассуждения (особым статусом «исключений»), то второй указывает на несводимость оснований употребления правовых понятий к описанию эмпирических фактов. Последний аспект для концепции 1949 г. представляется ключевым как аргумент в пользу аскриптивности (притом что идея отменяемости полагается независимой от идеи аскриптивности и факультативной для её обоснования, что видно из последующих работ Харта).

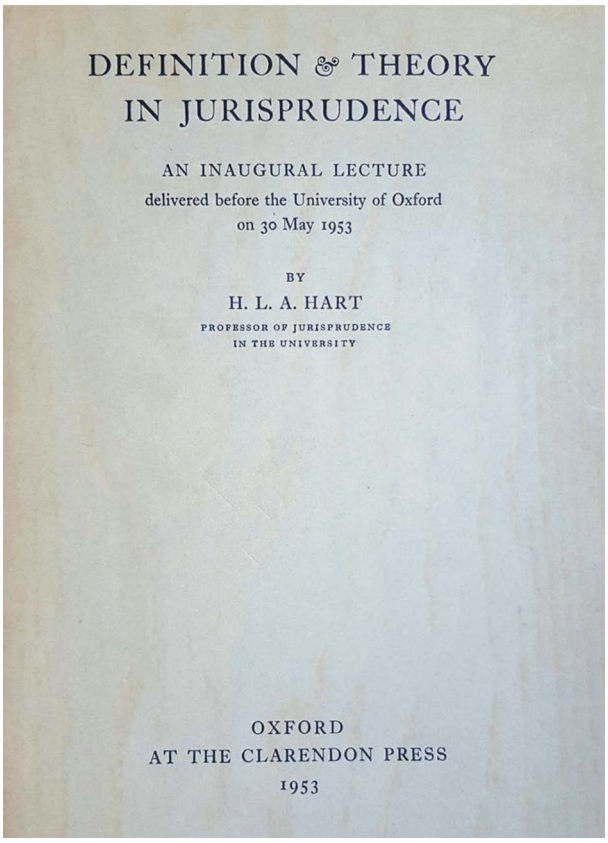
Наконец, ещё одним (более известным) противоречием доктрины аскриптивизма является «жёсткая» связь употребления глаголов действия с приписыванием «негативной» ответственности (породившем критику и упоминавшемся как причина отказа автора от взглядов 1949 г.). Вопреки ряду пропонентов Харта [14–16] такая доктрина видится дефектной. Так, текст 1949 г. содержит примеры иного употребления понятия действия, а его трактовка как приписывания ответственности не вытекает из общей доктрины аскриптивности Харта: скорее, для неё подходит тезис о вменении действия лицам/ситуациям на основе наблюдаемых фактов или же о приписывании ответственности как субъектности/авторства [19, с. 402].

Так или иначе, данное противоречие не способно дезавуировать ценность общей доктрины аскриптивизма и отменяемости 1949 г. Более того, воспроизводство её базовых позиций в последующих работах Харта подтверждает тезис о частичном и прагматически мотивированном характере отказа автора от идей 1949 г. (отказ от связи «действия» с вменением ответственности) [20, p. v; 6, p. 276]. Это же касается и ценности методологии анализа правовых понятий 1949 г., элементами которой являются: 1) апелляция к основаниям словоупотребления; 2) объединение семантики и прагматики; 3) фиксация сложности и открытости словоупотребления. Данные элементы сохраняются в работах Харта 1950-х гг. и далее, что говорит о фундаментальной преемственности авторской методологии [7].

Аналитическая юриспруденция и правоведческое определение

В исследовании реконструируется (имплицитная) трактовка Г.Хартом юридического языка, систематизируются его «аномалии»: нефактуальность, нормативность, «аскриптивность», открытость и пр. Вопреки оценкам в литературе [16, с. 119] обосновывается ограничительное толкование соответствующих позиций философа: Харт не предлагает чётких критериев спецификации юридического языка [21, p. 8], но стремится показать его черты, не учтённые в современной ему мысли. Концепция юридического дискурса Харта — это, с одной стороны, элемент общефилософской критики и переосмысления методов анализа языка на примере частной речевой системы, с другой — реформа правоведческой методологии на базе обновлённой философии языка [22].

Последнее реализуется в авторском варианте аналитической юриспруденции 1950-х гг., создаваемой как частная философская дисциплина, сопряжённая (в традициях Бентама, Остина, Кельзена, Хофельда и др.) с объяснением базовых правовых понятий/терминов в контексте лингвистической философии. По Харту, прежняя юриспруденция построена на дефектной логико-описательной модели языка и соответствующем методе определения, неадекватных специфике юридического дискурса [23–25]. Вместо поиска универсальных фактуальных референтов правовых понятий (Бентам, Остин) или создания универсального логизированного языка их концептуализации (Кельзен) Харт связывает свой подход с рефлексией и систематизацией (разнородных, но взаимосвязанных) оснований употребления юридических терминов в правовой системе с их особой речевой функцией. Тем самым вместо реформы наличного словоупотребления Харт предлагает теорию, которая отталкивается от имеющихся речевых практик, нацелена на охват их множественности, разнородности, неопределённости


DEFINITION & THEORY IN JURISPRUDENCE

AN INAUGURAL LECTURE
delivered before the University of Oxford
on 30 May 1953

BY
H. L. A. HART
PROFESSOR OF JURISPRUDENCE
IN THE UNIVERSITY

OXFORD
AT THE CLARENDON PRESS
1953

Фото 2. Издание инаугурационной лекции Г.Л.А. Харта «Определение и теория в юриспруденции» (1953)

и т.п., на экспликацию имеющихся здесь смысловых структур, на их восприятие как точки отсчёта теоретических утверждений (фото 2). Это позволяет философу предложить альтернативную и более продвинутую версию аналитической юриспруденции [7].

В работах 1950-х гг. Харт использует различные техники объяснения правовых понятий, центральным из которых выступает метод «философского определения» или «объясняющего прояснения» (альтернатива традиционной дефиниции *per genus et differentiam*). Метод Харта 1953 г. подразумевает следующее:

1) разъясняемый термин рассматривается в составе целостных предложений/высказываний, образующих характерные случаи его употребления в правовой системе;
2) на базе и в контексте этих предложений/высказываний данный термин объясняется посредством:

- установления условий «истинности»/уместности подобных высказываний;
- определения их речевой функции, того, как эти высказывания (и соответствующий словарь) используются при формулировании юридического вывода на основании правил в конкретном случае [26].

Как представляется, метод 1953 г. выступает общим для работ Харта образцом «философского определения», по отношению к которому иные приёмы действуют как частные элементы. Следует подчеркнуть идейное единство и бóльший универсализм данного метода по сравнению как с техникой 1949 г. (анализом типичных случаев употребления понятий в сочетании с признанием их отменяемости и неопределённости), так и — в некотором смысле — с подходом 1961 г. (построением таксономии употребления понятия, выявлением его ясных и пограничных случаев, анализом их структуры и взаимосвязей). При этом проблемным в оценке метода 1953 г. видится вопрос о необходимости анализа речевой функции в любой «дефиниции» правовых понятий. Это связано, с одной стороны, с обособлением анализа семантики и прагматики в дальнейшем творчестве Харта, с другой — с широким использованием им оппозиции «внешних» и «внутренних» утверждений как продолжения более раннего деления описаний и аскрипций [27].

Концепция Г.Харта получает развитие в его полемике с Дж.Коэном и Э.Боденхаймером о состоятельности аналитической юриспруденции [28, 24, 29, 25]. Отметим важность доводов обоих правоведов. Так, с одной стороны, можно признать правоту Коэна и Боденхаймера (при недопонимании ими лингво-аналитического характера метода оппонента) в фиксации ограниченности подхода Харта для решения традиционных «технических» задач юриспруденции (объяснения проблем правовой неопределённости и многозначности, предоставления доктринального обоснования юридических решений). С другой стороны, Харт вполне убедителен в обозначении своего предмета, эксклюзивности и значимости философской ценностно-нейтральной методологии объяснения правовых понятий (связи их значения с нормами и фактами, их функции в речевой практике и пр.), её комплементарности нормативным, ценностно-ангажированным и т.п. правовым доктринам [30].

Схожим образом можно трактовать и полемику Харта с Л.Фуллером [31, 32], где последний фиксирует узость подхода Харта применительно к ценностной квалификации нормативных систем и установлению обязанности следования юридическим правилам (особенно в отношении порочных режимов и аморальных предписаний). В связи с оценкой спора представляется значимым ряд моментов. Во-первых, именно в споре с Фуллером концепция Харта предстаёт подчёркнуто позитивистской. До этого подобная связка не обсуждается автором и присутствует в его суждениях скорее имплицитно (например, в истолковании юридического языка как связанного с официальными правилами и процедурами). Во-вторых, в данном споре Харт предлагает ценностное обоснование своей ценностно-нейтральной философии права, что отличается от предшествующих и последующих вариантов его аргументации. Хотя подобное обоснование в целом расходится с практикой обсуждений в принимаемой автором лингво-аналитической философии, вполне приемлемыми здесь видятся параллели его доводов с принципом «ясности» Витгенштейна и «чистоты метода» Дж.Л.Остина. В-третьих, поскольку выбор в пользу той или иной правовой доктрины связан с общей ценностной позицией (оценкой значимости решаемых задач: познавательных, практических и т.п.), доводы Фуллера, центрирующие лишь проблемы «верности праву», видятся недостаточными для отрицания важности аналитического подхода Харта.

Фиксируемый итог рассмотренных полемик — трансформация учения Харта

в сторону более традиционной правоведческой проблематики и её надлежащего методологического оснащения (что очевидно на примере развития авторской доктрины неопределённости в праве и концептуализации понятия права) [7].

Методология объяснения понятия права

В исследовании подчёркивается исходный статус «Понятия права» (1961) [33] как учебного издания [3, p. 71], что проявляется в его объёме, структуре, стиле, ряде содержательных элементов (анализ Дж.Остина), краткости иложения методологических вопросов. Отмечается, что замысел трактата (отражённый и в его структуре) состоял в отказе от поиска «закрытых» определений права и в объяснении понятия права через идентификацию основных элементов его центрального случая, на базе чего возможен нетенденциозный разбор связей права и морали, а также пограничных случаев (международного права) [1, p. 222–223; 34, p. 1–31]. Базовые черты методологии трактата фиксируются в его декларируемом статусе очерка по аналитической юриспруденции и дескриптивной социологии. При этом «аналитичность», по сути, выступает как синтез правоведческой и философской (лингво-аналитической) традиций, а «дескриптивная социология», вопреки оценкам в западной литературе [35, 36], — как авторский аналог доктрины «лингвистической феноменологии» Дж.Л.Остина («понимания реалий через понимание слов»). В числе параметров подхода 1961 г. можно также назвать его антиредукционизм, «герменевтичность», «перспективу хорошего человека», методологию «внешней» точки зрения, юспозитивизм. Кроме того, (вслед за «Постскриптумом» [33, p. 239–240]) концепцию 1961 г. можно оценить как пример общей, морально-нейтральной и описательной правовой теории. В такой перспективе «Понятие права» (фото 3) выступает результатом преемственного развития лингво-аналитической методологии Харта, использующим понятия, аргументы и техники его более ранних работ [7].

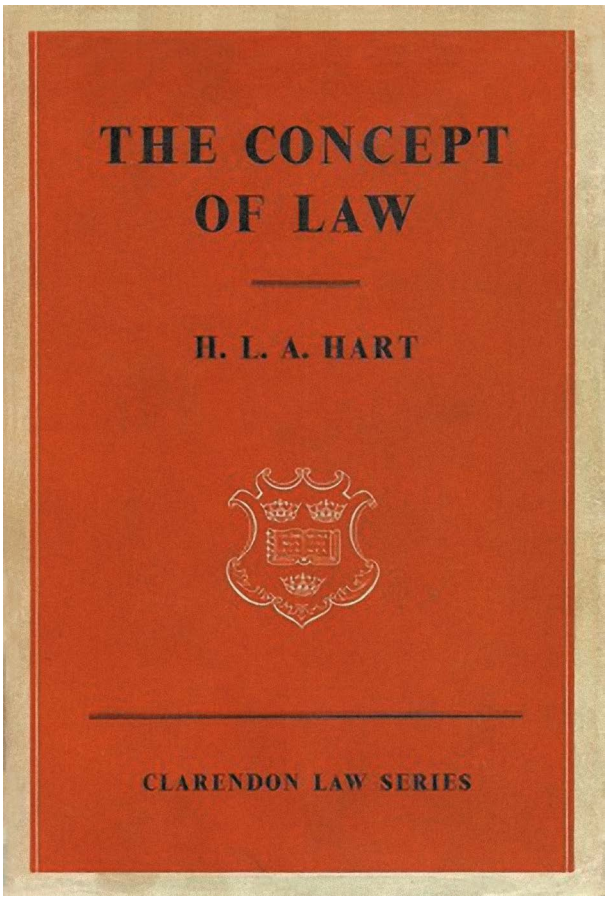


Фото 2. Первое издание «Понятия права» Г.Л.А. Харта (1961)

Применительно к методологическому подходу 1961 г. можно выделить следующие его элементы:

- отказ от «закрытых» и «фронтальных» дефиниций права и формирование таксономии стандартных и пограничных случаев его употребления (нетождественный употреблению слова «право»);
- изучение стандартного случая с анализом его базовых элементов, порождающих регулярные концептуальные затруднения;
- рассмотрение пограничных форм и их отношений с центральным случаем.

Метод 1961 г. следует в русле ранее используемых Хартом техник анализа многозначных, открытых или сложносоставных понятий, реализуя многие постулаты философии языка. При этом метод 1961 г.

отличается бóльшими фундаментальностью, охватом, детальностью, предметной ориентированностью, выступает не определением (в духе метода 1953 г.), а теоретическим обобщением более частных случаев такого анализа. Он также включает разделение «внешних» и «внутренних» утверждений, не воспроизводя при этом «ошибку» 1949–1953 гг.: смешение значения и речевой функции. В качестве достоинств метода 1961 г. можно назвать его философскую продвинутость, гибкость, охват различных социолингвистических позиций, комплементарность и пр., в качестве ограничений — обособленность от юридической догмы и практики, неэмпиричность, малопригодность для решения ценностных и нормативных проблем, неучёт современной проблематики юриспруденции и т.д. [7, 37].

Общая историческая и теоретическая значимость подхода 1961 г. связана с новым эксклюзивным инструментарием, способным устранить концептуальные заблуждения, обусловленные «непониманием» языка. К философским затруднениям данного подхода относятся непрояснённость критериев истинности теории и возможностей языка по обеспечению доступа к онтологии права (девальвирующие ценность метода Харта), необоснованность претензий на универсализм, неясность дифференциации стандартных и пограничных случаев (что ставит под вопрос «герменевтичность» авторского подхода). При этом, как представляется, отсутствует необходимая связь вводимого Хартом позитивистского понимания права и его базовой философско-аналитической методологии. Основываясь на рефлексии языковых практик и интуиций, такая методология зависит от «исходных данных» — социального контекста, масштаба обобщения, параметров оценки и пр.: очевидно, что в отличном социолингвистическом контексте результатом применения методологии Харта может стать непозитивистская трактовка права в целом или его «центрального случая» [7, 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Lacey N. A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and The Noble Dream. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004.
2. MacCormick N. H.L.A. Hart. 2nd ed. Stanford, Ca.: Stanford University Press, 2008.
3. Simpson B.A.W. Reflections on The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press. 2011.
4. Chiassoni P. The Model of Ordinary Analysis // Reading H.L.A Hart's The Concept of Law / L.D. D'Almeida, J.Edwards, A.Dolcetti eds. Oxford, Portland, Or.: Hart Publishing, 2013. P. 444–482.
5. Cole T. Doing Jurisprudence Historically: Interpreting Hart Through J.L.Austin. Warwick School of Law, Research Paper № 2010/28 (http://papers.ssrn.com/sol3/papers. cfm?abstract_id=1715178). Дата обращения: 15.10.2014.
6. Sugarman D.Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32. № 2. P. 267–293.
7. Касаткин С.Н. Методология анализа юридического языка в работах Герберта Харта: от доктрины аскриптивизма к проекту аналитической юриспруденции. Самара: Самар. гуманит. акад., 2017.
8. Gardner J. Lacey N. A Life of H.L.A. Hart [Review of the Book: Lacey N. A Life of H.L.A. Hart: the Nightmare and The Noble Dream, 2004] // Law Quarterly Review. 2005. Vol. 121. P. 329–333.
9. Lefebvre A. Law and the Ordinary: Hart, Wittgenstein, Jurisprudence // Telos. 2011. № 154. P. 99–118.
10. Bix B. H.L.A. Hart and the «Open Texture» of Language // Law and Philosophy. 1991. № 1. P. 51–72.

11. Bunikowski D. The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge // Rechtstheorie. 2016. Vol. 47. № 1. P. 1–24.
12. Касаткин С.Н. Концепция «открытой текстуры» в философии и юриспруденции: Вайсман и Харт // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2017. № 1–2. С. 3–9.
13. Baker G.P. Defeasibility and Meaning // Law, Morality and Society. Essays in Honour of H.L.A. Hart / *P.M.S. Hacker,* J. Raz (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 26–57.
14. Loui R.P. Hart's Critics on Defeasible Concepts and Ascriptivism // Proceedings of the 5th International Conference on Artificial Intelligence and Law. New York: ACM, 1995. P. 21–30.
15. D'Almeida L.D. Allowing for Exceptions: A Theory of Defences and Defeasibility in Law. Oxford: Oxford University Press, 2015.
16. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
17. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. P. 171–194.
18. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983.
19. Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический и межотраслевой аспекты: Монография / Под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017.
20. Hart H.L.A. Punishment and Responsibility. Essays in the Philosophy of Law. Oxford: Clarendon Press, 1968.
21. Bodig M. Hart's Jurisprudence: Its Relation to Philosophy // Acta Juridica Hungarica. 2001. Vol. 42. № 1–2. P. 1–23.
22. Касаткин С.Н. Концепция юридического языка Герберта Харта: опыт реконструкции // Философия права. 2016. № 5. P. 77–83.
23. Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952) // American Journal of Comparative Law. 1953. Vol. 2. № 3. P. 355–364.
24. Hart H.L.A. Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Suppl. Vol. 29. P. 239–264.
25. Hart H.L.A. Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // University of Pennsylvania Law Review. 1956–1957. Vol. 105. P. 953–975.
26. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1953.
27. Касаткин С.Н. Определение в аналитической юриспруденции Г. Харта 1950-х гг.: философские и правоведческие аспекты // Проблемы методологии и философии права: Сборник статей участников III Международного круглого стола. Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. С. 99–112.
28. Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence // The Aristotelian Society. 1955. Suppl. Vol. 29. P. 213–238.
29. Bodenheimer E. Modern Analytical Jurisprudence and the Limits of Its Usefulness // University of Pennsylvania Law Review. 1956. Vol. 104. P. 1080–1086.
30. Касаткин С.Н. Судебное решение в спорных случаях: методология объяснения неопределённости в аналитической юриспруденции Г. Харта // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 162–170.
31. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 593–629.
32. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. Vol. 71. № 4. P. 630–672.
33. Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. with Hart's Postscript / P.A. Bulloch, J. Raz eds. Oxford: Clarendon Press, 1994.
34. Kramer M.H. H.L.A. Hart: The Nature of Law. Madford, Ma.: Polity, 2018.
35. Lacey N. Analytical Jurisprudence versus Descriptive Sociology Revisited // Texas Law Review. 2006. Vol. 84. № 4. P. 945–982.

36. Green L. Introduction // Hart H.L.A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 2012. 390 p. P. XV–LXII.
37. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 43–71.

ENGLISH

Methodology of Legal Language Analysis in Herbert Hart's Works (1949–1961)

Sergei Nikolaevich Kasatkin — Candidate of Law, Professor of State and Law Theory and History Department of the Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, supervisor of the project "Methodology of Legal Language Analysis in Herbert Hart's Works: a Way from the Ascriptivism Doctrine and Withdrawal Ability of Legal Concepts to Analytical Law Project" (16-03-00804a).
E-mail: kasatka_s@bk.ru

The article includes a review of the research of a problematic historical and theoretical reconstruction of genesis and development of legal language analysis methodology proposed by Herbert Hart, a notable British legal expert.

In the first part the author describes the philosophical basis of the Hart's methodological concept (1949-1961) and defends a conclusion that analytical linguistic philosophy played a key part in its formation. The author affirms J.L. Austin's key impact and intermediating secondary L. Wittgenstein's influence on Hart. He mentions broad sources of Hart's "open texture" concept that cannot be boiled down to F. Waismann's views.

The second part is focused on Hart's ascriptivism and withdrawal ability concept (1949). Its contradictions include syncretism of withdrawal ability senses and social concept ascriptivity, as well as a rigid link between "action" and "responsibility" concepts. The paper emphasises value of the concept for formation of Hart's legal methodology concept.

The third part represents a study of Hart's analytical law project (1950s) considered as a philosophical explanation of basic legal concepts related to "abnormal" legal language idea and appropriate method of "philosophical determination". The latter is interpreted as a central exemplary method for Hart's techniques of conceptual analysis in view of problematization of semantics-pragmatics relationship. The author reviews Hart's discussions with J. Cohen, E. Bodenheimer and L. Fuller about analytical law consistency, records significance of their arguments and notes further transformation of the Hart's concept into conventional legal science.

The fourth part presents analysis of the treatise (1961) methodology as an analytical law and descriptive sociology research. Hart's analysis of a law concept related to taxonomisation of central and borderline cases of its use is interpreted as an example of application of previously formed techniques intended for analysis of multivalent, open and compound concepts. The author mentions merits and demerits of Hart's approach. At the same time, he proves a thesis concerning lack of necessary relationship between philosopher's methodology and positivistic legal consciousness.

Keywords: H.L.A. Hart, law methodology, analytical law, legal language, legal concepts, ascriptivity, law concept, analytical law philosophy, analytical linguistic philosophy, legal positivism

REFERENCES

1. Lacey N. A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and The Noble Dream. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004.
2. MacCormick N. H.L.A. Hart. 2nd ed. Stanford, Ca.: Stanford University Press, 2008.
3. Simpson B.A.W. Reflections on The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press. 2011.
4. Chiassoni P. The Model of Ordinary Analysis // Reading H.L.A Hart's The Concept of Law / L.D. D'Almeida, J. Edwards, A. Dolcetti eds. Oxford, Portland, Or.: Hart Publishing, 2013. P. 444–482.
5. Cole T. Doing Jurisprudence Historically: Interpreting Hart Through J.L. Austin. Warwick School of Law, Research Paper № 2010/28 (http://papers.ssrn.com/sol3/papers. cfm?abstract_id=1715178). Data obrashcheniya: 15.10.2014.
6. Sugarman D. Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32. № 2. P. 267–293.
7. Kasatkin S.N. Metodologiya analiza yuridicheskogo yazyka v rabotakh Gerberta Kharta: ot doktriny askriptivizma k proektu analiticheskoy yurisprudentsii. Samara: Samar. gumanit. akad., 2017 (in Russian).
8. Gardner J. Lacey N. A Life of H.L.A. Hart [Review of the Book: Lacey N. A Life of H.L.A. Hart: the Nightmare and The Noble Dream, 2004] // Law Quarterly Review. 2005. Vol. 121. P. 329–333.
9. Lefebvre A. Law and the Ordinary: Hart, Wittgenstein, Jurisprudence // Telos. 2011. № 154. P. 99–118.
10. Bix B. H.L.A. Hart and the «Open Texture» of Language // Law and Philosophy. 1991. № 1. P. 51–72.
11. Bunikowski D. The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge // Rechtstheorie. 2016. Vol. 47. № 1. P. 1–24.
12. Kasatkin S.N. Kontseptsiya «otkrytoy tekstury» v filosofii i yurisprudentsii: Vaysman i Khart // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». 2017. № 1–2. S. 3–9 (in Russian).
13. Baker G.P. Defeasibility and Meaning // Law, Morality and Society. Essays in Honour of H.L.A. Hart / P.M.S. Hacker, J. Raz (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 26–57.
14. Loui R.P. Hart's Critics on Defeasible Concepts and Ascriptivism // Proceedings of the 5th International Conference on Artificial Intelligence and Law. New York: ACM, 1995. P. 21–30.
15. D'Almeida L.D. Allowing for Exceptions: A Theory of Defences and Defeasibility in Law. Oxford: Oxford University Press, 2015.
16. Ogleznev V.V. G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012 (in Russian).
17. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. P. 171–194.
18. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983.
19. Yuridicheskaya otvetstvennost': filosofskiy, sotsiologicheskiy, psikhologicheskiy i mezhotraslevoy aspekty: Monografiya / Pod red. R.L. Khachaturova. M.: Yurlitinform, 2017 (in Russian).
20. Hart H.L.A. Punishment and Responsibility. Essays in the Philosophy of Law. Oxford: Clarendon Press, 1968.
21. Bodig M. Hart's Jurisprudence: Its Relation to Philosophy // Acta Juridica Hungarica. 2001. Vol. 42. № 1–2. P. 1–23.
22. Kasatkin S.N. Kontseptsiya yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta: opyt rekonstruktsii // Filosofiya prava. 2016. № 5. P. 77–83 (in Russian).
23. Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952) // American Journal of Comparative Law. 1953. Vol. 2. № 3. P. 355–364 .

24. Hart H.L.A. Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Suppl. Vol. 29. R. 239–264.
25. Hart H.L.A. Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // University of Pennsylvania Law Review. 1956–1957. Vol. 105. P. 953–975.
26. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1953.
27. Kasatkin S.N. Opredelenie v analiticheskoy yurisprudentsii G. Kharta 1950-kh gg.: filosofskie i pravovedcheskie aspekty // Problemy metodologii i filosofii prava: Sbornik statey uchastnikov III Mezhdunarodnogo kruglogo stola. Samara: Samar. gumanit. akad., 2016. S. 99–112 (in Russian).
28. Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence // The Aristotelian Society. 1955. Suppl. Vol. 29. R. 213–238.
29. Bodenheimer E. Modern Analytical Jurisprudence and the Limits of Its Usefulness // University of Pennsylvania Law Review. 1956. Vol. 104. P. 1080–1086.
30. Kasatkin S.N. Sudebnoe reshenie v spornykh sluchayakh: metodologiya ob"yasneniya neopredelyonnosti v analiticheskoy yurisprudentsii G. Kharta // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2017. № 1 (10). S. 162–170 (in Russian).
31. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 593–629.
32. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. Vol. 71. № 4. P. 630–672.
33. Hart H.L.A. The Concept of Law. 2nd ed. with Hart's Postscript / P.A. Bulloch, J. Raz eds. Oxford: Clarendon Press, 1994.
34. Kramer M.H. H.L.A. Hart: The Nature of Law. Madford, Ma.: Polity, 2018.
35. Lacey N. Analytical Jurisprudence versus Descriptive Sociology Revisited // Texas Law Review. 2006. Vol. 84. № 4. P. 945–982.
36. Green L. Introduction // Hart H.L.A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 2012. 390 p. P. XV–LXII.
37. Kasatkin S.N. Ob"yasnenie pravovykh ponyatiy v analiticheskoy yurisprudentsii G. Kharta: metodologiya i problematizatsiya // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. 2018. T. 13. № 1. S. 43–71 (in Russian).

УДК 342.511, 342.61
ГРНТИ 11.15.27
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-88-99

Н.А. БОРИСОВ*

Институт президентства в постсоветских государствах: методика анализа, факторы формирования и трансформации моделей

За время существования на постсоветском пространстве независимых государств в них в силу разных причин сложились разные модели президенциализма, которые влияют на траектории режимных трансформаций. При этом, несмотря на ряд государственных переворотов, смену власти и обновление политических элит, каждая из моделей оказалась чрезвычайно устойчивой и продемонстрировала тенденции к воспроизводству, т.е. институционализации, которая нуждается в объяснении и концептуализации.

Новизна исследования заключается, во-первых, в отнесении института президентства на постсоветском пространстве применительно к отдельной стране или группе государств к той или иной модели президенциализма и их сравнительном анализе в контексте прогнозирования перспектив стабильности политических режимов; во-вторых, в разработке комплексной методики анализа постсоветского президенциализма, основанной на изучении формальных и неформальных практик функционирования института президентства; в-третьих, в подходе к моделям президенциализма как к паттернам, устойчивым и воспроизводящимся даже после смены президентской власти и так называемых революций.

На основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, которые заключаются в выделении моделей института президентства на постсоветском пространстве; проанализированы генезис и трансформация моделей института президентства в постсоветских государствах.

Разработана комплексная методика анализа постсоветского института президентства, основанная на изучении формальных и неформальных практик его функционирования, позволяющая исследовать модели института президентства в динамике. Прослежены индексы конкурентности и индекс институционализации института президентства, использованные для анализа института президентства в постсоветских государствах. Выявлены устойчивые и воспроизводящиеся модели института президентства в постсоветских государствах; обоснована взаимосвязь между функционированием института президентства и типами партийных систем в постсоветских государствах.

Ключевые слова: президенциализм, постсоветское пространство, политический режим, трансформация, государственность, политическая стабильность

* **Борисов Николай Александрович** — доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, руководитель проекта «Институт президентства в постсоветских государствах: методика анализа, факторы формирования и трансформации моделей» (18-111-00110а).
E-mail: nborisov@rggu.ru

Обозначившиеся в последнее десятилетие распад постсоветского пространства и дальнейшая дивергенция постсоветских политических режимов (даже в пределах групп географически близких государств), а также ряд произошедших государственных переворотов актуализировали проблему объяснения разных политических векторов постсоветского пространства.

Представляется, что анализ постсоветских политических трансформаций как успешной или безуспешной демократизации является непродуктивным и приводит к неверным исследовательским выводам. В связи с этим формируются понимание нелинейности трансформационных процессов на постсоветском пространстве и концепция режимных циклов [1, 2]. Справедливо и то, что конкуренция в постсоветских государствах определяется не столько степенью развития гражданского общества и демократических институтов, сколько возможностью инкумбентов[1] контролировать выборы, средства массовой информации и применять силовые стратегии по отношению к оппозиции.

В связи с этим появляется задача исследовать и классифицировать происходящие на постсоветском пространстве процессы не с точки зрения «демократизации» или «авторитаризации», а с позиций институционализации (аинституционализации), конкурентности (неконкурентности) и стабилизации (дестабилизации). Для этого необходимо исследовать проектирование основных политических институтов и влияние их констелляций на ход и результаты политических процессов на постсоветском пространстве. Основным вопросом при этом является проблема возможностей и пределов ограничения политической конкуренции в различных политических условиях, её причины и результаты.

Проявление политико-структурных контекстов, в которых действуют системы правления, во многих случаях зависит от институциональных рамок (таких как тип избирательной системы, синхронизация избирательных циклов, законы о политических партиях), а один из самых важных вопросов при изучении любой системы правления — это то, «как институты воздействуют на структуру стимулов, побуждающих людей действовать» [3, с. 26–27].

Одним из важнейших факторов, влияющих на политические процессы на постсоветском пространстве, является институт президентства. Это не только продукт, так и фактор институциональных трансформаций. Именно способы и уровень институционализации института президентства определяют уровень политической конкурентности, степень и способы консолидации того или иного режима, а также его политическую стабильность. За время существования на постсоветском пространстве независимых государств в них в силу разных причин сложились разные модели института президентства, многие из которых оказались чрезвычайно устойчивыми.

Исследование имело целью выявить модели института президентства на постсоветском пространстве, процессов их генезиса и трансформации на основе сравнительного метода.

Методика анализа

В исследовании использовалась методика индексного анализа форм правления [4], институционализации института президентства и конкурентности института президентства, на основе которых выявляются модели института президентства. Сравнительный анализ проводится по 12 случаям президентства во всех государствах, которые были союзными республиками в составе СССР (за исключением Латвии, Литвы и Эстонии). Сравнительный анализ проводился по следующим критериям:

[1] Инкумбент — соискатель выборной должности, который занимает её на момент выборов (*прим. ред.*).

- учреждение института президентства: индекс формы правления и конкурентности в первом электоральном цикле;
- конституционные модели института президентства: индексы формы правления во втором и последующих электоральных циклах;
- взаимоотношения президента, парламента и политических партий: роль президента в партийной системе, его партийность, тип взаимоотношений с парламентом;
- трансляция президентской власти: степень конкурентности, победа/поражение инкумбента, передача власти с использованием преимущественно формальных/неформальных правил.

В качестве основных понятий в исследовании использовались термины «индекс конкурентности института президентства» и «индекс институционализации института президентства». *Индекс конкурентности института президентства* (ИКП) свидетельствует о степени политического полицентризма. Этот индекс может измеряться по итогам не только отдельных выборов, но и представляться в виде агрегированного показателя, рассчитываемого как среднее значение нескольких индикаторов для всех всенародных выборов президента, кроме первых. Для измерения конкурентности отдельных выборов используются следующие индикаторы: победа / поражение инкумбента; наличие / отсутствие повторного голосования (второго тура выборов); количество кандидатов, внесённых в избирательный бюллетень, наличие случаев снятия зарегистрированных кандидатов с выборов (по решению суда, избирательной комиссии и других органов); результат, полученный победителем выборов, в процентах; значение разницы результатов, полученных победителем выборов, и кандидатом, занявшим второе место.

Для расчёта *индекса институционализации института президентства* использовались следующие критерии: количество случаев изменения конституции, затрагивающих изменения полномочий главы государства; наличие политических партий (партий) как институциональной основы президентской власти и взаимодействие президента с парламентом; членство президента в политической партии; статус президента как главы государства и (или) исполнительной власти; реализация президентского права роспуска парламента; осуществление процедуры принятия президентской власти; способ передачи президентской власти.

Каждый критерий был операционализирован с помощью количественных значений.

Формирование института президентства в постсоветских государствах: факторы и модели

По типу получения власти первыми президентами можно выделить три модели:

Модель А: президентом становится инкумбент;

Модель В: президентом становится один из лидеров оппозиции: либо внутриэлитной, либо представитель национально-демократического движения;

Модель С: отсутствие института президента как наименее неприемлемый результат конфликта национально-демократической оппозиции и партийной элиты, с одной стороны, и конфликта правительства и парламента — с другой.

В качестве формы правления в союзных республиках была избрана президентско-парламентская с различной степенью соотношения президентского и парламентского компонентов. Советское институциональное наследие в виде полновластного Верховного Совета с неограниченными полномочиями предопределило сохранение существенных полномочий парламента при формировании правительства. Этим же объясняется отсутствие на первом этапе «чистых» президентских форм правления.

Институт президентства пришёл в противоречие с моделью неограниченной

компетенции власти советов народных депутатов и идеей «возвращения» партийными органами власти советам, возникшей в ходе перестройки. Как известно, советская концепция конституционализма отвергала принцип разделения властей, противопоставляя ему принцип сосредоточения всей власти в Советах. С учреждением должности президента сформировалось фундаментальное противоречие компетенций президента и протопарламента, контролировавшего формирование правительства и всех других важнейших органов государственного управления. Это противоречие разрешалось либо в ходе открытого, более или менее острого конфликта президента и парламента, завершившегося досрочными выборами и (или) перераспределением полномочий в пользу президента (особенно если этот конфликт сопровождался личностным конфликтом президента и председателя Верховного Совета), либо путём подчинения парламента президенту уже на начальном этапе [5–7].

Выявляя модели президентства, сложившиеся в республиках на первом этапе, следует по критерию формы правления (ИФП) выделить республики с президенциализированной, парламентаризированной и сбалансированной формами правления, а по индексу конкурентности первых выборов в «нулевом» электоральном цикле ($ИК_{в0}$) — конкурентные и неконкурентные первые выборы президента.

Среди республик с президенциализированной формой правления оказались Армения (+2), Казахстан (+2), Россия (+3), Беларусь (+4), Таджикистан (+5), Узбекистан (+5), Туркменистан (+5), Грузия (+6); парламентаризированной — Молдова (–1), Украина (–3); сбалансированной — Азербайджан (0), Кыргызстан (0). Положительные значения ИФП указывают на тяготение системы к президентской форме (президенциализированные системы), а отрицательные — к парламентской форме (парламентаризированные системы).

Конкурентными были президентские выборы в России (индекс конкурентности — 0,85), Таджикистане (0,80), Беларуси (0,75), Украине (0,75), Армении (0,55); неконкурентными — в Азербайджане (0,05), Казахстане (0,05), Кыргызстане (0,15), Молдове (0,15), Туркменистане (0,15), Узбекистане (0,30) и Грузии (0,35).

Совмещая два критерия, получаем пять моделей президентства: конкурентная парламентаризированная (Украина); конкурентная президенциализированная (Армения, Россия, Беларусь, Таджикистан); неконкурентная парламентаризированная (Молдова); неконкурентная президенциализированная (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Грузия); неконкурентная сбалансированная (Азербайджан, Кыргызстан).

Удовлетворительное объяснение институционального выбора позднесоветских элит может дать анализ региональных, этнических и внутриэлитных расколов по состоянию на конец 1980-х гг. Самым существенным здесь является наличие (отсутствие) противостояния между 1-м секретарём ЦК Компартии и Председателем Верховного Совета (или Верховным Советом в целом); наличие территориальных проблем и расколов по линии центральные — региональные элиты, связанных с внутриреспубликанским сепаратизмом; этнические расколы (республики с долей нетитульного этноса более 20%).

Таким образом, наиболее существенными факторами, определившими степень интенсивности политических конфликтов в позднесоветский период, были внутриэлитные расколы, которые, в свою очередь, были следствием структурных расколов (государствообразующих и социально-экономических). По объяснительным возможностям первичной институционализации института президентства ведущими следует признать наличие социетальных и внутриэлитных расколов, состав Верховного Совета и личность президента (по убыванию значимости).

Трансформация моделей института президентства в постсоветских государствах: факторы и результаты

С точки зрения трансформации *формы правления* конституционных моделей института президентства в постсоветских государствах можно установить следующие тенденции. В первом цикле (начало 1990-х гг. – середина 1990-х гг.) во всех постсоветских государствах действовали изменённые и дополненные Конституции 1978 г., в которые при сохранении больших полномочий парламентов вводили институт президентства. Это привело к тому, что в большинстве государств были сформированы низко- или среднепрезиденциализированные формы правления. Во втором цикле, после устранения или прекращения полномочий Верховных Советов последних созывов — возникает тенденция к перераспределению полномочий между президентами и парламентами в пользу президентов. Такая тенденция наблюдалась в России, Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане, Кыргызстане, Украине. В третьем цикле также происходят незначительные изменения: Грузия переместилась в кластер высокопрезиденциализированных систем, Украина — низкопрезиденциализированных. В четвёртом цикле (по настоящее время) можно наблюдать тенденцию сокращения среднепрезиденциализированных систем и повышения числа как высокопрезиденциализированных, так и низкопрезиденциализированных систем.

Если соотнести полученные результаты с уровнем конкурентности президентства, выявленным ранее, можно отметить сильную корреляцию неконкурентных моделей с высокопрезиденционализированными системами. Это свидетельствует о том, что формальная президенциализация *всегда* ведёт к уменьшению конкурентности, а парламентаризация может как вести, так и не вести к росту конкурентности.

Как справедливо отмечает Б. Тибо, институциональные предпочтения тех, кто принимал решение о типе системы правления, формировались, в первую очередь, в зависимости от расчёта собственных шансов [8, с. 32]. Именно поэтому все институциональные изменения, в первую очередь формы правления, на постсоветском пространстве следует рассматривать в контексте интересов основных политических акторов и их возможных шансов после таких изменений.

В эволюции взаимоотношений президента, политических партий и парламента на постсоветском пространстве общей тенденцией стало отсутствие легитимации новых составов парламента после распада Советского Союза. В связи с этим после введения института президентства и провозглашения независимости был неизбежен в той или иной форме конфликт между президентами и парламентами.

По отношению к политическим партиям инкумбенты могли реализовать три стратегии (рис. 1):

- сформировать и возглавить административную партию, обеспечить её доминирование в парламенте и тем самым институционализировать институт президентства и создать полностью подконтрольный парламент;
- не рассматривать политические партии в качестве значимых акторов политического процесса, либо игнорируя их, либо создавая имитационную партийную систему;
- не препятствовать институционализации конкурентной партийной системы, в которую в качестве одного из акторов может войти президентская политическая партия.

Вторая стратегия, доминировавшая в большинстве постсоветских государств до середины 1990-х гг., сменилась первой стратегией. Там, где первая стратегия оказалась нереализуемой, она уступила место третьей.

Модель 1 (партийная система без доминирующей партии, отношения конфликта либо сотрудничества) сложилась в Кыргызстане, Молдове, Грузии, Украине. Во всех

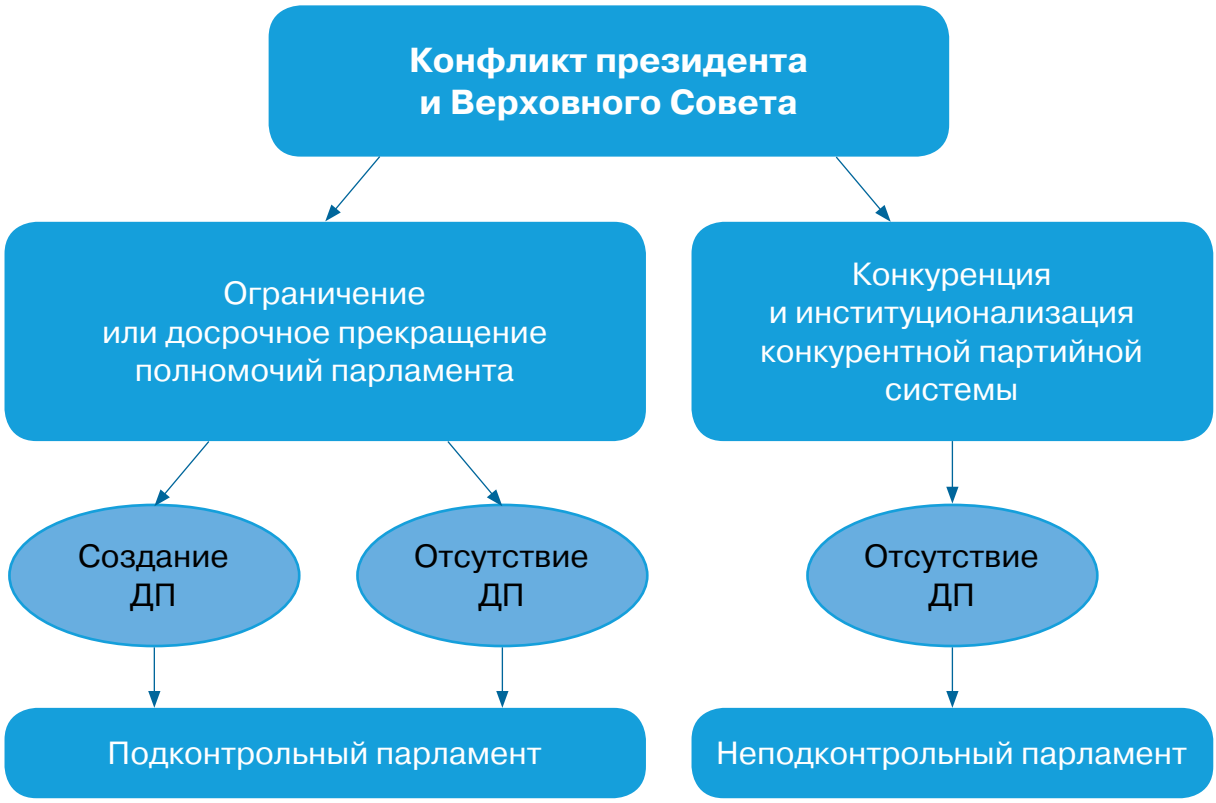


Рис. 1. Стратегии инкумбентов по отношению к парламенту и политическим партиям (ДП — доминирующая партия)

этих государствах переход к относительно конкурентной партийной системе без доминирующей партии стал возможен после крушения попытки установления системы с доминирующей партией. Президент здесь либо не является главой партии, либо приостановил членство в партии на период президентства. Отношения с парламентом основаны на создании коалиции партий, которая может как поддерживать президента, так и конкурировать с ним [9, 10].

Модель 2 (беспартийный президент, партийная система без доминирующей партии, подконтрольный парламент) сложилась в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане. При этом в Беларуси сохраняется де-факто беспартийный парламент, а в Туркменистане и Узбекистане большая часть парламента формируется по партийному принципу, но партийной системы в этих государствах не сформировалось. Поэтому случай Беларуси можно отнести к апартийности (2a), а случаи Узбекистана и Туркменистана — к имитационной партийной системе (2b). В этой ситуации роль личности президента становится определяющим фактором, поскольку отсутствуют партийные институты, институционализирующие президентскую власть. В Беларуси в ближайшей перспективе возможно образование доминирующей партии, в Туркменистане — превращение Демократической партии из формального инструмента в партию-гегемона или реальную доминирующую партию при наличии нескольких небольших альтернативных партий [11, 12].

Модель 3 (партийная система с доминирующей партией и подконтрольный парламент) реализована в Казахстане, Азербайджане, Таджикистане, России, Армении (до 2018 г.). Во всех этих государствах сформирована доминирующая административная партия, главой которой является действующий президент (в России — главой партии является председатель правительства) [13]. С помощью доминирова-

ния партии в парламенте обеспечивается его подконтрольность институту президента. При этом в Казахстане и Армении совершён переход на пропорциональную избирательную систему, в Таджикистане и России используется смешанная избирательная система, в Азербайджане — плюральная. Это означает, что такая модель может реализовываться в условиях любой избирательной системы.

Наиболее существенным фактором, определяющим взаимоотношения президента и парламента, следует признать институциональную силу инкумбента. Создание доминирующей партии и её институционализация определяют формирование подконтрольного президенту парламента. Как правило, в такой ситуации президент является и главой доминирующей партии. Наличие либо отсутствие такой партии определялось возможностями инкумбента единолично устанавливать и менять правила игры, т.е. институциональный дизайн. Там, где ресурсы не позволяли этого сделать, проекты по созданию доминирующей партии оставались нереализованными либо разрушались в самом начале становления.

Представляется, что сложившиеся модели являются устойчивыми и в среднесрочной перспективе будут воспроизводиться. Модели 1 и 3 относительно более институционализированы, чем модель 2, не опирающаяся на партийную систему, и поэтому в будущем наиболее вероятна эволюция модели 2 в модель 1 или 3. Случай Беларуси, которая может совершить переход к системе с доминирующей партией и партийным президентом, подтверждает этот вывод.

Заключение

Большинство постсоветских государств при формировании конституционных моделей делали выбор в пользу президенциализма или полупрезиденциализма [14]. Президенциализм в постсоветских государствах является важнейшим фактором, определяющим эволюцию формы правления, тип и качество партийной системы, институты передачи президентской власти и уровень политической стабильности.

Президенциализм в постсоветских государствах оказал значительное влияние на формирование типа партийной системы. Форма правления, при которой формирование исполнительной власти не зависит от партийного большинства в парламенте, обусловливает две стратегии развития партийной системы, инициированные инкумбентами: создание партийной системы с доминирующей партией или создание и поддержка апартийной (имитационной) партийной системы [15, 16]. В ситуациях, когда формирование доминирующей партии или имитационной партийной системы невозможно или партия утрачивает доминирование после одного избирательного цикла, происходит отказ от системы президенциализма, что демонстрирует невозможность сочетания на постсоветском пространстве президенциализма и конкурентной партийной системы (так случилось в Кыргызстане, Грузии, Армении и, возможно, произойдёт в Украине).

Высокий уровень президенциализации формы правления ведёт к формированию неконкурентных неформальных моделей передачи власти. Напротив, снижение уровня президенциализации ведёт к формированию конкурентных формальных моделей передачи власти. В некоторых случаях президенциализм задаёт устойчивые практики передачи президентской власти в виде преемничества [17].

Отмечено, что институт выборов при передаче президентской власти на постсоветском пространстве играет незначительную роль. Из 55 проанализированных случаев трансляции президентской власти инкумбенты побеждали в 39 случаях (70,9%), не инкумбенты — в 16 случаях (29,1%); правовой характер передача власти носила в 24 случаях (43,6%), неправовой — в 31 случае (56,4%) (рис. 2).

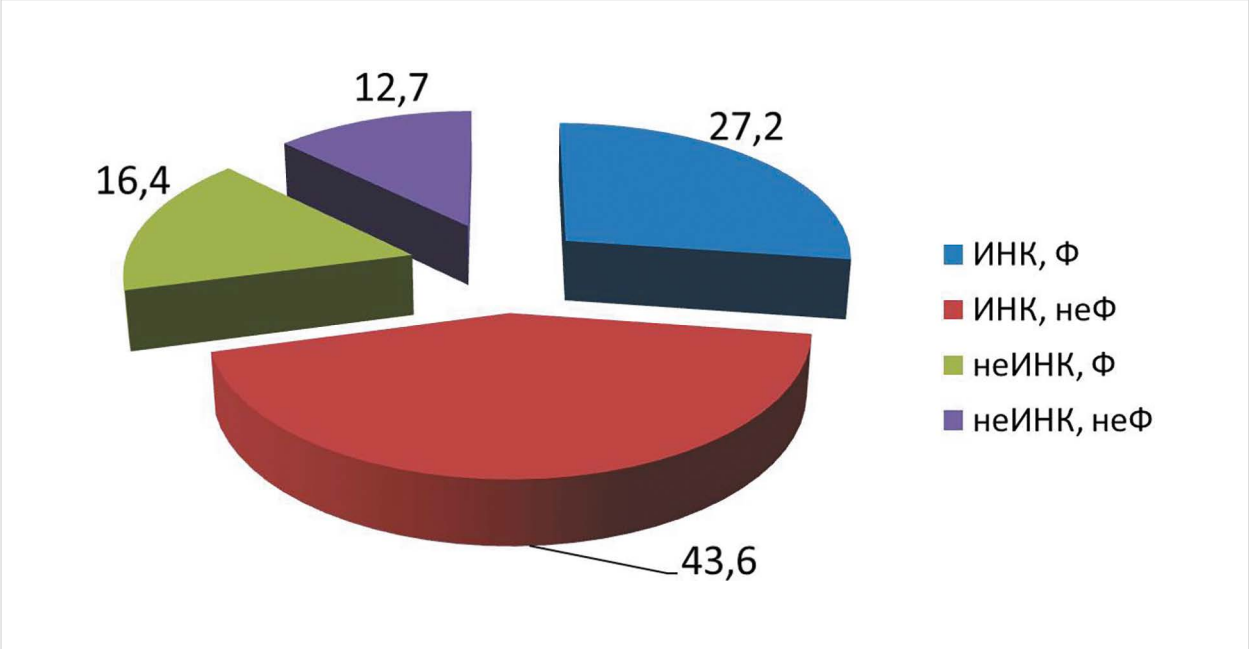


Рис. 2. Соотношение сценариев трансляции президентской власти на постсоветском пространстве (55 случаев)

ИНК, Ф — передача власти инкумбенту по формальным правилам;

ИНК, неФ — передача власти инкумбенту с изменением / нарушением формальных правил;

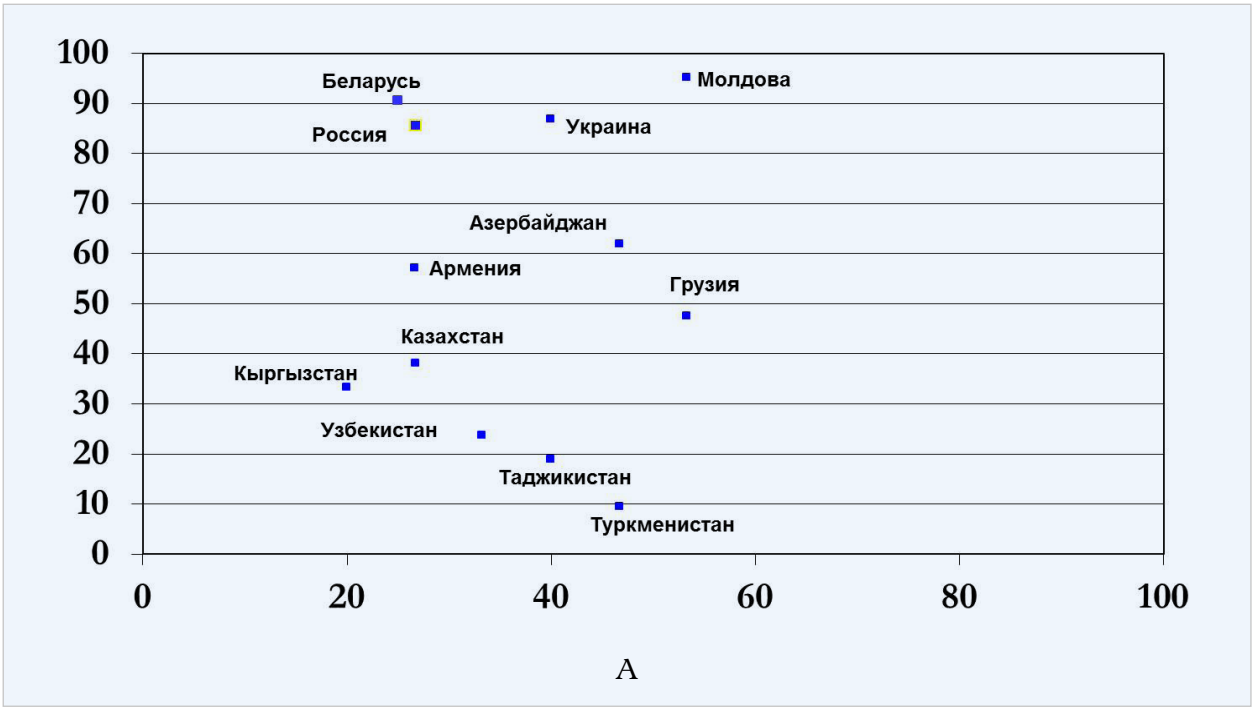
неИНК, Ф — передача власти не инкумбенту по формальным правилам;

неИНК, неФ — передача власти не инкумбенту с изменением / нарушением формальных правил.

По итогам анализа можно сделать вывод о формировании нескольких устойчивых моделей воспроизводства президентской власти на постсоветском пространстве: конкурентная неформальная; конкурентная формальная; неконкурентная формальная; неконкурентная неформальная. При этом институционализировались сценарии преемника, переворота и института Лидера нации. Неудачные случаи реализации сценария преемничества привели к отказу от самой системы президенциализма.

Для концептуализации и интеграции проанализированных выше составляющих моделей института президентства продуктивно применять индекс институционализации института президентства (ИИИП). На основании соотношения индекса институционализации института президентства и индекса конкурентности института президентства (ИК) в постсоветских государствах выявлены следующие модели (рис. 3): государства с низким ИИИП и высоким ИК; государства с высоким ИИИП и высоким ИК; государства с низким ИИИП и низким ИК; государства с высоким ИИИП и низким ИК.

Наиболее устойчивыми моделями института президентства на постсоветском пространстве являются модель 1, основанная на высокой степени институционализации института президента, включающая широкую сферу формальных полномочий президента, низкую конкурентность института выборов президента, партийность президента, создание доминирующей партии во главе с президентом или под его контролем, подконтрольный парламент, обеспечение институтов передачи власти преемнику или института Лидера нации; модель 2, основанная на высокой степени институционализации института президента, включающая



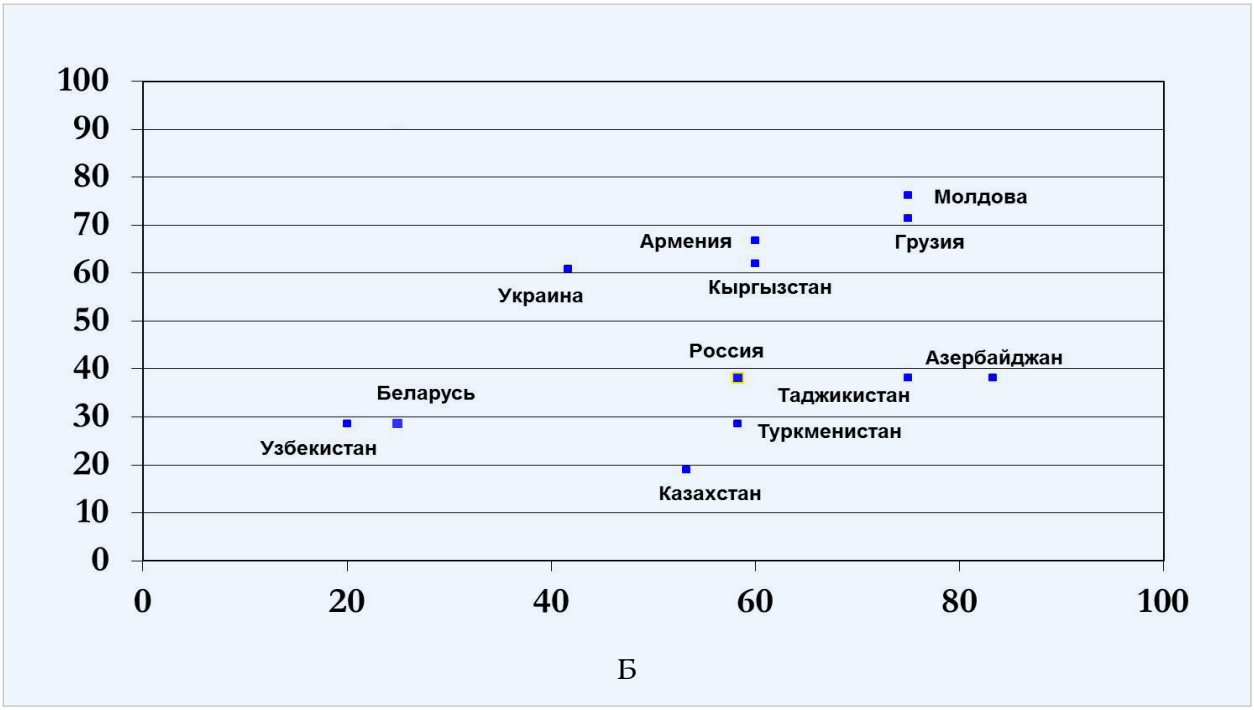


Рис. 3. Соотношение индекса институционализации института президентства (ось x) и индекса конкурентности института президентства (ось y) в постсоветских государствах в период первого (А) и текущего электоральных циклов (Б)

относительно узкую сферу формальных полномочий президента, высокую многопартийную конкурентность института выборов президента, отсутствие доминирующей партии и института преемничества, конфликтные или сотруднические взаимоотношения президента и парламента.

Высокую степень устойчивости демонстрирует также модель, основанная на низкой степени институционализации института президента (личной вла-

сти лидера), включающая широкую или узкую сферу формальных полномочий президента, отсутствие конкурентности на выборах, беспартийность президента, отсутствие доминирующей партии и институционализированной партийной системы, неинституционализированные механизмы передачи власти, хотя в перспективе её жизнеспособность вызывает сомнения.

Современные тенденции политического процесса в Беларуси и Узбекистане демонстрируют её потенциальную эволюцию в сторону модели 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. P. 133–165.
2. Hale H. 25 years after the USSR: what's gone wrong? // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 3. P. 24–35.
3. Остром В. Смысл американского федерализма: что такое самоуправляющееся общество. М.: Арена, 1993.
4. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казанский гос. ун-т, 2006.
5. Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6. С. 159–173.
6. Толипов Ф. Проблема многопартийности и оппозиции в демократическом конструировании в Узбекистане // Там же. 2011. № 1. С. 149–158.
7. Омаров Н. Эволюция политической системы Кыргызстана в 90-е годы XX – начале XXI века: итоги и перспективы демократического строительства // Политический класс. 2005. № 6. С. 45–59.
8. Тибо Б. Президентские, парламентские или гибридные системы правления? Институты и развитие демократии в Третьем мире и в странах Восточной Европы // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 23–63.
9. Борисов Н.А. Конституционные альтернативы Украины: назад в будущее? // Власть. 2011. № 2. С. 64–69.
10. Чедия Б. Политические партии Грузии в процессе транзиции страны // Центральная Азия и Кавказ. 2016. № 4. С. 30–38.
11. Way L. Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave : the cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. № 2. P. 231–261.
12. Горак С. Туркменистан в поисках стабильного институционального дизайна: перестройка властной вертикали после распада СССР // Политическая наука. 2014. № 1. С. 181–198.
13. Шкель С.Н. Политические партии в условиях авторитарной режимной среды: опыт постсоветского Казахстана // Там же. 2015. № 1. С. 95–113.
14. Easter G. Preference for presidentialism: postcommunist regime change in Russia and the NIS // World Politics. 1997. Vol. 49. № 2. P. 184–211.
15. Fish M.S. The impact of the 1999–2000 parliamentary and presidential elections on political party development // The 1999–2000 elections in Russia: their impact and legasy / Ed. by V. Hesli, W. Reisinger. Cambridge: Cambrdge University Press, 2009. P. 186–212.
16. Ishiyama J., Kennedy R. Superpresidentialism and political party development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. № 8. P. 1177–1191.

17. Панов П.В., Сулимов К.А. Смена лидера и пределы персоналистского президенциализма: перспективы варианта «преемник» в странах Закавказья и Центральной Азии // Политическая наука. 2014. № 1. С. 134–158.

ENGLISH

Presidency Institute in Post-Soviet Countries: Evaluation Method, Factors of Model Formation and Transformation

Nikolai Alexandrovich Borisov — Doctor of Political Science, Head of Theoretical and Applied Politology Department of the Faculty of History, Politology and Law of the Russian State Humanitarian University, supervisor of the project "Presidency Institute in Post-Soviet Countries: Evaluation Method, Factors of Model Formation and Transformation" (18-111-00110a).
E-mail: nborisov@rggu.ru

Due to various reasons, several presidentialistic models influencing regime transformation paths, were formed in independent post-Soviet countries. Along with this, despite several coups, power shift and political elite renewal, each model turned out to be extremely stable demonstrating a trend toward reproduction (i.e., institutionalization that requires explanation and conceptualization).

To begin with, novelty of the research is that a post-Soviet presidency institute of a certain country or a group of countries is attributed to one or another presidentialistic model and their comparative analysis is performed in the light of potential political regime stability forecasting; secondly, a comprehensive method of post-Soviet presidentialism evaluation based on study of formal and informal practices of presidency institute functioning is developed; thirdly, presidentialistic models are considered to be stable patterns reproducible even after presidential power shift and so-called "revolutions".

Based on the author's findings, abstract theorems involving division of post-Soviet presidency institute models were created, as well as genesis and transformation of post-Soviet presidency institute models were evaluated.

A comprehensive method of post-Soviet presidency institute evaluation based on study of formal and informal practices of its functioning was developed. It enables a follow-up research of these models. Indices of presidency institute competitiveness and institutionalization used to assess presidency institute in post-Soviet countries were calculated. Stable and reproducible models of a presidency institute were detected in post-Soviet countries. A relationship between presidency institute functioning and types of post-Soviet party systems was justified.

Keywords: presidentialism, post-Soviet area, political regime, transformation, statehood, political stability

REFERENCES

1. Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. R. 133–165.
2. Hale H. 25 years after the USSR: what's gone wrong? // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 3. P. 24–35.

3. Ostrom V. Smysl amerikanskogo federalizma: chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo. M.: Arena, 1993 (in Russian).
4. Zaznaev O.I. Poluprezidentskaya sistema: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Kazan': Kazanskiy gos. un-t, 2006 (in Russian).
5. Karmazina L. Sravnitel'nyy analiz institutsionalizatsii partiynykh sistem Kazakhstana i Rossii // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2008. № 6. S. 159–173 (in Russian).
6. Tolipov F. Problema mnogopartiynosti i oppozitsii v demokraticheskom konstruirovanii v Uzbekistane// Tam zhe. 2011. № 1. S. 149–158 (in Russian).
7. Omarov N. Evolyutsiya politicheskoy sistemy Kyrgyzstana v 90-e gody XX – nachale XXI veka: itogi i perspektivy demokraticheskogo stroitel'stva// Politicheskiy klass. 2005. № 6. S. 45–59 (in Russian).
8. Tibo B. Prezidentskie, parlamentskie ili gibridnye sistemy pravleniya? Instituty i razvitie demokratii v Tret'em mire i v stranakh Vostochnoy Evropy // Povoroty istorii: postsotsialisticheskie transformatsii glazami nemetskikh issledovateley: V 2 t.T. 2: Postsotsialisticheskie transformatsii v sravnitel'noy perspektive. SPb.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2003. S. 23–63 (in Russian).
9. Borisov N.A. Konstitutsionnye al'ternativy Ukrainy: nazad v budushchee? // Vlast'. 2011. № 2. S. 64–69 (in Russian).
10. Chediya B. Politicheskie partii Gruzii v protsesse tranzitsii strany // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2016. № 4. S. 30–38 (in Russian).
11. Way L. Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave : the cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. № 2. P. 231–261.
12. Gorak S. Turkmenistan v poiskakh stabil'nogo institutsional'nogo dizayna: perestroyka vlastnoy vertikali posle raspada SSSR // Politicheskaya nauka. 2014. № 1. S. 181–198 (in Russian).
13. Shkel' S.N. Politicheskie partii v usloviyakh avtoritarnoy rezhimnoy sredy: opyt postsovetskogo Kazakhstana // Tam zhe. 2015. № 1. S. 95–113 (in Russian).
14. Easter G. Preference for presidentialism: postcommunistregimechange in Russia and the-NIS // WorldPolitics. 1997. Vol. 49. № 2. P. 184–211.
15. Fish M.S. The impact of the 1999–2000 parliamentary and presidential elections on political party development // The 1999–2000 elections in Russia: their impact and legasy / Ed. by V. Hesli, W. Reisinger. Cambridge: Cambrdge University Press, 2009. P. 186–212.
16. Ishiyama J., Kennedy R. Superpresidentialism and political party development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. № 8. P. 1177–1191.
17. Panov P.V., Sulimov K.A. Smena lidera i predely personalistskogo prezidentsializma: perspektivy varianta «preemnik» v stranakh Zakavkaz'ya i Tsentral'noy Azii // Politicheskaya nauka. 2014. № 1. S. 134–158 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 027.1(47+57)
ГРНТИ 17.81.21
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-100-116

А.Ю. БОРОДИХИН, А.А. ЮДИН*

Мемориальная библиотека В.П. Адриановой-Перетц как памятник истории становления отечественной филологической науки

В статье даётся характеристика мемориальной библиотеки В.П. Адриановой-Перетц, которая хранится сейчас в двух частях: в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (Новосибирск) и в библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома, РАН) (Санкт-Петербург). Основу коллекции составляют книги, приобретённые мужем В.П. Адриановой-Перетц, академиком В.Н. Перетцем. Библиотека отражает научные интересы учёных: здесь представлены книги по филологии, истории и методологии изучения литературы, этнографические и фольклорные сборники, посвящённые культуре разных народов. В мемориальной библиотеке встречаются редкие экземпляры отдельных изданий.

Рассмотрен состав библиотеки, источники поступления отдельных экземпляров. Приведены и проанализированы некоторые дарственные надписи и автографы на книгах библиотеки. Среди них встречаются записи видных учёных (историков, филологов, этнографов и др.). Особо отмечены уникальные дарственные надписи Д.С. Лихачёва, выполненные в виде стилизации орнаментов древнерусских рукописей.

Ключевые слова: мемориальная библиотека В.П. Адриановой-Перетц, экслибрисы, записи, В.Н. Перетц, , Д.С. Лихачёв, «Слово о полку Игореве», автографы

Выдающийся российский учёный-филолог член-корреспондент Академии наук СССР В.П. Адрианова-Перетц завещала личное книжное собрание Сибирскому отделению АН СССР. В этом отношении Варвара Павловна выступила преемницей академика М.Н. Тихомирова, передавшего в конце 1960-х гг.

* **Бородихин Андрей Юрьевич** — кандидат филологических наук, заведующий отделом редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (ГПНТБ СО РАН), руководитель проекта «Варвара Павловна Адрианова-Перетц: научное наследие и библиотека» (17-04-00469а).
E-mail: borodikhin@spsl.nsc.ru

Юдин Алексей Александрович — научный сотрудник отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: alexey_yudin@mail.ru

в дар сибирскому научному сообществу собранную им коллекцию рукописных и старопечатных книжных памятников, средневековых документов и икон. В Новосибирск библиотека В.П. Адриановой-Перетц прибыла в 1973 г. и с этого времени хранится в Отделе редких книг и рукописей (Музее книги) ГПНТБ СО РАН[1].

К сожалению, в академическую библиотеку Новосибирска книжная коллекция В.П. Адриановой-Перетц попала не в полном составе: часть книг осталась в Ленинграде и была передана в библиотеку Института русской литературы (Пушкинского Дома), где Варвара Павловна работала до конца своих дней. Принцип отбора книг, поступивших в Новосибирск, не совсем понятен. В целом ряде случаев часть книг того или иного автора поступила в Новосибирск, тогда как другие его работы, посвященные схожим проблемам, остались в Пушкинском Доме.

Кроме того, часть собрания ещё при жизни владелицы была продана А.В. Багрию — ученику её мужа В.Н. Перетца, и в настоящее время вместе с собственным книжным собранием первого хранится в Научной библиотеке Бакинского государственного университета [2, с. 292]. В данной статье рассматриваются только санкт-петербургская и новосибирская части библиотеки В.П. Адриановой-Перетц.

В сибирской части «Адриановской» коллекции числится 2079 единиц хранения. В Пушкинском Доме последняя книга собрания имеет порядковый номер «3405». Однако реально книг в петербургской части больше указанного числа, так как под одним номером, но с добавлением дополнительной нумерации представлены периодические издания.

В новосибирском и санкт-петербургском хранениях книги имеют разную шифрацию. В библиотеке Пушкинского Дома в шифре используется буквенное обозначение с указанием владельца собрания и порядковый номер (например: «А.-П. 1»). Очевидно, что шифрация петербургских экземпляров осуществлялась по мере описания полученного книжного массива. В фонде ГПНТБ СО РАН книги (кроме присвоенного каждому экземпляру этой библиотеки инвентарного номера) получили форматный шифр с буквенным указанием на фамилию прежнего владельца (например: «Адр Г73/35»). Для части книг (в основном периодики) форматно-хронологическая расстановка дополнена систематической, в сиглах шифров для иностранных книг употребляется латиница.

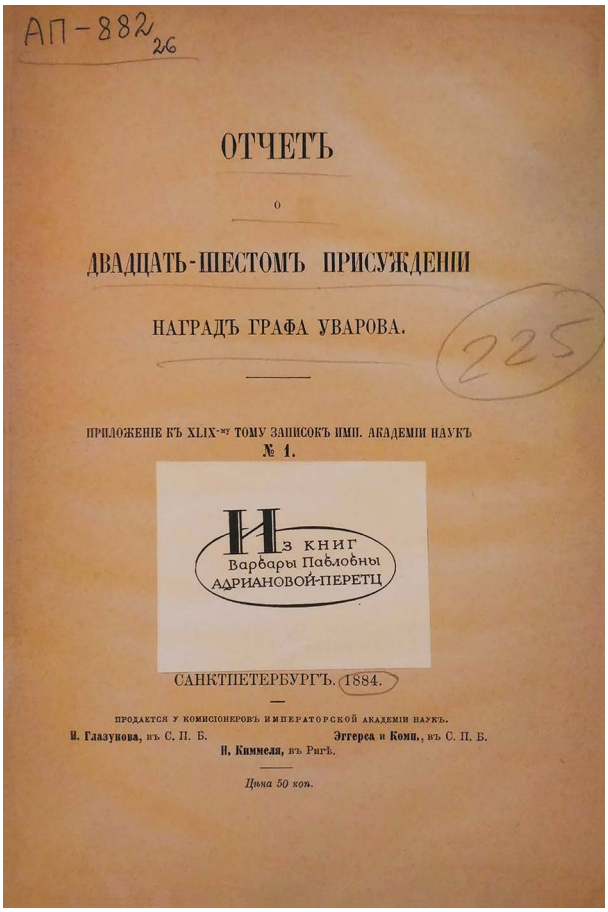


Рис. 1. Экслибрис В.П. Адриановой-Перетц

Все книги «Адриановской» библиотеки также имеют единый для обеих частей книжной коллекции экслибрис. Он представляет собой белый бумажный ярлык с надписью в овале: «Из книг / Варвары Павловны/ Адриановой-Перетц» (рис. 1).

[1] Краткую характеристику новосибирской части собрания см.: [1].

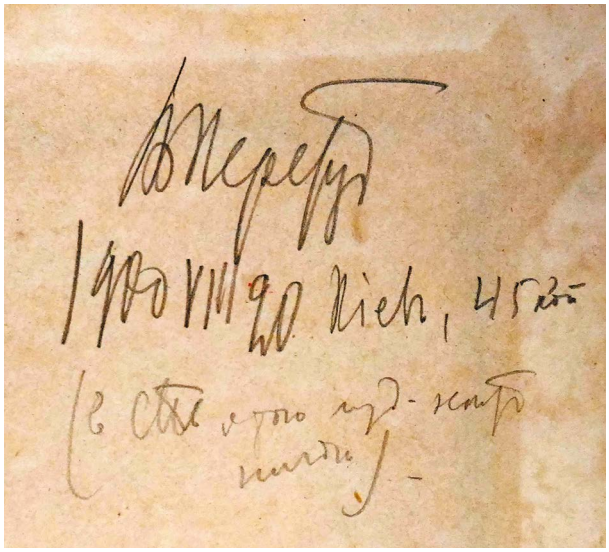


Рис. 2. Владельческая запись В.Н. Перетца: «В Перетцъ/ 1900 VIII 20 Кіевъ, 45 коп/ (в СПб этого изд. нѣтъ/ нигдѣ)»

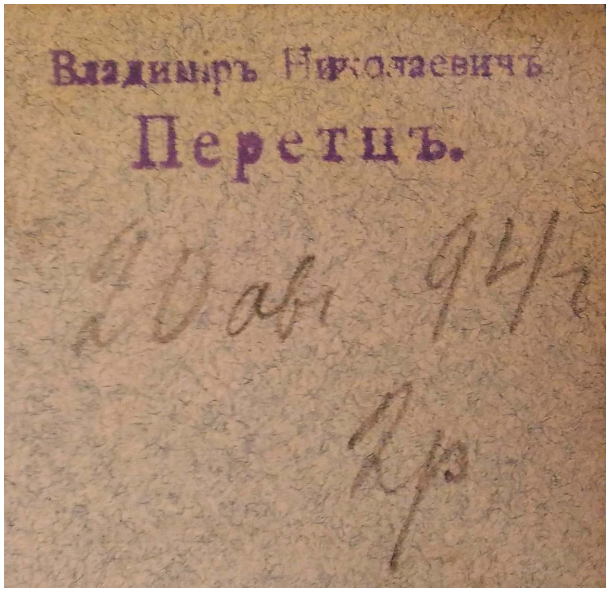


Рис. 3. Штемпель В.Н. Перетца

Основу собрания составляют книги, принадлежавшие мужу В.П. Адриановой-Перетц, академику В.Н. Перетцу, приобретённые им ещё до знакомства с будущей супругой: судя по записям, наиболее ранние его приобретения относятся к 93–95-м гг. XIX в.

Как правило, эти книги снабжены записью на титульном листе, либо верхнем форзаце. В ней В.Н. Перетц кроме своей фамилии указывает год, месяц и число приобретения книги, а также её цену, в редких случаях упоминается, у кого академик приобрёл данный экземпляр (рис. 2). В некоторых иностранных книгах библиотеки встречается написание фамилии владельца латиницей: «W. Peretz».

На некоторых книгах здесь же имеется оттиск штемпеля: «Владиміръ Николаевичъ/ Перетцъ.», который также сопровождается карандашной записью, указывающей на дату приобретения и цену (рис. 3). Изредка присутствует штемпель красного цвета, представляющий факсимиле росписи владельца (рис. 4).

Часть книг В.П. Адрианова приобрела ещё до замужества. Так, некоторые экземпляры Варвара Павловна маркировала своей фамилией и начальной буквой имени в верхней части титульного листа: «В. Адріановой». Позднее, уже в советское время, некоторые книги владелица отметила своими инициалами на внешнем листе нижнего форзаца карандашом у самого нижнего края: «ВАП».

Отдельные книги отдавались владельцами в переплет. По выходе из переплетной мастерской они приобретали суперэкслибрисы в нижней части корешков. В соответствии с модой того времени суперэкслибрис представлял собой инициалы владельца. Для книг, принадлежавших В.Н. Перетцу, — это «В.П.»; книги, принадлежавшие В.П. Адриановой, имеют в суперэкслибрисе литеры «В.А.». Некоторые переплётчики на форзацах книги оставляли свой ярлык или штемпель: В. Шмигельский (г. Киев), Г.П. Пожаров, Н.В. Гаевский (г. Санкт-Петербург), А. Шмайсер (г. Замостье) (рис. 5).

Следует отметить, что поступившие в новосибирскую библиотеку книги собрания В.П. Адриановой-Перетц не относятся к категории обычных, массовых изданий (доля таких изданий, конечно, присутствует в этом собрании, но это в основном экземпляры, полученные в дар от их авторов). Состав мемориальной библиотеки связан с областью научных интересов её владельцев. В коллекции преобладают научные работы по филологии, истории

литературы и методологии её изучения, фольклору; монографии, связанные с изучением древнерусской и других славянских средневековых литератур; публикации текстов книжных памятников.

В обеих частях собрания также представлены конволюты с отдельными оттисками или фрагментами изданий, объединённых в одну книгу по тематике или по принадлежности одному и тому же автору. Это сборники оттисков работ В.Н. Перетца и В.П. Адриановой-Перетц, статьи по фольклору, сравнительному литературоведению, анализу текста того или иного памятника, вырезанные из научной периодики и сшитые друг с другом; газетные и журнальные рецензии на то или иное издание, представляющие уже сами по себе книжную редкость.

С переездом части «Адриановского» собрания в Новосибирск сибирские учёные-гуманитарии получили в своё распоряжение номера одного из двух филологических журналов, издававшихся в дореволюционной России, — «Русского филологического вестника». Как указывалось в каждом номере этого издания, журнал был задуман как общеславянский, туда могли подавать свои статьи и рецензии авторы, чьи работы относились к изучению языка, народной поэзии, древней и новой литературы славянских племен, «преимущественно русского народа» (рис. 6). В.Н. Перетц время от времени публиковал свои статьи и рецензии на страницах этого журнала.

Более насыщенным его статьями является журнал, созданный при непосредственном участии коллеги В.Н. Перетца и его соратника ещё по кружку В.И. Саитова в Библиотеке Академии наук А.И. Лященко. Этот журнал выходил немного ранее «Русского филологического вестника». Речь идёт о «Литературном вестнике» — периодическом издании, в котором В.Н. Перетц не только публиковал свои статьи, но и довольно часто выступал в роли критика с рецензиями на научные издания, посвящённые изучению

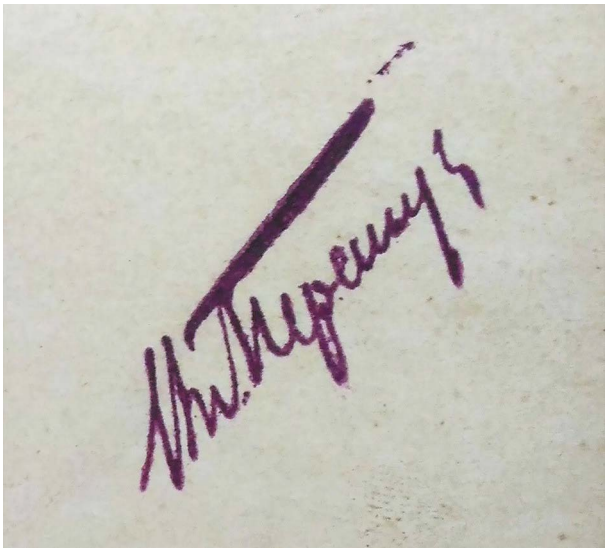


Рис. 4. Штемпель-факсимиле В.Н. Перетца

Рис. 5. Штемпель переплётчика

средневековых русских и славянских литератур. При этом Владимир Николаевич в своих рецензиях был достаточно объективен и строг. Некоторые его рецензии иначе как разгромными не назовёшь. Например, рецензия на книгу В.Н. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания» заканчивалась приговором этому исследованию: «Полное отсутствие понимания правильного научного метода соединяется в авторе с удивительной уверенностью, что он, излагая избитые, пошлые вещи — изрекает нечто вроде откровения. И обидно думать, что такой псевдо-учёный труд вышел из-под пера почтенного профессора» [3, с. 329].

Вероятно, зная о своей репутации строгого судьи, академик на подносимой в дар

— 47 —

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія [1]).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Продолжается подписка на учено-педагогическій журналъ

„РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1905 г. (27 годъ изданія).

Цѣна за 4 книжки (№№), не менѣе 50 листовъ въ годъ, *семь (7) рублей* съ пересылкою. Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ въ неопредѣленные сроки (примѣрно: февраль, май, сентябрь, декабрь).

Адресъ: Варшава, Пенкная, 39.

Предметы журнала — языкъ, народная поэзія, древняя и новая литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа. 1. Матеріалы. 2. Изслѣдованія и замѣтки. 3. Критика, библіографія, научная хроника. 4. Педагогическій отдѣлъ: а) о преподаваніи русскаго языка и словесности; б) критика учебниковъ по этимъ предметамъ; в) пробные листы новыхъ учебниковъ; г) разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакціи обѣщали участіе своими учеными и педагогическими трудами слѣдующія лица — академики, профессора и преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній: Д. И. Абрамовичъ, А. И. Александровъ, А. С. Архангельскій, А. И. Беличъ, Е. А. Бобровъ, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, С. Н. Браиловскій, Р. Ѳ. Брандтъ, Е. Ѳ. Будде, С. К. Буличъ, И. М. Бѣлоруссовъ, Д. Н. Вергунъ, А. В. Ветуховъ, В. Вондракъ, А. Г. Григорьевъ, К. Я. Гротъ, Н. К. Грунскій, Н. С. Державинъ, Г. К. Дорофеевъ, Н. Н. Дурново, П. А. Заболотскій, И. И. Замотинъ, Д. К. Зеленинъ, Ч. Зибртъ, Г. А. Ильинскій, В. А. Истоминъ, Н. М. Каринскій, П. А. Кулаковскій, Д. Н. Кудрявскій, С. М. Кульбакинъ, П. А. Лавровъ, А. М. Лобода, Э. Э. Лямбекъ, Б. М. Ляпуновъ, Л. Милетичъ, А. В. Михайловъ, А. Ѳ. Музыченко,

---

[1]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1906 года — печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Рис. 6. Объявление о подписке на «Русский филологический вестник» на страницах журнала

своей ученице В.П. Адриановой рецензии на книгу П.А. Заболотского «Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени», вышедшей отдельным изданием в 1910 г., пишет: «Варваре Павловне!/ Пусть этот новый пример проявления/ «дурного характера» не отобьёт у Вас/ охоты к занятиям/ В. Перетц».

Кроме редкой русскоязычной научной периодики в библиотеке имеются номера и отдельные оттиски статей из украинских журналов, таких как выходившие в Киеве «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», «Записки наукового Товариства ім. Шевченка у Львови», «Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії України», «Записки Українського наукового товариства в Київе», «Записки історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академии наук» и др.

Стоит также отметить наличие изданий «Общества любителей древней письменности» (часть из них поступила от С.Д. Балухатого), отдельные номера «Византийского временника», «Православного Палестинского сборника», «Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета», сборники «Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» и др.

В собрании хранятся редкие зарубежные и отечественные издания, в том числе отсутствующие в крупнейших российских библиотеках. Так, в петербургской части собрания сохранился, судя по всему, единственный из оставшихся экземпляров предпринятого С.Т. Голубевым первого издания «Хроники из стародавних летописцев» киевского автора XVII в. Феодосия Софоновича. Издание должно было выйти в свет в «Архиве Юго-Западной России» ещё в 1910 г., однако подготовка С.Т. Голубевым предисловия к нему затянулась. Затем разразилась Первая мировая война, а в 1920 г. учёный умер. В 1922 г. отпечатанный тираж текста памятника пустили на макулатуру, из всего трёх сохранившихся после уничтожения тиража экземпляров этого издания достоверно известно о нахождении лишь одного в книжном собрании В.П. Адриановой-Перетц в Пушкинском Доме [4, с. 8].

По записям владельцев, экслибрисам, штемпелям и ярлыкам книгопродавцев можно определить источники поступления некоторых экземпляров в собрание В.П. Адриановой-Перетц и её мужа. Они поступали из книжных и букинистических магазинов, со склада издательства Академии наук в Санкт-Петербурге, от частных лиц.

Книги, купленные в букинистическом магазине В.И. Клочкова, легко идентифицируются по бумажным ярлыкам книгопродавца[1]. Также по ярлыкам и штемпелям локализуются книги, приобретённые в книжных лавках Москвы (у книгопродавца А.А. Астапова), Санкт-Петербурга («книжный магазин под фирмою “А.С. Семенов и сын”», товарищество «Книговед», антикварный книжный магазин С.Н. Котова, «книжный магазин Товарищества М.О. Вольф»); Киева (книжные магазины Н.Я. Оглоблина (бывший С.И. Литова), В.А. Просяниченко, Болеслава Корейво). Последние приобретены, вероятно, в 1903–1914 гг., когда В.Н. Перетц преподавал в Киевском университете св. Владимира. Ряд книг В.Н. Перетц получил из дублетного фонда Библиотеки Академии наук от библиотекаря её Славянского отдела В.И. Саитова. Об этом свидетельствует указание: «Отъ В.И. Саитова», размещённое в записях рядом с фамилией нового владельца. На некоторых экземплярах есть записи: «От Н.К. Никольского» (на книге его отца К.Т. Никольского), «Подарена А. Круглым». Два тома сочинений Ф.И. Буслаева «Мои досуги» (М., 1886), судя по экслибрису и штемпелям, ранее принадлежали московскому библиофилу А.И. Шувалову, который распродавал свою библиотеку по частям, а её остатки были куплены книготорговцем П.П. Шибановым в 1907 г. [6, с. 929].

Часть книг «Адриановского» собрания, согласно записям, экслибрисам и штемпелям, ведёт своё происхождение из расформированных частных и ведомственных собраний М.И. Семевского, П.Н. Шеффера, С.Д. Балухатого, протоиерея В.Я. Ми-

[1] О некоторых книгопродавческих ярлыках на книгах «Адриановской» библиотеки см.: [5].

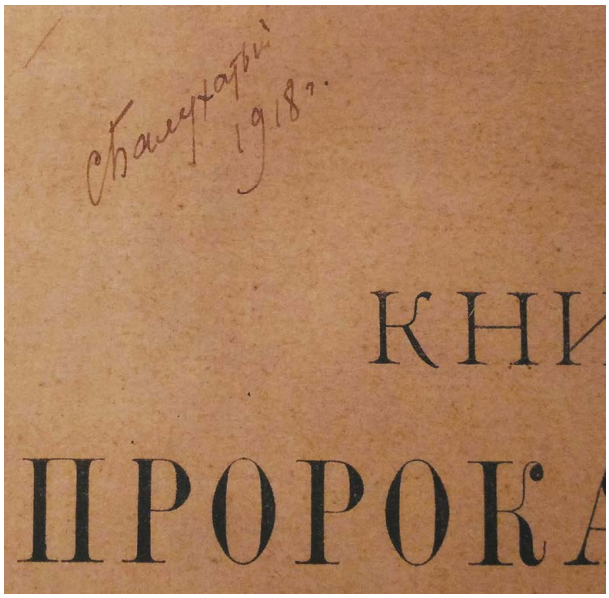


Рис. 7. Владельческая запись С.Д. Балухатого

хайловского, М.И. Лилеева, Департамента полиции, «Семинарии по русской словесности Императорского С.-Петербургского университета», ученической библиотеки Самарской духовной семинарии и др. При этом сами книги могли попасть в собрания новых владельцев также «через третьи руки». Например, большая часть книг, ранее принадлежавших ученику В.Н. Перетца и позднее — сотруднику Пушкинского Дома и коллеге В.П. Адриановой-Перетц в этом учреждении С.Д. Балухатому, попала к нему, как указывают записи на книгах, в 1918–1919 гг. во время национализации и расформирования частных собраний[1] (рис. 7). Некоторые книги С.Д. Балухатый подарил Варваре Павловне до своей кончины в 1945 г., о чём свидетельствуют записи на них. Например, на верхнем форзаце выпущенного с предисловием Б.Д. Грекова в 1946 г. экземпляра «Памятников истории Киевского государства IX–XII вв.» рукой прежнего владельца записано: «Вар[варе] Па[в]л[овне]/ от С Бал[ухатого]». Библиотека М.И. Семевского была продана в 1903 г. книгопродавцу В.И. Клочкову [См.: 8, р. 141], у которого В.Н. Перетц купил отдельные экземпляры. Есть издания, имеющие, например, такие записи: «Книга куплена изъ библіотеки/ О.Ѳ. Миллера», «Изъ библіотеки Г.С. Дестуниса».

Некоторые книги собрания были привезены по просьбе В.Н. Перетца его учителем А.И. Соболевским из научной командировки по славянским странам [см.: 9, с. 26]. В то время В.Н. Перетц был увлечён славянским фольклором и кукольным театром у славянских народов и просил учителя приобрести для него редкие издания по этой тематике, вышедшие за границей [10, с. 229–234].

Значительную часть книг библиотеки составляют экземпляры, преподнесённые В.Н. Перетцу и В.П. Адриановой-Перетц коллегами и учениками. Все они отмечены дарственными надписями.

Книга А.П. Кадлубовского «Очерки по истории древнерусской литературы житий святых» сопровождается кратким автографом: «В.П. Адріановой/ на память/ от/ учителя». Можно было бы предположить, что ещё в нежинский период жизни — а А.П. Кадлубовский получил образование в Нежинском историко-филологическом институте — В.П. Адрианова занималась изучением древнерусской литературы под его руководством. Однако почерк схож с записями В.Н. Перетца, следовательно, именно он подписал своей ученице эту монографию (рис. 8 и 9).

На книгах собрания В.Н. Перетца оставили свои записи коллеги учёного: В.В. Сиповский, В.Ф. Ржига, И.П. Козловский, Е.В. Петухов, А.И. Соболевский, Н.К. Пиксанов, С.Г. Вилинский, В.И. Ламанский, Д.П. Шестаков, Б.М. Ляпунов, В.А. Погорелов, М.Н. Скабалланович, Ю.А. Яворский, И.П. Козловский, Г.А. Ильинский, Н.Л. Туницкий, Г.М. Барац, И.С. Свенцицкий, А.И. Яцимирский и многие другие.

Стоит отметить автограф Р. Якобсона на факсимильном издании букваря Ивана Фёдорова 1574 г.: «Глубокоуважаемой

[1] В это же самое время реквизированные книги приобретал на рынках и другой будущий сотрудник Пушкинского Дома П.Н. Берков. См.: [7, с. 178].

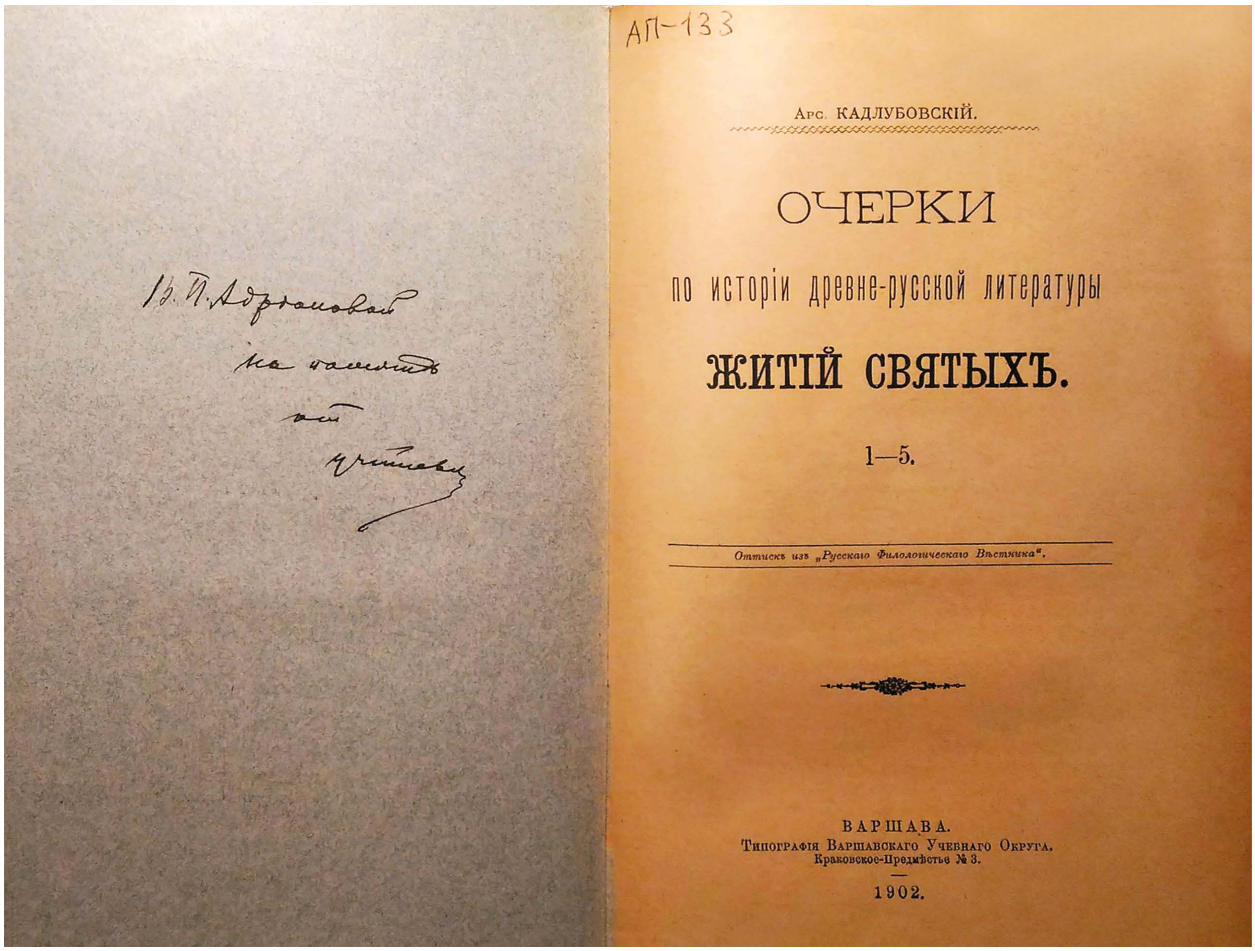


Рис. 8. Запись В.Н. Перетца на книге А.П. Кадлубовского: «В.П. Адріановой/ на память/ от/ учителя»

Варваре Павловне Адриановой-Перетц/ в знак благодарности/ автор» [11, на тит.л.] (рис. 10). Кроме того, большое число изданных за рубежом монографий, посвящённых изучению литератур Средневековья и Нового времени, поступили в библиотеку супругов Перетц от самих авторов и содержат автографы-посвящения владельцам [9].

В библиотеке В.П. Адриановой-Перетц есть книги, подписанные авторами другим лицам, но попавшие по разным причинам в «Адриановское» собрание. Так, профессор гомилетики Петербургской духовной академии Н.И. Барсов свою книгу «Исторические, критические и полемические опыты» преподносит государственному деятелю, писателю и географу И.П. Корнилову; историк П.А. Муханов дарит свой труд Н.А. Саблукову, автору записок о времени Павла I; знаменитый славист И.В. Ягич — византинисту В.Г. Васильевскому; историк церкви И.И. Малышевский — студенту Михаилу Ивановичу Лилееву, будущему церковному историку, Нежинскому городскому голове в 1904–1908 гг.; И.В. Помяловский, переводчик Палестинского патерика — знатоку греческой словесности Г.С. Дестунису; археограф и фольклорист П.А. Гильтебрандт — философу и математику Н.Г. Дебольскому; историк русской литературы Г.З. Кунцевич — филологу В.В. Сиповскому.

Но все же среди книг с автографами преобладают работы учеников Владимира Николаевича и Варвары Павловны, а также её коллег по Пушкинскому Дому. Нужно отметить, что большинство из этих автографов проникнуто глубоким уважением. Перечислим имена некоторых дарителей: С.А. Бугославский, И.И. Огиенко, М.Н. Тихомиров, А.С. Орлов, В.И. Малы-

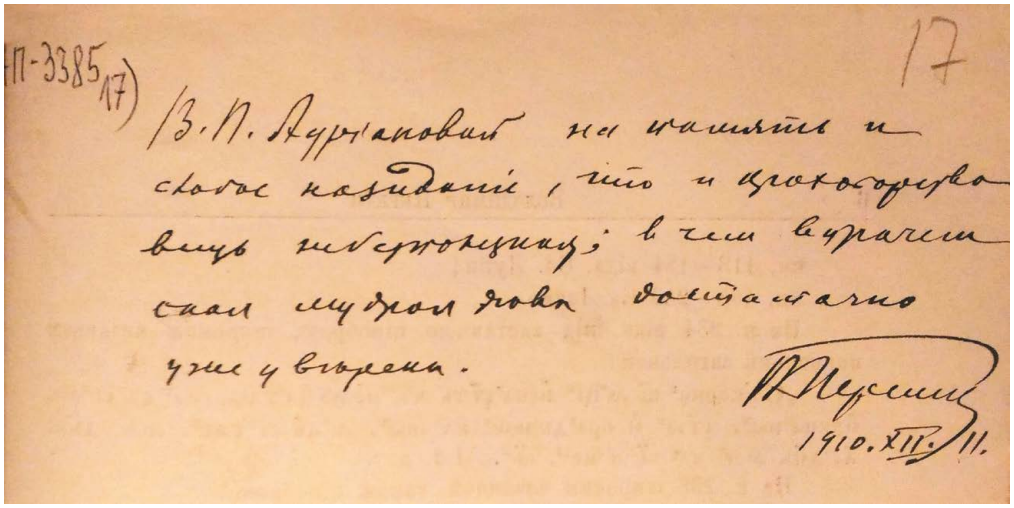


Рис. 9. Запись В.Н. Перетца на отдельном оттиске своей работы, подаренной В.П. Адриановой: «В.П. Адріановой на память и/ слабое назиданіе, что и крохоборство/ вещь небезполезная; в чём впрочем/ оная мудрая дѣва достаточно/ уже увѣрена./ В. Перетц/ 1910.XII.11.»

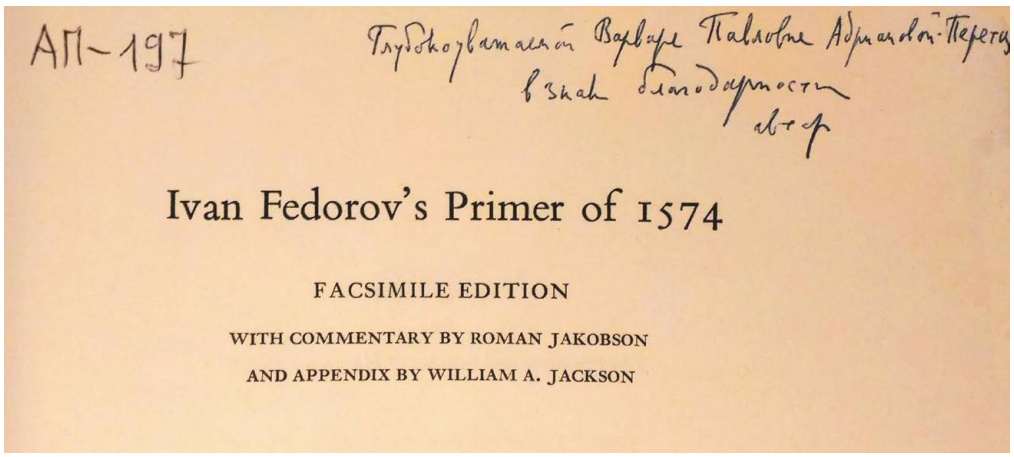
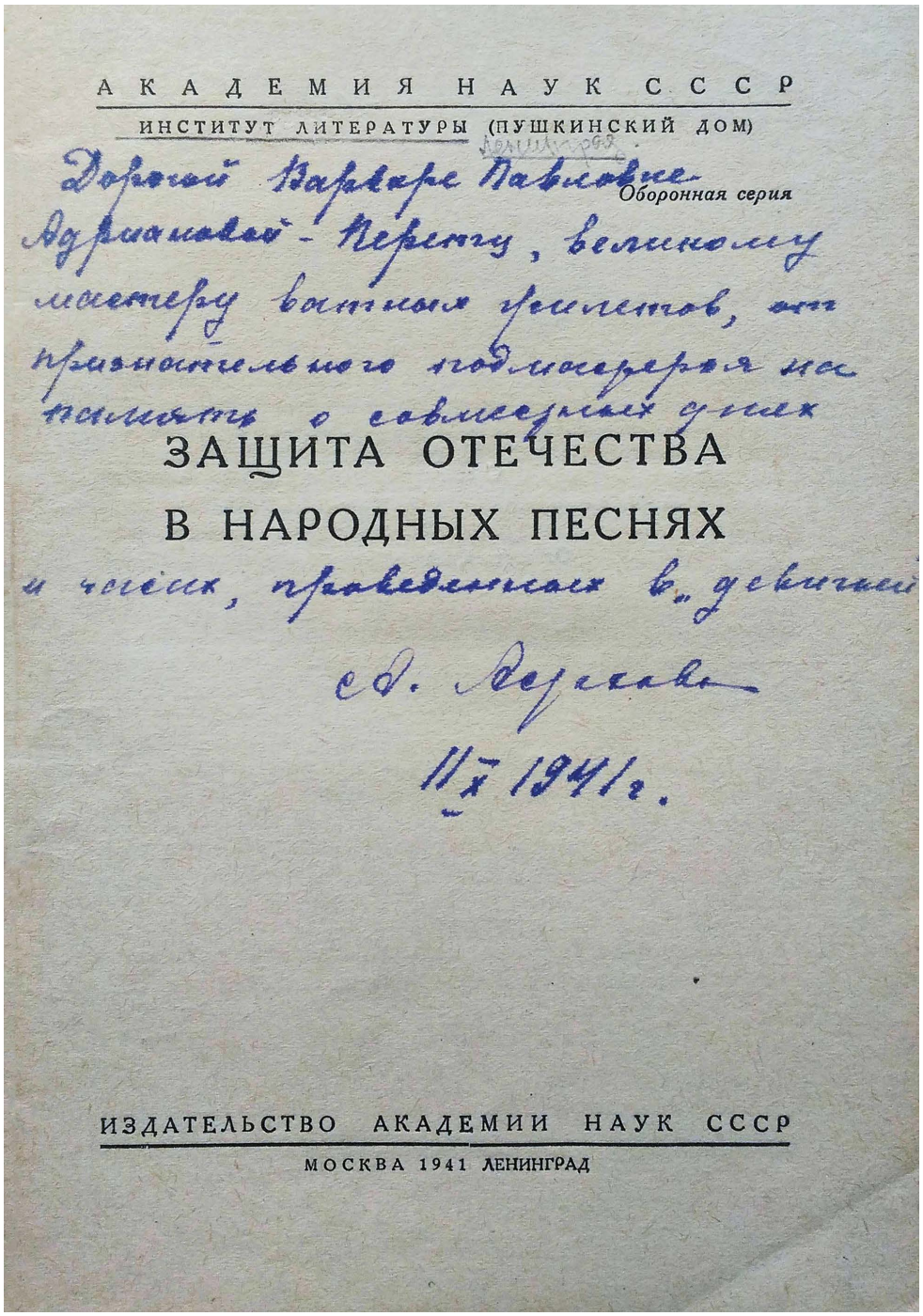


Рис. 10. Автограф Р. Якобсона

шев, П.Н. Берков, С.И. Маслов, С.О. Шмидт, И.П. Еремин, С.А. Щеглова, А.Н. Робинсон, А.И. Никифоров, С.Н. Чебан, А.А. Назаревский, Ю.К. Бегунов, А.М. Панченко, Г.Н. Моисеева, Н.А. Казакова, Б.А. Романов, А.И. Клибанов, Д.С. Лихачёв, В.В. Кусков, Н.К. Гудзий, В.Д. Кузьмина и многие другие.

Среди несомненно искренних, но этикетных формул в дарственных надписях попадаются и записи-мемории. Например, филолог, исследователь фольклора Русского Севера, сотрудник Пушкинского Дома А.М. Астахова на одной из своих работ пишет: «Дорогой Варваре Павловне/ Адриановой-Перетц, великому/ мастеру ватных жилетов, от/ признательного подмастерья на/ память о совместных днях/ и часах, проведенных в «девичией»./ А. Астахова./ 1/X.1941 г.» [12, на тит.л.] (рис. 11).

Есть записи, характеризующие как само издание (иронично и всерьёз), так и сопутствующие его выходу обстоятельства: «Дорогой Варваре Павловне/ Адриановой-Перетц, фактическому/ редактору книги, с большой, большой/ благодарностью/ автор./ 17/XII 1960 г.», — пишет основатель Древлехранилища Пушкинского Дома В.И. Малышев [13, на тит.л.]; «Дорогой свояченице/ Варваре Павловне/ от редактора этого/ так-себе перевода./ 30.VI.38», — оставляет запись уче-



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Оборонная серия

Дорогой Варваре Павловне Адриановой-Перетц, великому мастеру ратных гимнов, от признательного подмастерья на память о совместных днях

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА

В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

и чтениях, проведенных в „девичьем

С. Якобсон

11/X 1941 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Рис. 11. Автограф Р. Якобсона

ник В.Н. Перетца Н.К. Гудзий [14, на верхн. форз.].

Стоит отметить, что в книгу В.И. Малышева вложены вырезки двух газетных рецензий на эту работу. Одна из них за подписью известного библиофила Н.П. Смирнова-Сокольского опубликована в газете «Советская Россия», другая — более редкая — была напечатана в сыктывкарской газете «Красное Знамя». Автор последней рецензии — В.П. Адрианова-Перетц. Ещё одна книга В.И. Малышева (в собрании Пушкинского Дома), также снабжена дарственной надписью Варваре Павловне и вырезками из газетных рецензий на книгу [15]. Издание «Слова о полку Игореве», выпущенное в 1967 г. в «Библиотеке поэта», снабжено автографами — ху-

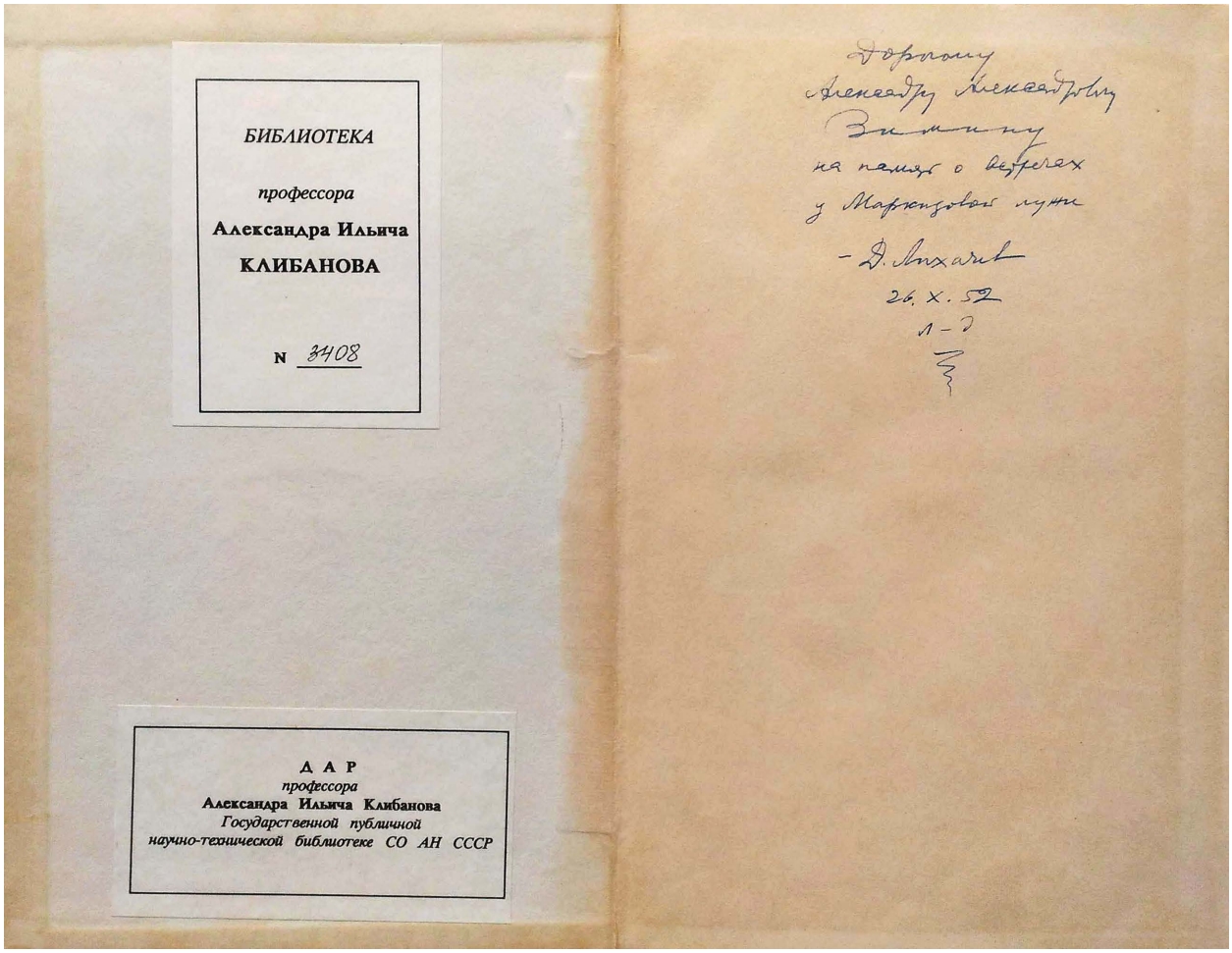


Рис. 12. Книга из библиотеки А.И. Клибанова с дарственной надписью Д.С. Лихачёва А.А. Зимину

дожественно оформленной дарственной записью Д.С. Лихачёва, а также Л.А. Дмитриева и О.В. Творогова [16, верхн. форз.].

Автографы Д.С. Лихачёва на книгах, находящихся не только в библиотеке В.П. Адриановой-Перетц, но и в других собраниях, — тема отдельного исследования. Они продуманы как в содержательной части, так и в способе воплощения. Кроме того, записи академика Д.С. Лихачёва часто содержат намёк на событие или случай, известный лишь адресату послания. Например, в книге из мемориальной библиотеки А.И. Клибанова, хранящейся в ГПНТБ СО РАН, Дмитрий Сергеевич написал: «Дорогому/ Александру Александровичу/ Зимину/ на память о встречах/ у Маркизовой лужи/ — Д. Лихачёв/ 26.X.52/ Л-д» [17, верхний форзац] (рис. 12)[1]. В книге «“Слово о полку Игореве” — героический пролог русской литературы», изданной в массовой серии в 1961 г., знаменитый исследователь древнерусской литературы оставил такой автограф: «Дорогой Варваре/ Павловне от/ известного детского/ писателя Д. Лихачака/ 13.X.61/ [сноска дарителя к слову «известного»: «чем?»]» [19, авантитул] (рис. 13).

В книгах «Адриановского» собрания можно встретить примеры работы учёных с печатным текстом. Зачастую такая работа не ограничивалась обычным подчёркиванием, но формировала целую сеть исправлений, ремарок на полях, дополнений и замечаний. Например, в библиотеке В.П. Адриановой-Перетц сохранилось

[1] Автограф отмечен в: [18, с. 123. № 2717].

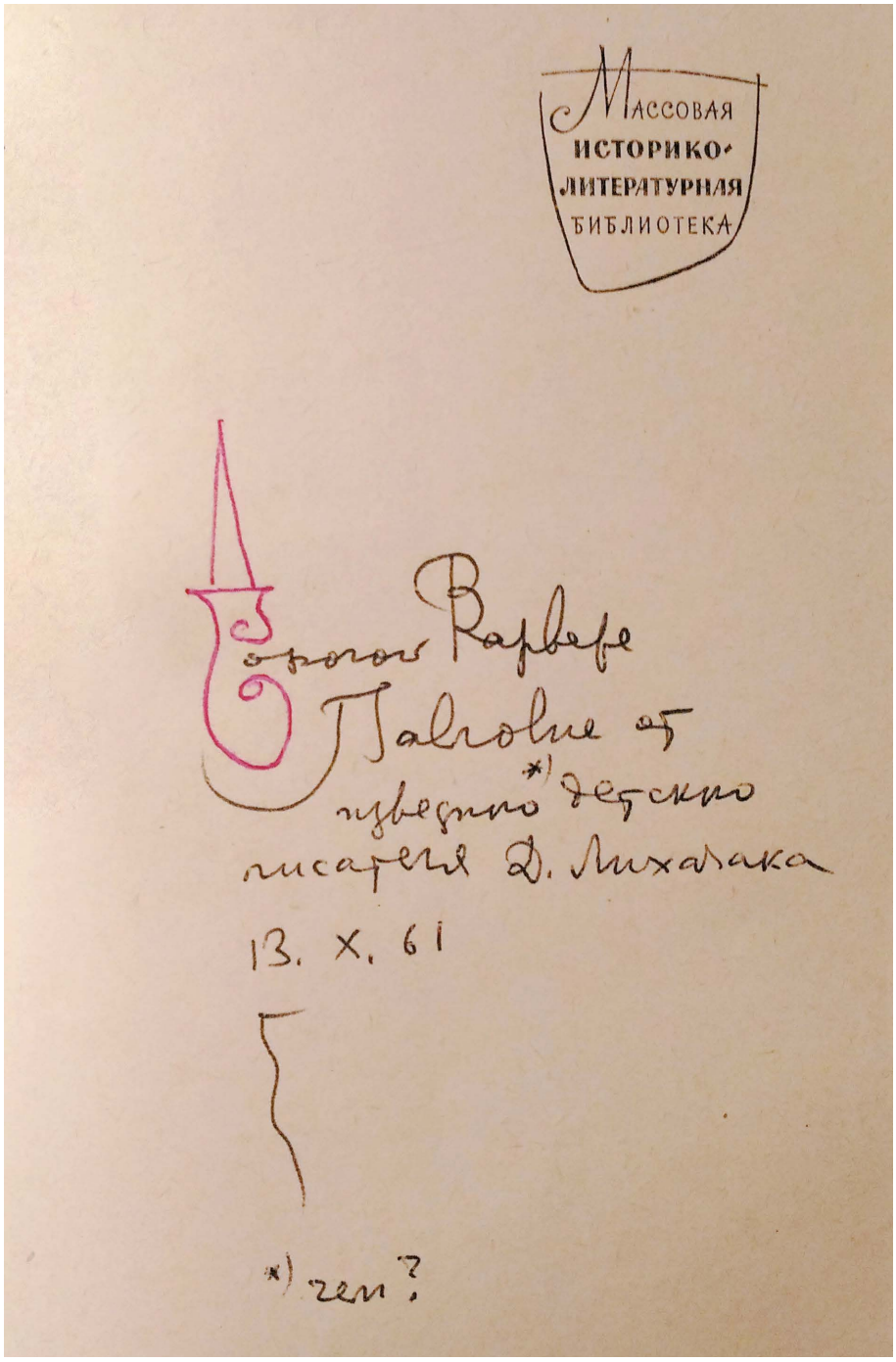
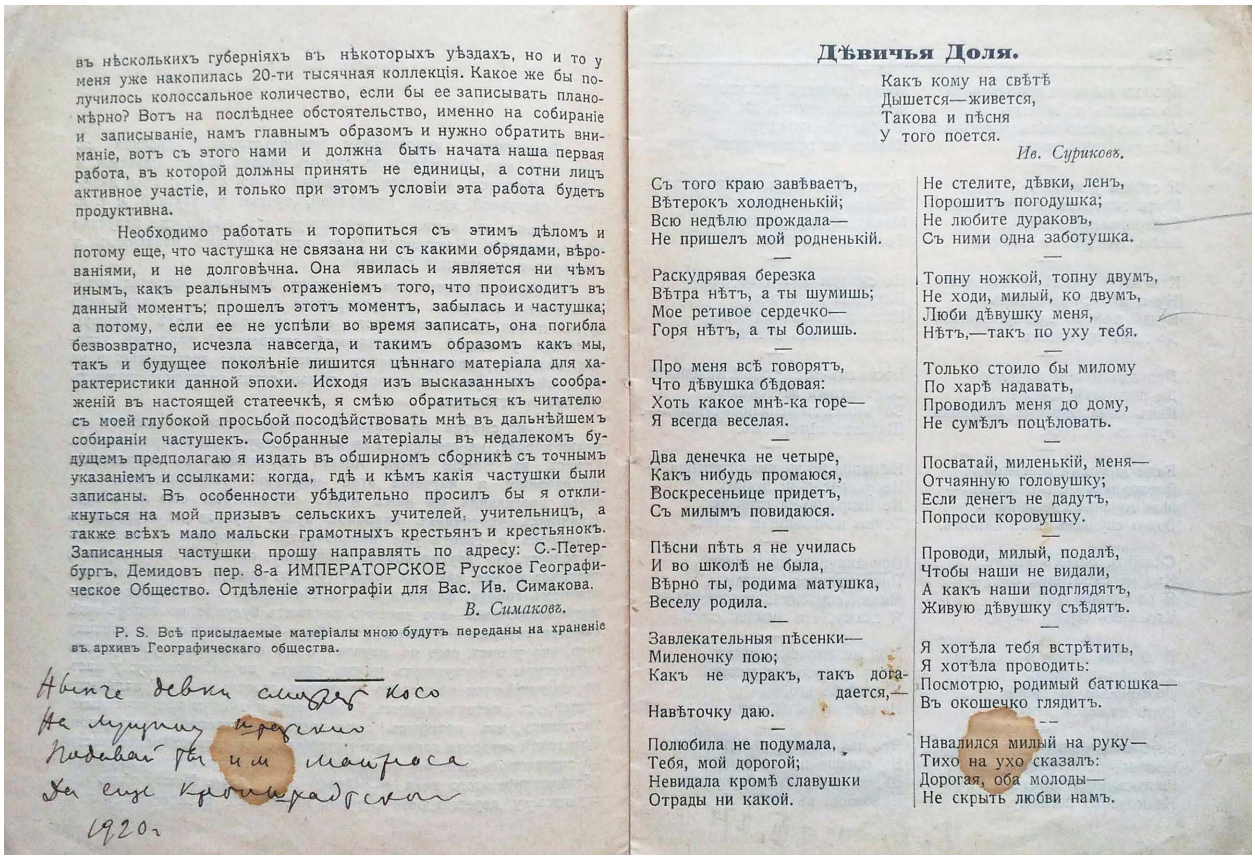


Рис. 13. Автограф Д.С. Лихачёва

большое число изданий «Слова о полку Игореве», книжного памятника, к изучению которого В.Н. Перетц не раз возвращался в своих статьях и рецензиях. Здесь имеются как парадные, дорогие издания «Слова», так и рассчитанные на массового читателя. В более ранних изданиях ошибки и уточнения, иногда развёрнутые критические ремарки на полях, неизменно карандашные, оставлены рукой В.Н. Перетца. Выпущенные уже после кончины академика публикации памятника древнерусской литературы отмечены исправлениями типографских ошибок и смысловых неточностей, выполненными хорошо узнаваемым почерком Варвары Павловны.

Ряд изданий можно охарактеризовать как книжные редкости. Так, опублико-



въ нѣсколькихъ губерніяхъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, но и то у меня уже накопилась 20-ти тысячная коллекція. Какое же бы получилось колоссальное количество, если бы ее записывать планомѣрно? Вотъ на послѣднее обстоятельство, именно на собираніе и записываніе, намъ главнымъ образомъ и нужно обратить вниманіе, вотъ съ этого нами и должна быть начата наша первая работа, въ которой должны принять не единицы, а сотни лицъ активное участіе, и только при этомъ условіи эта работа будетъ продуктивна.

Необходимо работать и торопиться съ этимъ дѣломъ и потому еще, что частушка не связана ни съ какими обрядами, вѣрованіями, и не долговѣчна. Она явилась и является ни чѣмъ инымъ, какъ реальнымъ отраженіемъ того, что происходитъ въ данный моментъ; прошелъ этотъ моментъ, забылась и частушка; а потому, если ее не успѣли во время записать, она погибла безвозвратно, исчезла навсегда, и такимъ образомъ какъ мы, такъ и будущее поколѣніе лишится цѣннаго матеріала для характеристики данной эпохи. Исходя изъ высказанныхъ соображеній въ настоящей статеечкѣ, я смѣю обратиться къ читателю съ моей глубокой просьбой посодѣйствовать мнѣ въ дальнѣйшемъ собираніи частушекъ. Собранные матеріалы въ недалекомъ будущемъ предполагаю я издать въ обширномъ сборникѣ съ точнымъ указаніемъ и ссылками: когда, гдѣ и кѣмъ какія частушки были записаны. Въ особенности убѣдительно просилъ бы я откликнуться на мой призывъ сельскихъ учителей, учительницъ, а также всѣхъ мало мальски грамотныхъ крестьянъ и крестьянокъ. Записанныя частушки прошу направлять по адресу: С.-Петербургъ, Демидовъ пер. 8-а ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество. Отдѣленіе этнографіи для Вас. Ив. Симакова.

В. Симаковъ.

P. S. Всѣ присылаемые матеріалы мною будутъ переданы на храненіе въ архивъ Географическаго общества.

Нынче девки смотрят косо
На мущину штатского
Подавай ты им матроса
Да еще кронштадтского
1920 г.

Дѣвичья Доля.

Какъ кому на свѣтѣ
Дышется—живется,
Такова и пѣсня
У того поется.

Ив. Суриковъ.

Съ того краю завѣваетъ,
Вѣтерокъ холодненькій;
Всю недѣлю прождала—
Не пришелъ мой родненькій.

—

Раскудрявая березка
Вѣтра нѣтъ, а ты шумишь;
Мое ретивое сердечко—
Горя нѣтъ, а ты болишь.

—

Про меня всѣ говорятъ,
Что дѣвушка бѣдовая:
Хоть какое мнѣ-ка горе—
Я всегда веселая.

—

Два денечка не четыре,
Какъ нибудь промаюся,
Воскресеньице придетъ,
Съ милымъ повидаюся.

—

Пѣсни пѣть я не училась
И во школѣ не была,
Вѣрно ты, родима матушка,
Веселу родила.

—

Завлекательныя пѣсенки—
Миленочку пою;
Какъ не дуракъ, такъ догадается,—
Навѣточку даю.

—

Полюбила не подумала,
Тебя, мой дорогой;
Невидала кромѣ славушки
Отрады ни какой.

Не стелите, дѣвки, ленъ,
Порошитъ погодушка;
Не любите дураковъ,
Съ ними одна заботушка.

—

Топну ножкой, топну двумъ,
Не ходи, милый, ко двумъ,
Люби дѣвушку меня,
Нѣтъ,—такъ по уху тебя.

—

Только стоило бы милому
По харѣ надавать,
Проводилъ меня до дому,
Не сумѣлъ поцѣловать.

—

Посватай, миленькій, меня—
Отчаянную головушку;
Если денегъ не дадутъ,
Попроси коровушку.

—

Проводи, милый, подалѣ,
Чтобы наши не видали,
А какъ наши подглядятъ,
Живую дѣвушку съѣдятъ.

—

Я хотѣла тебя встрѣтить,
Я хотѣла проводить:
Посмотрю, родимый батюшка—
Въ окошечко глядитъ.

—

Навалился милый на руку—
Тихо на ухо сказалъ:
Дорогая, оба молоды—
Не скрыть любви намъ.

Рис. 14. Текст частушки, написанный рукой В.Н. Перетца

ванный Н.С. Тихонравовым для учащихся в 1866 г. текст «Слова» имеет обширную владельческую карандашную правку [20]. Французский перевод этого книжного памятника 1878 г. снабжён карандашной пометой на верхнем форзаце: «Перев[од] неизвестен Барсову» [21]. Запись указывает на то, что автор первой монументальной библиографии древнерусского книжного памятника Е.В. Барсов в своей работе не учёл это небольшое по формату издание на французском языке [22, с. 29].

Дополнения могли быть и шутливого свойства, но всегда научно аргументированными. Например, в библиотеке учёного находится большое количество работ, связанных с изучением русского фольклора и этнографии и публикаций фольклорных текстов. Более того, известно, что первая печатная работа В.Н. Перетца была посвящена игровым песням, которые он услышал в двух сёлах Тихвинского уезда Новгородской губернии. Кроме того, в Тихвинском и Крестецком уездах он собрал 600 частушек [23, с. 258]. Знание этого фольклорного жанра позволило В.Н. Перетцу после вступительной статьи В.И. Симакова к собранным и изданным им частушкам северных губерний России добавить ещё одну:

> *«Нынче девки смотрят косо*
> *На мущину штатского*
> *Подавай ты им матроса*
> *Да ещё кронштадтского*
> *1920 г.» [24, стб. 7–8]* (рис. 14).

В заключение следует сказать, что это лишь краткий очерк-описание мемориального собрания выдающегося учёного, основателя школы исследователей древнерусской литературы и фольклора В.П. Адриановой-Перетц. При рассмотрении отдельных экземпляров этой книжной коллекции, записей и экслибрисов

владельцев, ярлыков и штемпелей книгопродавцев, автографов дарителей, наконец, при попытке представить книжное собрание в целом можно утверждать, что мемориальная библиотека В.П. Адриановой-Перетц является памятником не только её учителю и мужу академику В.Н. Перетцу, но также и памятником книжной культуры и научной среды времени становления русской филологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдин А.А. Мемориальная библиотека В.П. Адриановой-Перетц в собрании Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции развития: Материалы Международного научного семинара (Минск, 2–3 апреля 2014 г.). Минск; М., 2014. С. 138–141.
2. Мирзоян Г.Г. Древнерусские рукописи в г. Баку // Археографический ежегодник за 1970 год. М.: Наука, 1971. С. 291–293.
3. Перетц В.Н. В. Малинин. Старец Филофей и его послания. Киев. 1901. [Рец.] // Литературный вестник. Издание Русского Библиологического общества. СПб., 1901. Т. II. Кн. VIII. С. 327–329.
4. Софонович Феодосий. Хроніка з літописців стародавніх / АН України, Археограф. коміс., Ін-т укр. археографії, Ін-т історії України. Підготовка тексту до друку, передмова, комент. Ю.А. Мицика, В.М. Кравченка. Київ: Наукова думка, 1992.
5. Юдин А.А. Владельческие знаки на книгах из собрания В.П. Адриановой-Перетц (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск) // VIII Юдинские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2015. Ч. 1. С. 220–231.
6. Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700–1918. М.: Минувшее, 2010.
7. Стефанович А.В. Библиотека П.Н. Беркова — творческая мастерская // Книга: Исследования и материалы. М.: Наука, 2007. № 86/1. С. 177–188.
8. Studemeister M. Bookplates and their owners in Imperial Russia: An illustrated survey of holdings at Stanford University. Tenafly, N.J., USA: Hermitage Publishers, 1991.
9. Бородихин А.Ю., Юдин А.А. Из истории формирования библиотеки В.Н. Перетца и В.П. Адриановой-Перетц // Одиннадцатые Макушинские чтения: Материалы науч. конф. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2018. С. 25–33.
10. Робинсон М.А. В.Н. Перетц и его научная школа // М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. С. 229–285.
11. Jakobson R. Ivan Fedorov's Primer of 1574: Facsimile Edition, with Commentary by R. Jakobson and Appendix by W.A. Jackson. Cambridge, Massachusetts, 1955. 45, [2] p., 12 л. ил.: факс. Шифр: А.-П. 197.
12. Астахова А.М. Защита Отечества в народных песнях / А.М. Астахова и В.А. Кравчинская; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. (Оборонная серия).
13. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) Акад. наук СССР; [отв. ред. д.ист.н. Н.В. Устюгов]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960.
14. Слово о полку Игореве / Перев., предисл. и пояснения Ивана Новикова; Общ. ред. и вступ. статья проф. Н.К. Гудзия; Гравюры на дереве: В. Фаворский. М.: Художественная литература, 1938.
15. Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков / Подготовка текста и статьи В.И. Малышева; [отв. ред. Д.С. Лихачёв] Акад. наук СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Шифр: А.-П. 74.

16. Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д.С.Лихачева, [с. 5–20]; Сост. и подгот. текстов Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачёва; Примеч. О.В.Творогова и Л.А.Дмитриева. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. (Библиотека поэта: Основана М.Горьким. 2 изд. Большая серия). Шифр: А.-П. 85.
17. Лихачёв Д.С.Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
18. Библиотека профессора Александра Ильича Клибанова: Каталог / Сост.: А.Ю.Бородихин, Е.Ю.Бородихина, Т.Л.Седлецкая; Науч. ред. В.Н.Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1996.
19. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.; Л.: Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1961. 134 с. (Массовая историко-литературная библиотека). Шифр: А.-П. 424.
20. Слово о полку Игореве / Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. М.: Унив. Тип. (Катков и К°), 1866. [2], IX, 68 с. Шифр: А.-П. 78.
21. La Guerre d'Igor: épopée russienne / traduite par F. de Barghon Fort-Rion. Paris, 1878. Шифр: А.-П. 80.
22. Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М.: Унив. тип., 1887. Т. 1.
23. [Шахматов О.О., Котляревський Н.А.]. Записка про наукову діяльність та наукові праці Володимира Миколайовича Перетца (до 1913 р. включно) // Записки Історично-філологічного відділу Укр. Акад. наук. Київ, 1927. Кн. 12. С. 258–264.
24. Симаков В.И.Деревенские песни-частушки: Архангельской, Вологодской, Вятской, Ярославской, Новгородской, Псковской и Тверской губ. / Собранные В.И.Симаковым. СПб.: Изд-е В.И.Симакова, 1912. 32 стб. (Библиотечка народного творчества. Вып. 1-й).

ENGLISH

V.P. Adrianova-Peretts's Memorial Library As an Artifact of History of Russian Philological Science Rising

Andrei Yur'evich Borodihin — Candidate of Philological Sciences, Head of Rare Book and Manuscript Department of the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SD RAS); supervisor of the project "Varvara Pavlovna Adrianova-Peretts: Scientific Heritage and Library" (17-04-00469a).
E-mail: borodikhin@spsl.nsc.ru

Alexei Alexandrovich Yudin — scientific officer of Rare Book and Manuscript Department of the SPSTL SD RAS, researcher in the project mentioned above.
E-mail: alexey_yudin@mail.ru

The article characterizes V.P. Adrianova-Peretts's memorial library that is currently divided into two parts stored in Rare Book and Manuscript Department of the SPSTL SD RAS (Novosibirsk) and the Library of the Institute of the Russian Literature (Pushkin House of the Russian Academy of Sciences) (Saint Petersburg). The collection is based on books purchased by V.N. Peretts (i.e., academician, V.P. Adrianova-Peretts's husband). The library summarizes research interests because it includes books related to philology, history and literature search methodology, as well as ethnographic and folk books dedicated to various national cultures. The memorial library contains several rarities.

Authors analysed the library composition and sources of several books. Several inscriptions and autographs observed on the library books were submitted and analysed. Records of famous scientists (historians, ethnographers, philologists etc.) were detected among them.

Unique D.S. Likhachyov's inscriptions designed as ornaments of ancient Russian manuscripts were particularly noted.

Keywords: V.P. Adrianova-Peretts's memorial library, V.N. Peretts, ex libris, D.S. Likhachyov, the Lay of Igor's Campaign, inscriptions, autographs

REFERENCES

1. Yudin A.A. Memorial'naya biblioteka V.P. Adrianovoy-Peretts v sobranii Otdela redkikh knig i rukopisey GPNTB SO RAN // Sovremennye problemy knizhnoy kul'tury: osnovnye tendentsii razvitiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (Minsk, 2–3 aprelya 2014 g.). Minsk; M., 2014. S. 138–141 (in Russian).
2. Mirzoyan G.G. Drevnerusskie rukopisi v g. Baku // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1970 god. M.: Nauka, 1971. S. 291–293 (in Russian).
3. Peretts V.N. V. Malinin. Starets Filofey i ego poslaniya. Kiev. 1901. [Rets.] // Literaturnyy vestnik. Izdanie Russkogo Bibliologicheskogo obshchestva. SPb., 1901. T. II. Kn. VIII. S. 327–329 (in Russian).
4. Sofonovich Feodosiy. Khronika z litopistsiv starodavnikh / AN Ukraïni, Arkheograf. komis., In-t ukr. arkheografiï, In-t istoriï Ukraïni. Pidgotovka tekstu do druku, peredmova, koment. Yu.A. Mitsika, V.M. Kravchenka. Kiïv: Naukova dumka, 1992 (in Russian).
5. Yudin A.A. Vladel'cheskie znaki na knigakh iz sobraniya V.P. Adrianovoy-Peretts (GPNTB SO RAN, Novosibirsk) // VIII Yudinskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnoyarsk: GUNB Krasnoyarskogo kraya, 2015. Ch. 1. S. 220–231 (in Russian).
6. Bogomolov S.I. Rossiyskiy knizhnyy znak. 1700–1918. M.: Minuvshee, 2010 (in Russian).
7. Stefanovich A.V. Biblioteka P.N. Berkova — tvorcheskaya masterskaya // Kniga: Issledovaniya i materialy. M.: Nauka, 2007. № 86/1. S. 177–188 (in Russian).
8. Studemeister M. Bookplates and their owners in Imperial Russia: An illustrated survey of holdings at Stanford University. Tenafly, N.J., USA: Hermitage Publishers, 1991.
9. Borodikhin A.Yu., Yudin A.A. Iz istorii formirovaniya biblioteki V.N. Perettsa i V.P. Adrianovoy-Peretts // Odinnadtsatye Makushinskie chteniya: Materialy nauch. konf. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2018. S. 25–33 (in Russian).
10. Robinson M.A. V.N. Peretts i ego nauchnaya shkola // M.A. Robinson. Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov). M.: Indrik, 2004. S. 229–285 (in Russian).
11. Jakobson R. Ivan Fedorov's Primer of 1574: Facsimile Edition, with Commentary by R. Jakobson and Appendix by W.A. Jackson. Cambridge, Massachusetts, 1955. 45, [2] p., 12 l. il.: faks. Shifr: A.-P. 197.
12. Astakhova A. M. Zashchita Otechestva v narodnykh pesnyakh / A.M. Astakhova i V.A. Kravchinskaya; AN SSSR. In-t rus. literatury (Pushkinskiy dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. (Oboronnaya seriya) (in Russian).
13. Malyshev V.I. Ust'-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVI – XX vv. / In-t russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Akad. nauk SSSR; [otv. red. d. ist. n. N. V. Ustyugov]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1960 (in Russian).
14. Slovo o polku Igoreve / Perev., predisl. i poyasneniya Ivana Novikova; Obshch. red. i vstup. stat'ya prof. N.K. Gudziya; Gravyury na dereve: V. Favorskiy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1938 (in Russian).

15. Povest' o prikhozhenii Stefana Batoriya na grad Pskov / Podgotovka teksta i stat'i V.I. Malysheva; [otv. red. D.S. Likhachyov] Akad. nauk SSSR. In-t rus. literatury (Pushkinskiy dom). M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. Shifr: A.-P. 74 (in Russian).
16. Slovo o polku Igoreve / Vstup. stat'ya D.S. Likhacheva, [s. 5–20]; Sost. i podgot. tekstov L.A. Dmitrieva i D.S. Likhachyova; Primech. O.V. Tvorogova i L.A. Dmitrieva. L.: Sovetskiy pisatel'. Leningr. otd-nie, 1967. (Biblioteka poeta: Osnovana M. Gor'kim. 2 izd. Bol'shaya seriya). Shifr: A.-P. 85 (in Russian).
17. Likhachyov D.S. Vozniknovenie russkoy literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952 (in Russian).
18. Biblioteka professora Aleksandra Il'icha Klibanova: Katalog / Sost.: A.Yu. Borodikhin, E.Yu. Borodikhina, T.L. Sedletskaya; Nauch. red. V.N. Alekseev. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 1996 (in Russian).
19. Likhachyov D.S. «Slovo o polku Igoreve» — geroicheskiy prolog russkoy literatury. M.; L.: Goslitizdat. [Leningr. otd-nie], 1961. 134 s. (Massovaya istoriko-literaturnaya biblioteka). Shifr: A.-P. 424 (in Russian).
20. Slovo o polku Igoreve / Izdano dlya uchashchikhsya Nikolaem Tikhonravovym. M.: Univ. Tip. (Katkov i K°), 1866. [2], IX, 68 s. Shifr: A.-P. 78 (in Russian).
21. La Guerre d'Igor: épopée russienne / traduite par F. de Barghon Fort-Rion. Paris, 1878. Shifr: A.-P. 80.
22. Barsov E.V. «Slovo o polku Igoreve» kak khudozhestvennyy pamyatnik Kievskoy druzhinnoy Rusi. M.: Univ. tip., 1887. T. 1 (in Russian).
23. [Shakhmatov O.O., Kotlyarevs'kiy N.A.]. Zapiska pro naukovu diyal'nist' ta naukovi pratsi Volodimira Mikolayovicha Perettsa (do 1913 r. vklyuchno) // Zapiski Istorichno-filologichnogo viddilu Ukr. Akad. nauk. Kiïv, 1927. Kn. 12. S. 258–264.
24. Simakov V.I. Derevenskie pesni-chastushki: Arkhangel'skoy, Vologodskoy, Vyatskoy, Yaroslavskoy, Novgorodskoy, Pskovskoy i Tverskoy gub. / Sobrannye V.I. Simakovym. SPb.: Izd-e V.I. Simakova, 1912. 32 stb. (Bibliotechka narodnogo tvorchestva. Vyp. 1-y) (in Russian).

УДК 801.7
ГРНТИ 17.81.31, 17.09.91
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-117-128

В.В. КАЛУГИН*

Украинские списки Толковых Пророчеств XVI – начала XVII века и их русские источники

На материале восточнославянских рукописей Толковых Пророчеств рассмотрены книжные связи между Московской и Литовской Русью. Исследованы два украинских списка Толковых Пророчеств середины XVI в. и начала XVII в. Впервые установлена их зависимость от русских источников: рукописей Толковых Пророчеств с глаголицей, сохранившихся с конца XV в., и с переводами из Вульгаты, выполненными в кружке архиепископа Новгородского Геннадия в начале 90-х гг. XV в.

Ключевые слова: редакция, протограф, оригинал, список, чтение, глаголица

Юдаш

Сохранившаяся украинско-белорусская традиция Толковых Пророчеств (далее — ТП) невелика (около десяти рукописей) и представлена списками не ранее начала XVI в. Она превосходит южнославянское ответвление ТП XIV–XVI вв. (два болгаро-молдавских и два сербских кодекса), но значительно уступает русской традиции памятника, насчитывающей около 50 рукописей. Впрочем, далеко не все источники выявлены и локализованы, а те, которые введены в научный обиход, изучены явно недостаточно.

Обновление украинско-белорусской традиции ТП связано с русским влиянием. Вскоре после возрождения рукописной традиции ТП в Московской Руси в 80–90-х гг. XV в. они переходят оттуда в «литовскую» письменность. Украинско-белорусские списки ТП несут на себе отчётливые следы русских источников и их общего предка — не дошедшего до нас восточнославянского кодекса 1047 г. попа Упыря Лихого.

В это же время в русских списках ТП появляются следы знакомства с ними «литовских» читателей, оказавшихся в Московской Руси. Этими лицами могли быть не только восточные славяне, но и евреи [1, с. 13–24]. В стихах Зах 3: 1–3 упоминаются иудейский первосвященник Иисус и дьявол — **непрїꙗзнь**. На то, что первосвященника воспринимали как прообраз Иисуса Христа, указывает

* **Калугин Василий Васильевич** — доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Толковые Пророчества в литературе и письменности Древней Руси» (18-012-00142а).
E-mail: vasiliykalugin@mail.ru

рано появившееся дополнение в библейском тексте, выделенное нами курсивом: **и҆ показа ми г҃ь. *і҃с сп҃съ и҆с҃а и҆ерє҆ѧ великааго*** (Зах 3: 1) [Чуд-184: 79[1]; 2, с. 116, 124]. Сатану же отождествляли с Иудой предателем. Не позднее конца XV – начала XVI в. в протографе некоторых русских рукописей (в том числе в Ув-334 и Ег-1712 с еврейскими глоссами кириллицей [1, с. 13–24]) появилась киноварная маргиналия **ꙗ҆ꙋ҆да҃** (Зах 3: кон. 1 – нач. 2) [Син-577: 58об.; Барс-10: 13об.; Ег-1712: 138; Рум-28: 267в; Син-118: 67; Ув-334: 68об.], то есть Иуда. Позднее, в XVI в., она перешла из русского источника: **ю҆дашь** [Рум-28: 267в] в сербскую копию: **ю҆да҃** [Хлуд-1: 55об.]. Эта форма имени «литовская». Варианты **июдашъ** или **юдашь** известны, например, в переводной с польского повести о страстях Христовых в западнорусском сборнике конца XV в. [3, с. 269]. Старшие рукописи ТП с этой глоссой относятся к концу XV – началу XVI в. и восходят к общему протографу несколько более раннего времени: очевидно, конца XV в. Тогда же начался и продолжился в XVI в. переход русских рукописей ТП в письменность Литовской Руси.

Украинский список Толковых Пророчеств середины XVI в. с глаголицей

К настоящему времени выявлены 13 списков ТП с глаголицей конца XV – первой четверти XVIII в. Они содержат всего 142 примера глаголицы, восходящих к ТП 1047 г. попа Упыря Лихого и их старославянскому источнику. Число глаголических примеров колеблется в разных рукописях от одного до 97 [4, с. 769–780]. 12 из этих списков — русские, и только один, ранее не изучавшийся, — украинский середины XVI в. [Ег-87] (его описание см.: [5, с. 229–232]).

Бо́льшая часть книги Ег-87 переписана одним почерком — неровным полууставом с прыгающими буквами. В тексте много ошибок, искажений и помарок. Последние 19 листов с небольшим (начиная с Дан 2: кон. 48) переписаны «литовской» скорописью (л. 375об. – 395). По совокупности языковых признаков рукопись следует считать украинской. Видна неуверенность писца в выборе **ѣ** и **и**. Однажды он объединил эти буквы: **разꙋмѣи҆ѣть** (Авв 3: 11, толк.) (л. 59), в другой раз написал **ѣꙗ** над **и҆мнѧхоу** (Ис 58: 1–2, толк.) (л. 177), ещё в одном случае исправил первую и на **ѣ**: **оукрипити рꙋцѣ** (Ис 13: 22) (л. 232). Чаще **ѣ** смешивается с **и: не не вировати** (Ис 55: 8–10, толк.) (л. 172), реже — наоборот: **свѣтокъ** (Ис 8: 1) (л. 108) и т.п. Мягкий [r'] отвердел: **прамо** (Иез 11: 22–23, толк. и 11: 23) (л. 226об.), **оузрать** (Иез 12: 13, толк.; 13: 11–12, толк.; 17: 24, толк.) (л. 228, 230об., 245об.), **в рызꙋ** (Иез 18: 7) (л. 246) и мн. др. Изредка встречается аканье: **оу҆карыізны** (Иер 38: 19–28, толк.) (л. 346об.). Характерное для белорусского и русского языков, оно известно также в переходных украинских говорах.

Ег-87 восходит к русскому источнику и повторяет его текстовые и палеографические особенности. В Ег-87 стих Иез 48: 4 разделён большой вставкой отрывка Иез 45: 12–25 и всей главы 46: 1–24 (л. 323–326). Выходная запись 1047 г. Упыря Лихого отсутствует, но следующий за ней ономастикон остался (л. 394об. – 395). В нём допущена ошибка в объяснении имени Иона: **глубина** вм. **голѫбь** (л. 394об.). Обе эти особенности унаследованы от общего восточнославянского протографа не позднее начала XII в. и повторяются во всех русских списках (не считая единичных случаев правки перепутанных текстов в Иез в XVI–XVII вв.). Из позднейших добавлений в Ег-87 следует отметить восполнение по Паримийнику пропуска древнеболгарского архетипа в Иер 1: 1–8, 11–17 и 2: кон. 1–12 (л. 328об. – 329) [6, с. 22]. Эта вставка впервые появилась, очевидно, в Московской редакции ТП 1492 г. [7, с. 47].

[1] Шифры рукописных источников раскрыты в конце статьи.

В Ег-87 всего 57 примеров глаголицы (л. 37об., 38, 42–43, 46об. – 47об., 55об. – 56об., 60, 60об., 77об., 95об., 99, 99об., 113, 123об., 128об., 129об., 352) (рис. 1, 2). Среди них нет ни одного индивидуального чтения. Все они известны в более ранних русских рукописях ТП. В ряде случаев глаголица искажена или неверно транслитерирована. Позднейшие переписчики не знали её. Они часто действовали по догадке, по аналогии с кирилловскими буквами и не придавали значения важным графическим деталям. Поэтому, например, глаголическая **ꙗ** потеряла оба хвоста и превратилась в кирилловскую **ꙗ**: **ꙗѣсть** (Мих 2: 6–7, толк.) (л. 42) вм. **ꙗѣсть** [Чуд-183: 54об.; Сол-694/802: 56об.].

Дважды глаголическая заглавная **ь** была неверно прочитана как **ѩ** (**Д**), отделена от слова и превращена в частицу: **ѩа разоумѣвъ** (Мих 2: 13, толк.) (л. 42об.) вм. **Разꙋмѣвъ** [Чуд-183: 55об.; Арх-Д63: 36об.; Сол-694/802: 57; Унд-1297: 36об.] и в сильно искажённом чтении: **Да ѐгитавшесѧ** (Иез 16: 48–50, толк.) (л. 241) вм. **ьаспитавъшесѧ** [Чуд-184: 254об.; Арх-Д63: 152об.; Син-300: 204а; ТСЛ-89: 144об.; Ув-334: 233об.; Чуд-182: 197в]. Только в первом примере в протографе ТП **ь** писалась с декоративным хвостом слева, делающим её похожей на остроконечные **ѩ** в двух предшествующих словах **ѩоухъ** (Мих 2: 11 и 2: 11, толк.) [Чуд-183: 55; Арх-Д63: 36об.; Ег-87: 42об.; Муз-4094: 43; Сол-694/802: 57; Унд-1297: 36об.] (см. рис. 2). В новгородском списке 1492 г. эта **ь** с загнутым хвостом ничем не отличается от упомянутых **ѩ** [Сол-694/802]. Точно так же она пишется и в Ег-87, где её переосмыслили в частицу (см. рис. 2). Между прочим, в Ег-87 **ѩ** в **ѩоухъ** была ошибочно транслитерирована более светлыми, чем у писца, чернилами. В обоих случаях после **ѩ** вписаны буквы **л** (Мих 2: 11 и 2: 11, толк.) (л. 42об.). Так **ѩоухъ** превратился в **слоухъ**. Писавший не знал глаголицы и руководствовался ложно понятым смыслом текста.

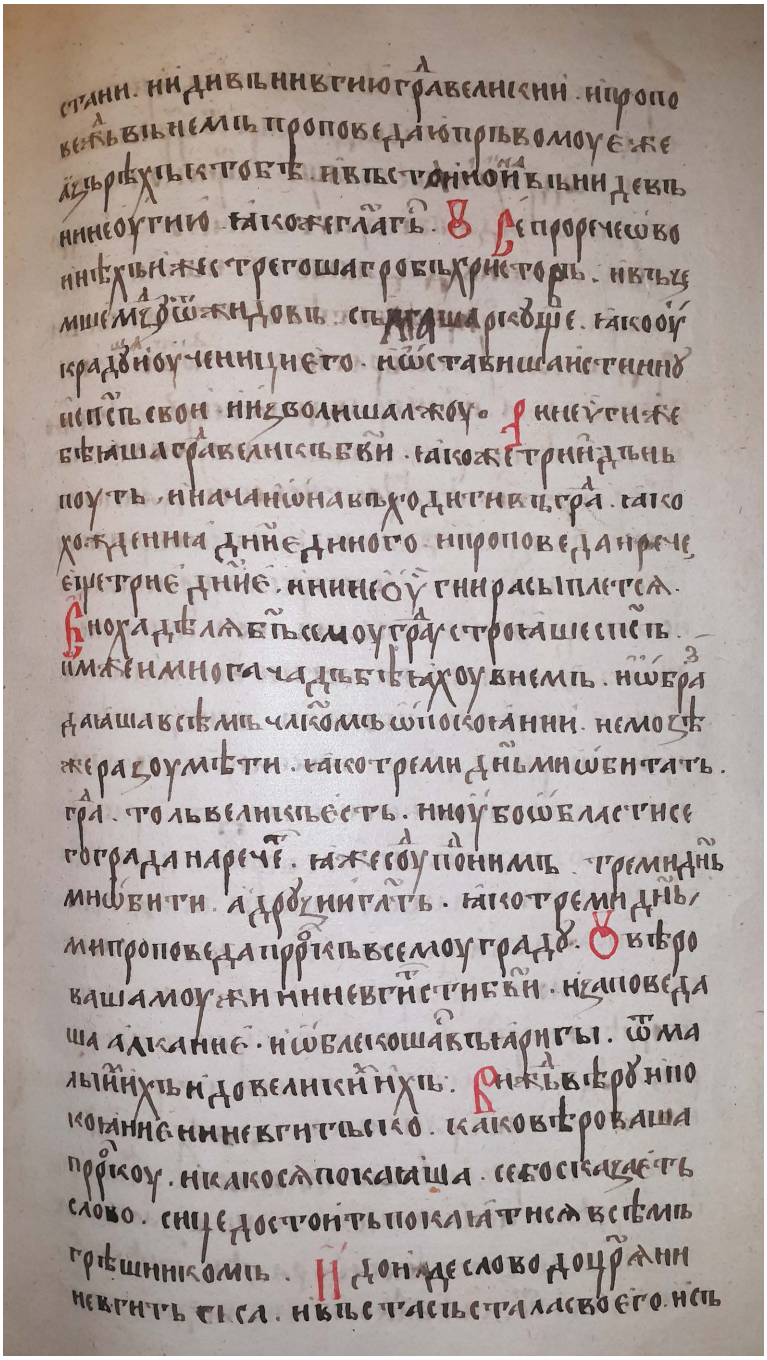


Рис. 1. Ег-87, л. 38. Глаголические заглавные буквы

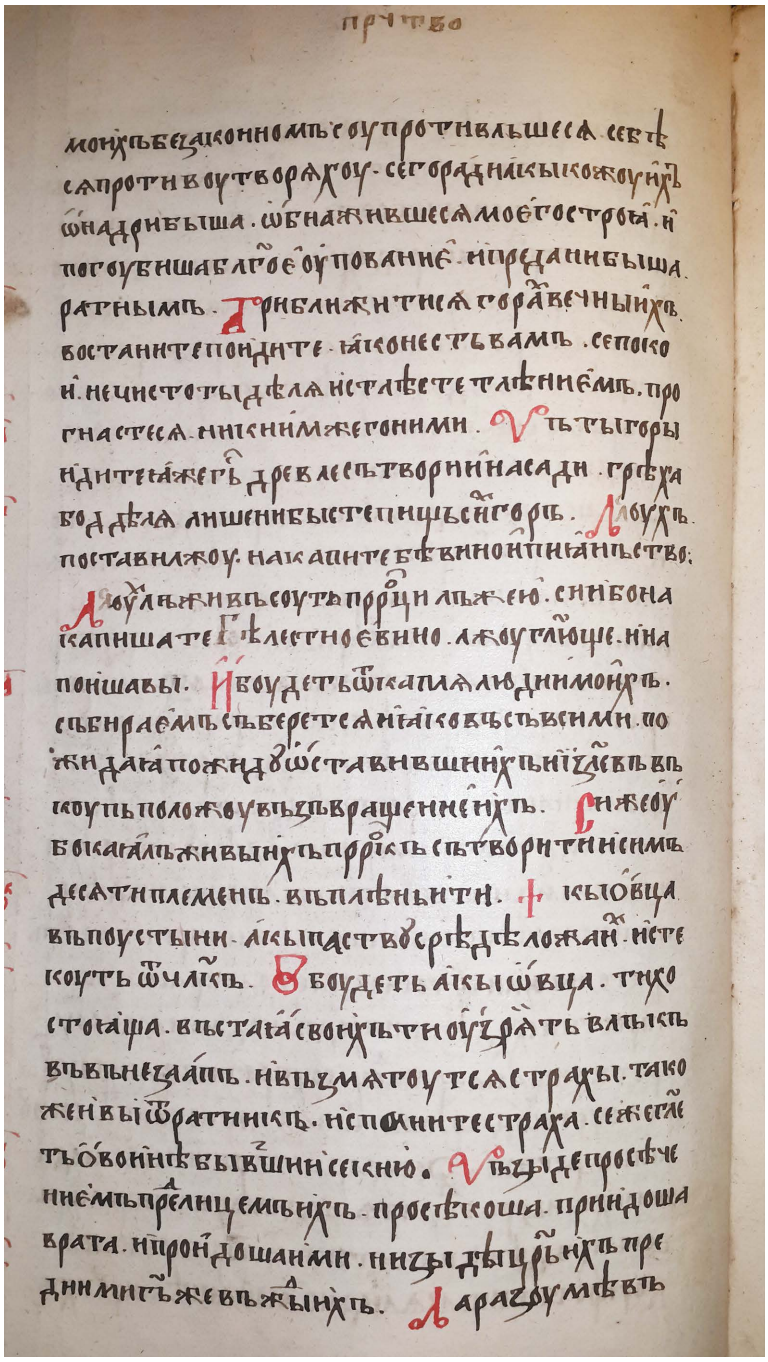


Рис. 2. Ег-87, л. 42об. Глаголические заглавные буквы

В Ег-87 на месте глаголических букв в русских ТП встречаются пропуски: ѧ (заголовок жития после Авв) (л. 60), ꙗ (Ис 15: 1) (л. 130об.) и ошибки транслитерации. Чтение **Ꙋнога** [Сол-694/802: 51об.], **Мно́га** [Чуд-184: 45об.; ТСЛ-89: 24об.] превратилось в **ѐноха** (Иона 3: 3–4, толк.) (л. 38). Если это только не случайное искажение, то ошибку можно объяснить произношением фрикативного [γ] или фарингального, гортанного [ɦ], свойственных живой украинской и белорусской речи. Переписчик написал в начале строки **ноха** и оставил свободное место для киноварной заглавной буквы, которую должен был вписать рубрикатор. Но тот, видя **ноха**, понял его как имя собственное Енох. Основной писец Ег-87 вообще нередко допускал грубые ошибки, например: **носѧ вьсоты** (Иона 2: 4) (л. 37об.) вм. **Ꙋьсѧ высоты** [Чуд-184: 45; Арх-Д63: 33; Муз-4094: 38; Сол-694/802: 50об.; ТСЛ-89: 24; Чуд-183: 48об.].

По составу глаголицы и глаголическим начертаниям Ег-87 обнаруживает зависимость от русского источника. По этим признакам ему наиболее близки ТП конца XV в. Сол-694/802 и Арх-Д63, Чуд-184 и ТСЛ-89, а также Чуд-183 и Муз-4094. Первые четыре списка относятся к геннадиевской группе ТП. Сходство с ними Ег-87 простирается иногда до мелочей. В 1492 г. у новгородского переписчика Сол-694/802 были сомнения в выборе начала толкования: **Ꙋ сѐ прорече** (Иона 3: 3, толк.) [Чуд-183: 49; Арх-Д63: 33; Ег-87: 38; Сол-694/802: 51]. Дело в том, что оно начинается обычно местоимением **Ꙗе** в русских и южнославянских рукописях [Чуд-184: 45об.; ТСЛ-89: 24об.], но иногда встречается **И сѐ** [Чуд-182: 31б; Син-300: 36б; Унд-1297: 32об.]. В Сол-694/802 написаны киноварью через пробел две заглавные буквы: **Ꙋ Ꙗе**, но глаголическая **Ꙋ** почти в два раза меньше **Ꙗ**. Ясно, что сначала писец написал **Ꙗ**, а потом после раздумья вставил маленькую **Ꙋ**. Ег-87 повторяет обе киноварные заглавные буквы русского источника: **Ꙋ Ꙗе́** (л. 38) (см. рис. 1).

Первоначальное чтение причастия **ѧъказаѧ҃** (Мих 2: 5, толк.) [Сол-694/802: 56; Арх-Д63: 36] переосмыслено в личную форму глагола в русском списке конца XV в.: **ѧъказꙋю** [Чуд-183: 54об.]. Ошибка привела к ещё большему искажению в Ег-87: **ѧъказанию҆** (л. 42). Затем над киноварной **ѧ** были поставлены такой же киноварью, очевидно, рукой писца знак ударения (оксия) и левее маленькая **о**. Глаголическая буква была неверно прочитана как **о́**. Писавший не знал глаголицы и руководствовался её сходством с кирилловскими буквами.

Геннадиевские переводы в украинской Дополненной редакции Толковых Пророчеств начала XVII в.

В древнеболгарском переводе ТП комментарии охватывают не все книги и их части. Из малых пророков толкований не имеют Соф (кроме 1: 1–9), Агг, Зах, Мал [2, с. 118; 8, с. 113], из великих — Ис 15–51, Иер 26, 40, 41, Вар (кроме гл. 3), Плач, Посл Иер и Дан [8, с. 113]. В таком виде ТП переписывались более тысячи лет, лишь иногда добавлялись компилятивные толкования на апокалиптическую Дан. Единственная попытка устранить пробелы в Пророчествах и дополнить их толкованиями по разным источникам была сделана в Литовской Руси. Дополненная редакция (далее — ДР) сохранилась в единственном списке, судя по филиграням, начала (10-х гг.) XVII в. [Унд-18] (его описание см.: [9, стб. 19–24]). Ранее рукопись датировали концом XVI в. [9, стб. 19], XVI–XVII в. [10, с. 22, 24; 11, с. XLIX, LXVIII, № 45], а саму ДР — XVI в. [10, с. 22–25; 11, с. XLIX]. Книга переписана разными почерками: полууставом (л. 1–43об.) и «литовской» скорописью (л. 44–279) (рис. 3) с полонизмами: **прцтва҃** (заголовок Сказания к Авд) (л. 202об.), польск. proroctwo и т.п.

Составителем ДР был украинец, говоривший по-польски. Он владел приёмами экзегетики, был начитан в библейской и святоотеческой литературе. Только при солидной подготовке и практической необходимости можно было взяться за толкование столь сложных книг, как Пророчества. Возможно, компилятор происходил из монашеской среды. Во всяком случае, к рассказу о рехавитах, строго соблюдавших завет предков не пить вина, сделана на поле помета почерком писца: **чѣнечи҆ живо҆ мѣти та҃ потреба** (Иер 35: 13–14) (л. 264об.).

Унд-18 содержит много вторичных чтений и позднейших изменений текста. Нередки мелкие сокращения, пропуски, перестановки, ошибки и переосмысления. Язык древнего перевода поновлён и адаптирован. Устранены некоторые архаизмы, произведены лексические замены, на полях добавлены рукой писца пояснительные глоссы. Вот некоторые примеры такой правки: **ѿ... па҃ства** (л. 195) вм. **цр҃тва** (Сказание к Ам) [Чуд-184: 27], укр. *панство*, польск. państwo; **и҆ за҃=засѧ** или **засе** (л. 214) вм. **па́кы҆** (Авв 1: 1–5, толк.) [Чуд-184: 63об.], польск. zasię, чеш. zase; **з'ба҃** вм. **лагꙋ҃скула**, лат. laguncula 'винный мех' в переводе Вениамина (Иер 13: 12) (л. 260об.), укр. *дзбан*, *збан*, польск. dzban, zban; глосса **ме҃каніа** к **покро҃**, лат. tabernaculum 'шатер' (Иер 10: 20) (л. 260), укр. *ме́шкання*, польск. mieszkanie 'жилище' и т.п. Иногда **ѣ** смешивается с **и: ꙋцѣлиша** (Иез 24: 5, толк.) (л. 136), **к сиверꙋ** (Иез 48: 1, 30) (л. 176об., 179об.), **цви҆** (Ос 14: 6) (л. 190об.), а **и** — **с ы: ї҆юдыни҆=ї҆юдины҆** (Иер 1: 15) (л. 255), **море... медытерранеꙋ** (Иез 47: 8—9, толк.) (л. 272об.), лат. mare Mediterraneum и др. Мягкий [r'] отвердел, например: **мора** (Иез 47: 9—10, толк.; 48: 1–2) (л. 175об., 176об.), **сотворꙋ** (Иер 1: 11, толк.) (л. 255). Начальный безударный [i] из *jь утратился перед согласным: **спо҃нитсіа** (Иер 13: 12) (л. 260об.), **мѣти** в глоссе писца (Иер 35: 13–14) (л. 264об.) и т.д.

Редактор разделил Пророчества на две части. В первой из них, на л. 1–221, находится старый перевод с небольшими дополнениями (например, Иез 1: 1–2 на л. 80), но в нем пропущены те книги и места, которые не имеют толкований:

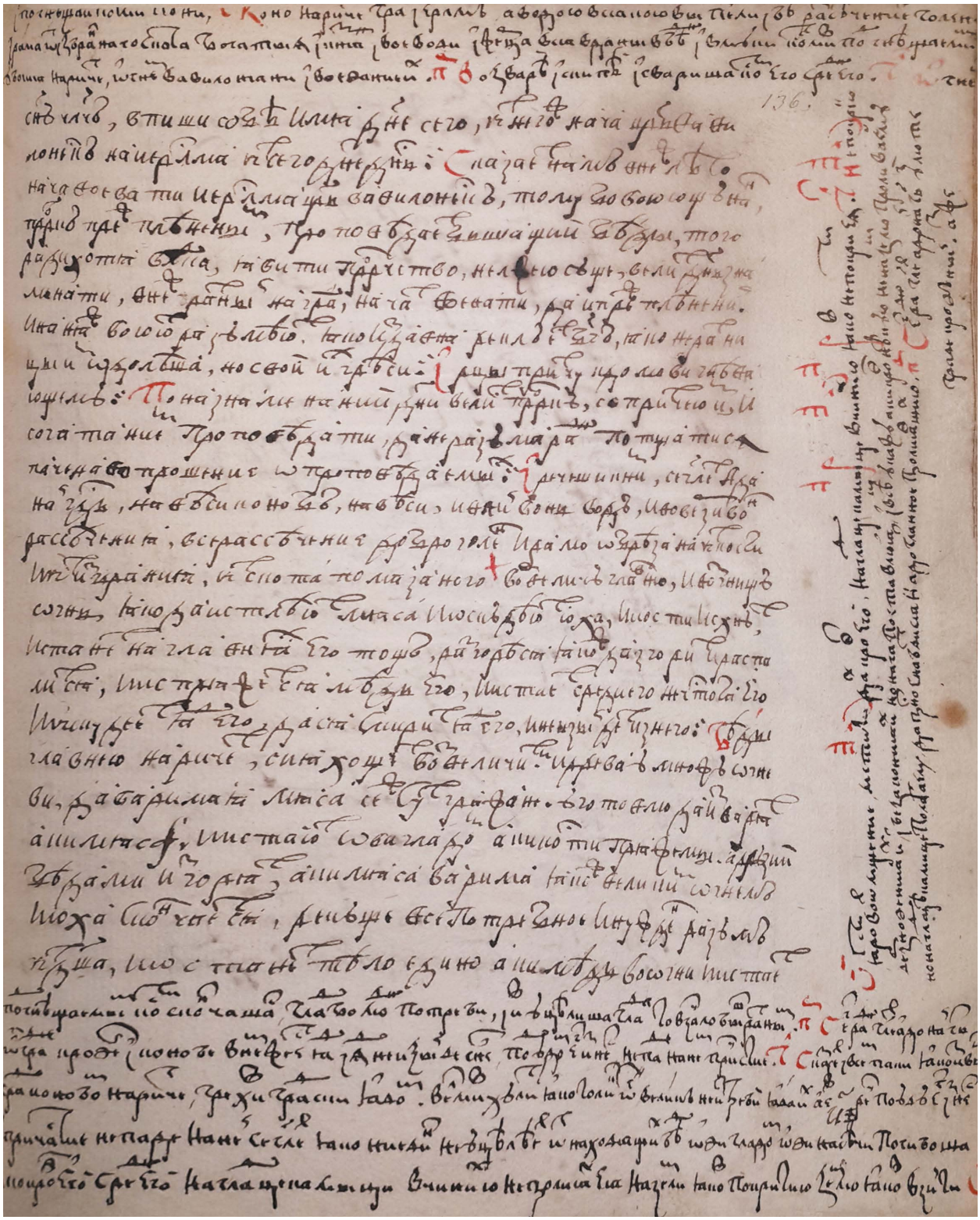


Рис. 3. Унд-18, л. 136. Редакторская правка (устранение пропуска) рукой основного писца

Плач, Дан, Агг, Зах, Мал. По этой причине после Ис 14: 31—32, толк. следует большой пропуск до Ис 52 (л. 40об.). Иер начинается с 28: 12 (л. 64), так как в архетипе древнеболгарского перевода в Иер отсутствовало начало до 25: 15, а в следующем отрывке до 28: 12 не было толкований (кроме заключительного «ска-

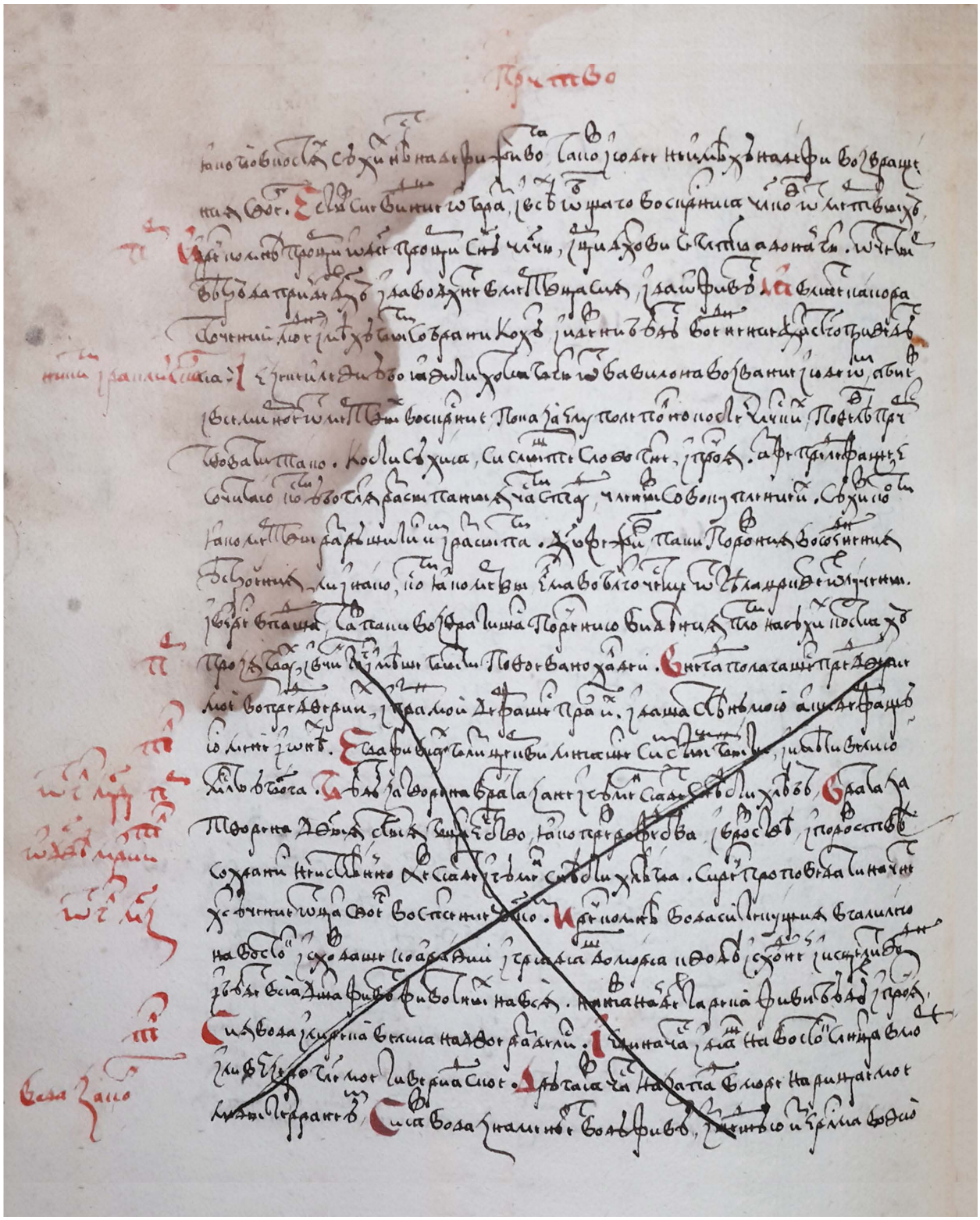


Рис. 4. Унд-18, л. 272об. Почерк основного писца, предполагаемого редактора

за» к Иер 47), и т.п. Порядок пророческих книг изменён. Сначала идут великие пророки, а потом — малые, заканчиваясь Соф (л. 219–221), хотя из трёх глав в Соф прокомментирована только первая половина первой главы, стихи 1–9.

Вторая, меньшая по объёму часть на л. 221об. – 279 озаглавлена «Сии Проро-

чества от различных учителей собраны». Здесь помещены толкования на многие непрокомментированные места и сделаны дополнения к старым толкованиям. На полях приводятся ссылки на использованные источники и глоссы, пояснения к тексту. Так, имя Саваофа 'Господь воинств' точно объяснено: **сло҃ еврѣ́ское ска҃уетсѧ цр҃ь воемъ** (Ис 6: 5) (л. 229). Среди источников новых толкований были святоотеческие творения, сочинения митрополита Киевского Григория Цамблака, между прочим, в первой и второй части (Иез 44: 1–3; Ис 1: 15) (л. 173, 222об.), предисловие Ф.Скорины к его пражскому изданию 1519 г. Дан (л. 277–279), польская Брестская Библия 1563 г. (л. 274–277). Последние две статьи определил и издал И.Е.Евсеев [10, с. 22–24, 38–44; 11, с. XLIX–L, LXVIII–LXIX, № 45]. Однако он не заметил в Унд-18 переводов из Вульгаты, выполненных в кружке архиепископа Новгородского Геннадия в начале 90-х гг. XV в.

Между тем этот факт имеет важное значение. Унд-18 — единственная известная ныне «литовская» рукопись ТП с геннадиевскими переводами. Во второй части ДР тексты, которых не было в архетипе древнеболгарских ТП (Иер 1–25 и 46–52: 3), даны в переводе монаха-доминиканца Вениамина из Вульгаты (л. 255–263, 265–266об.), но не полностью, а в отрывках, избранных для толкования. Эти переводы Вениамина перешли из Геннадиевской Библии 1499 г. в Острожскую 1580–81 гг., где их отредактировали [2, с. 98].

Компилятор не пользовался ни ТП в окончательной редакции Библии 1499 г., ни острожским изданием Ивана Фёдорова, хотя оно получило очень широкое распространение. Так, чтение ДР **и҆ско-паша собѣ гꙋстѣ́ны** (лат. cisternas 'водоемы') с маргиналией **кладезѝ** (Иер 2: 13) (л. 255) точно соответствует переводу Вениамина в сборнике 60-х гг. XVI в. [Пог-84: 80об.], копии геннадиевской рукописи не ранее августа 1493 г. Такое же чтение и в Библии 1499 г., но глосса исключена [Син-915: 514об.]. В острожском издании маргиналия также отсутствует, а хорватизм Вениамина **гꙋстѣ́ны** (gùstērna от лат. cisterna) заменён церковнославянским **кладен'ца** [12, л. 94б]. В ДР сохранены и другие латинизмы Вениамина: **колонꙋ** (лат. colonus 'переселенец'), глосса **поро҃ны** (Иер 14: 8) (л. 261), **легато҃** (лат. legatus 'посол, вестник'), маргиналия **посе҃ство** (Иер 49: 14) (л. 265об.), а в Острожской Библии они заменены: **пришле́цъ** [12, л. 100б], **посолъ** [12, л. 116б] и т.п.

Источником ДР был геннадиевский список ТП с переводами из Вульгаты (Иер 1–25 и 46–52: 3) в ранней версии, близкой сборнику Пог-84 с маргиналиями, не попавшими в беловой список Библии 1499 г.[1] Этот источник восходил к древнему протографу ТП не позднее начала XII в., общему с другими восточнославянскими (главным образом, русскими) рукописями. В этом протографе, очевидно, при его переплетании отрывок Иез 45: 12–25 и вся глава 46: 1–24 попали по ошибке в стих Иез 48: 4 и разорвали его. В геннадиевском кружке не стали возвращать перепутанные тексты на свои места, и Вениамин перевёл полностью 45-ю и 46-ю главу. В Острожской же Библии фрагмент Иез 45: 12–25 и 46: 1–24 остался в старом переводе, но его извлекли из Иез 48: 4 и вернули на своё место [2, с. 107]. ДР повторяет старую путаницу в Иез (л. 176об. – 178об.), сохранённую почти всеми русскими списками (там, где её нет, — вторичное чтение).

Можно предположить, что ДР появилась после Брестской Библии 1563 г. и до острожского издания 1580–1581 гг. Тогда список Унд-18 начала XVII в. должен быть более поздней копией авторской рукописи, а это, судя по всему, не так. Замы-

[1] Между прочим, Т.Н. Копреева считала, что, работая над Библией (Прага, 1517–1519 гг.), Ф. Скорина «имел в своём распоряжении какой-то список новгородского перевода, близкий по редакции к Погодинскому сборнику № 84» [13, с. 64].

сел ДР не был доведён до конца. Компилятор не устранил всех пробелов в толкованиях. Он подобрал комментарии на разные места из великих пророков: Ис (л. 221об. – 255), Иер (л. 255–266об.), Вар (л. 266об. – 267), Плач (л. 267–267об.), Иез (л. 267об. – 273, 274) и Дан (л. 274–279). Однако писания малых пророков — Соф (2–3), Агг, Зах, Мал — так и остались непротолкованными. Вся книга и её вторая часть в особенности производят впечатление рабочих материалов, черновых заметок [9, стб. 24]. Многие стихи сокращены, не дописаны, нередко заканчиваются указанием **і прⷪ** (л. 223об., 225об., 226об., 228, 256, 271об. – 272об., 274).

После пропуска отрывка Иер 48: кон. 31–35 указано: **і прⷪ. а҃ до ко҃ца тое главы** (л. 274). В другом месте дана неточная отсылка вместо толкования: **І на ве҃ корабль моский.** (Ис 2: 16) **т҃ о҃ се҃ зри в книга҃ а҃ паралипоме҃, г҃ і҃.** (л. 223об.). Но в 1Пар 10 рассказывается о гибели Саула, а о кораблях — во 2Пар 8: 18; 9: 21; 20: 36–37. Новые толкования были подобраны, очевидно, основным писцом книги Унд-18 [9, стб. 22], переписавшим их лично и правившим себя (рис. 4) и своих товарищей по работе (восполнение пропуска на полях л. 136) (см. рис. 3). Поэтому ДР следует датировать временем создания её единственного списка — началом (10-ми гг.) XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калугин В.В. Еврейские кирилловские глоссы конца XV в. в русских списках Толковых пророчеств и Библии Матфея Десятого // Palaeoslavica. Cambridge (Massachusetts), 2017. Vol. 25. № 1. С. 13–24.
2. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1.
3. Карский Е.Ф. Западнорусский сборник XV в. Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге Q. I. № 391 // Карский Е.Ф.Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 263–315.
4. Калугин В.В. Из истории глаголицы в Древней Руси. (Толковые пророчества 1047 года) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 769–805.
5. Анисимова Т.В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. М., 2017. Т. 1.
6. Мострова Т. Старобългарският превод на книгата на пророк Иеремия по преписи от XIV–XVI век // Palaeobulgarica / Старобългаристика. София, 1995. Т. 19. Кн. 2. С. 9–26.
7. Калугин В.В. Московская редакция Толковых пророчеств 1489 года дьяка Василия Мамырёва // Palaeoslavica. Cambridge (Massachusetts), 2018. Vol. 26. № 1. С. 36—55.
8. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1857. Отд. 2. Ч. 1.
9. Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по 579-й. М., 1870.
10. Евсеев И.Е. Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания. V. Толкования на книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской письменности // Древности. Труды Славянской комиссии имп. московского Археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 1–44.
11. Евсеев И.Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
12. Библия. Острог, 12.8.1581 г. / Фототип. переизд. текста с изд. 1581 г. под набл. И.В. Дергачёвой. М.; Л., 1988.
13. Копреева Т.Н. Франциск Скорина и русская рукописная книжная традиция XV в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Фёдоровские чтения. 1977 г. М., 1979. С. 61–70.

ШИФРЫ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арх-Д63 — ТП Особой редакции. 90-е гг. XV в. БАН, Архангельское собр., № Д63.
2. Барс-10 — ТП (без нач. и кон.). Кон. XV – нач. XVI в. ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 10.
3. Ег-87 — ТП. Сер. XVI в. ОР РГБ, собр. Е.Е. Егорова (ф. 98), № 87.
4. Ег-1712 — ТП. Кон. XVI – нач. XVII в. ОР РГБ, собр. Е.Е. Егорова (ф. 98), № 1712.
5. Муз-4094 — ТП. Кон. 80 – нач. 90-х гг. XV в. ОР РГБ, собр. Музейное (ф. 178), № 4094.
6. Пог-84 — Ветхозаветный сборник с переводами из Вульгаты. 60-е гг. XVI в. РНБ, собр. М.П. Погодина, № 84.
7. Рум-28 — Ветхозаветный сборник. Сер. (кон. 2-й четв.) XVI в. ОР РГБ, собр. Н.П. Румянцева (ф. 256), № 28.
8. Син-118 — ТП. 2-я четв. XVII в. ГИМ, Синодальное собр., № 118.
9. Син-300 — ТП. Сер. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 300.
10. Син-577 — ТП. 1-я тр. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 577.
11. Син-915 — Геннадиевская Библия. 1499 г. ГИМ, Синодальное собр., № 915.
12. Сол-694/802 — ТП Геннадиевской редакции. 1492 г. РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 694/802.
13. ТСЛ-89 — ТП Геннадиевской редакции. 90-е гг. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 89.
14. Ув-334 — ТП. Кон. XV – нач. XVI в. ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 334. 1°.
15. Унд-18 — ТП Дополненной редакции. Нач. (10-е гг.) XVII в. ОР РГБ, собр. В.М. Ундольского (ф. 310), № 18.
16. Унд-1297 — ТП Особой редакции. ОР РГБ, собр. В.М. Ундольского (ф. 310), № 1297.
17. Хлуд-1 — ТП и Апокалипсис. 60–80-е гг. XVI в. Серб. ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 1.
18. Чуд-182 — ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 182.
19. Чуд-183 — ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 183.
20. Чуд-184 — ТП Основной редакции. Нач. 90-х гг. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 184.

ENGLISH

Ukrainian Copies of the Explanatory Prophesies (XVI — the Early XVII Century) and Their Russian Protographs

Vasilii Vasil'evich Kalugin — Doctor of Philological Science, Professor of the M.V. Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project "The Explanatory Prophesies in Context of Literature and Writing System of the Ancient Rus" (18-012-00142a).
E-mail: vasiliykalugin@mail.ru

Based on the East Slavic manuscripts of The Explanatory Prophesies, the author evaluated book links between the Moscow and the Lithuanian Rus. Two Ukrainian copies of The Explanatory Prophesies related to the middle of the XVI century and the beginning of the XVII century were studied. For the first time the author revealed their relationship with Russian protographs (i.e., Glagolitic manuscripts of The Explanatory Prophesies (the late XV century) and the Vulgate translated by Gennadius's, archbishop of Novgorod, group in the early 90s of the XV century).

Keywords: edition, protograph, master copy, copy, reading, the Glagolitic script

REFERENCES

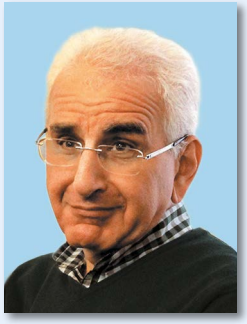
1. Kalugin V.V. Evreyskie kirillovskie glossy kontsa XV v. v russkikh spiskakh Tolkovykh prorochestv i Biblii Matfeya Desyatogo // Palaeoslavica. Cambridge (Massachusetts), 2017. Vol. 25. № 1. S. 13–24 (in Russian).
2. Gorskiy A.V., Nevostruev K.I. Opisanie slavyanskikh rukopisey moskovskoy Sinodal'noy biblioteki. M., 1855. Otd. 1 (in Russian).
3. Karskiy E.F. Zapadnorusskiy sbornik XV v. Imperatorskoy Publichnoy biblioteki v S.-Peterburge Q. I. № 391 // Karskiy E.F. Trudy po belorusskomu i drugim slavyanskim yazykam. M., 1962. S. 263–315 (in Russian).
4. Kalugin V.V. Iz istorii glagolitsy v Drevney Rusi. (Tolkovye prorochestva 1047 goda) // TODRL. SPb., 2016. T. 64. S. 769–805 (in Russian).
5. Anisimova T.V. Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E.E. Egorova. M., 2017. T. 1 (in Russian).
6. Mostrova T. Starob"lgarskiyatprevod na knigatanaprorok Ieremiya po prepisi ot XIV–XVI vek // Palaeobulgarica / Starob"lgaristika. Sofiya, 1995. T. 19. Kn. 2. S. 9–26.
7. Kalugin V.V. Moskovskaya redaktsiya Tolkovykh prorochestv 1489 goda d'yaka Vasiliya Mamyryova // Palaeoslavica. Cambridge (Massachusetts), 2018. Vol. 26. № 1. S. 36—55 (in Russian).
8. Gorskiy A.V., Nevostruev K.I. Opisanie slavyanskikh rukopisey moskovskoy Sinodal'noy biblioteki. M., 1857. Otd. 2. Ch. 1 (in Russian).
9. Slavyano-russkie rukopisi V.M. Undol'skogo, opisannye samim sostavitelem i byvshim vladel'tsem sobraniya, s № 1-go po 579-y. M., 1870 (in Russian).
10. Evseev I.E. Zametki po drevneslavyanskomu perevodu Sv. Pisaniya. V. Tolkovaniya na knigu proroka Daniila v drevneslavyanskoy i starinnoy russkoy pis'mennosti // Drevnosti. Trudy Slavyanskoy komissii imp. moskovskogo Arkheologicheskogo obshchestva. M., 1902. T. 3. S. 1–44 (in Russian).
11. Evseev I.E. Kniga proroka Daniila v drevneslavyanskom perevode. M., 1905.
12. Bibliya. Ostrog, 12.8.1581 g. / Fototip. pereizd. teksta s izd. 1581 g. pod nabl. I.V. Dergachyovoy. M.; L., 1988 (in Russian).
13. Kopreeva T.N. Frantsisk Skorina i russkaya rukopisnaya knizhnaya traditsiya XV v. // Belorusskiy prosvetitel' Frantsisk Skorina i nachalo knigopechataniya v Belorussii i Litve. Fyodorovskie chteniya. 1977 g. M., 1979. S. 61–70 (in Russian).

MANUSCRIPT SOURCES

1. Arkh-D63 — ComPr Special Ed. 1490-s. Library of the Rus. Ac. of Sc., Arkhangelskoe Coll., No D63.
2. Bars-10 — ComPr (without begin. and ending). Late XV – early XVI cent. State Historical Museum, E.V. Barsov Coll., No 10.
3. Eg-87 — ComPr. Mid. XVI cent. Man. Dep., Russian State Library, E.E. Egorov Coll. (coll. 98), No 87.
4. Eg-1712 — ComPr. Late XVI – early XVII cent. Man. Dep., Russian State Library, E.E. Egorov Coll. (coll. 98), No 1712.

5. Mus-4094 — ComPr. Late 1480-s – early 1490-s. Man. Dep., Russian State Library, Museinoe Coll. (coll. 178), No 4094.
6. Pog-84 — Old Testament Collection with translations from the Vulgate. 1560-s. Russian National Library, M.P. Pogodin Coll., No 84.
7. Rum-28 — Old Testament Collection. Mid. (late second quarter) XVI cent. Man. Dep., Russian State Library, N.P. Rumyantsev Coll. (coll. 256), No 28.
8. Syn-118 — ComPr. Second quarter XVII cent. State Historical Museum, Synodalnoe Coll., No 118.
9. Syn-300 — ComPr. Mid. XVI cent. State Historical Museum, Synodalnoe Coll., No 300.
10. Syn -577 — ComPr. First third XVI cent. State Historical Museum, Synodalnoe Coll., No 577.
11. Syn -915 — Gennady Bible. 1499. State Historical Museum, Synodalnoe Coll., No 915.
12. Sol-694/802 — ComPr Gennady Ed. 1492. Russian National Library, Solovetsky Monastery Coll., No 694/802.
13. TSL-89 — ComPr Gennady Ed. 1490-s. Man. Dep., Russian State Library, Trinity-Sergiev Lavra Coll. (coll. 304.I), No 89.
14. Uv-334 — ComPr. Late XV – early XVI cent. State Historical Museum, A.S. Uvarov Coll., No 334. 1°.
15. Und-18 — ComPr Added Ed. Early (1610-s) XVII cent. Man. Dep., Russian State Library, V.M. Undolsky Coll. (coll. 310), No 18.
16. Und-1297 — ComPr Special Ed. Man. Dep., Russian State Library, V.M. Undolsky Coll. (coll. 310), No 1297.
17. Khlud-1 — ComPr and Apocalypse. 1560-s – 1580-s. Serb. State Historical Museum, A.I. Khludov Coll., No 1.
18. Chud-182 — ComPr. Late XV cent. State Historical Museum, Chudovskoe Coll., No 182.
19. Chud-183 — ComPr. Late XV cent. State Historical Museum, Chudovskoe Coll., No 183.
20. Chud-184 — ComPr Main Ed. Early 1490-s. State Historical Museum, Chudovskoe Coll., No 184.

УДК 78.01
ГРНТИ 18.41.07
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-129-143



Л.О. АКОПЯН*

Музыка Д.Д. Шостаковича как объект герменевтики

В статье рассматриваются различные модели музыкальной герменевтики и оценивается их результативность по отношению к музыке Д.Д. Шостаковича, специфика которой делает её излюбленным объектом герменевтических толкований. Сравнительный анализ многообразных опытов по выявлению скрытого смысла в произведениях Шостаковича позволяет сделать определённые выводы относительно научной и познавательной ценности различных подходов к герменевтике творчества Шостаковича и, шире, к герменевтике музыки вообще. Особое внимание уделено расшифровке загадочных ассоциаций в двух произведениях Шостаковича — Десятой симфонии и Сонате для альта и фортепиано.

Ключевые слова: Шостакович, герменевтика, этимология, Десятая симфония, Восьмой струнный квартет, Четырнадцатая симфония, Пятнадцатая симфония, Соната для альта и фортепиано

Музыка Дмитрия Дмитриевича Шостаковича (1906–1975) (рис. 1), одного из крупнейших композиторов XX в., обладает особого рода коммуникативностью — она явно нацелена на слушателя, способного понять скрытые в ней смыслы, зашифрованные без помощи слов в структуре мотивов и тем, в их сочетаниях и чередованиях. Один из самых непримиримых критиков Шостаковича советский музыковед Юлий Кремлёв (1908–1971) неодобрительно, но вполне обоснованно заметил: «Произведения [Шостаковича] нередко проникнуты какими-то загадочными и непонятными непосвящённым слушателям ассоциациями» [1]. Поиск и угадывание таких ассоциаций с некоторых пор превратились в излюбленное занятие пишущих о его музыке. Сравнительный анализ многообразных опытов в этом направлении, осуществлённых с разной степенью убедительности и профессионализма, подводит нас к определённым выводам относительно перспективности различных подходов к герменевтике творчества Шостаковича и, шире, к герменевтике музыки вообще.

* **Акопян Левон Оганесович** — доктор искусствоведения, заведующий сектором теории музыки Государственного института искусствознания, руководитель проекта «Творчество Д.Д. Шостаковича как феномен отечественной и мировой культуры» (16-04-00367а).
E-mail: levonh451@yandex.ru

Рис. 1. Д.Д. Шостакович. Портрет работы Т. Салахова. 1974–1976

Модели музыкальной герменевтики

Идею музыкальной герменевтики как особой ветви музыкознания в самом начале XX в. выдвинул немецкий учёный Г. Кречмар (1848–1924), а на российской почве её подхватила С.Н. Беляева-Экземплярская (1895–1973), чья статья на данную тему была опубликована в 1927 г. [2]. Хотя термин «герменевтика» с тех пор получил широкое хождение в музыковедческой литературе, его употребление представляется недостаточно отрефлексированным. Вообще говоря, элемент герменевтики — т.е. извлечения и толкования смыслов, вложенных в музыку её создателем, — содержится едва ли не в любом музыковедческом исследовании, если только оно не ограничено решением чисто технических проблем. Но часто он оказывается «вольным» дополнением к собственно музыкальному анализу. Без герменевтического элемента анализ может быть неполноценен или малоинтересен. Но при этом вполне обычна ситуация, когда герменевтическое толкование результатов анализа грешит произвольностью и эклектизмом. На сегодняшний день можно говорить, по-видимому, о нескольких возможных моделях музыкальной герменевтики, различия между которыми определяются исследовательскими установками. Эти установки не исключают одна другую; скорее даже наоборот, мало кто придерживается той или иной из них в чистом виде.

Первая модель уподобляет музыкальную герменевтику биографике или психоанализу. Практика выискивания автобиографических подтекстов в произведениях выдающихся композиторов известна слишком хорошо и, казалось бы, в значительной степени дискредитирована. Тем не менее она не теряет своей притягательности. Наследие Шостаковича выступает для неё излюбленным объектом. Этому во многом способствовала публикация пресловутого «Свидетельства» — так называемых мемуаров Шостаковича, скомпилированных и, судя по всему, отчасти сфальсифицированных С. Волковым [3]. Герой «Свидетельства» предстаёт беспощадным критиком советского режима, и под влиянием этого документа самые радикальные из толкователей его музыки, например британский литератор Иэн Мак-Доналд [3], слышат музыку Шостаковича как один сплошной обвинительный акт против советской власти. По Мак-Доналду, чуть ли не весь Шостакович — о Сталине и об угнетённом им народе, причём фигура Сталина обрисовывается музыкой в чётных размерах 2/4 или 4/4, тогда как размер 3/4 приберегается для изображения народа.

Поздняя литература о Шостаковиче — как русскоязычная, так и зарубежная —

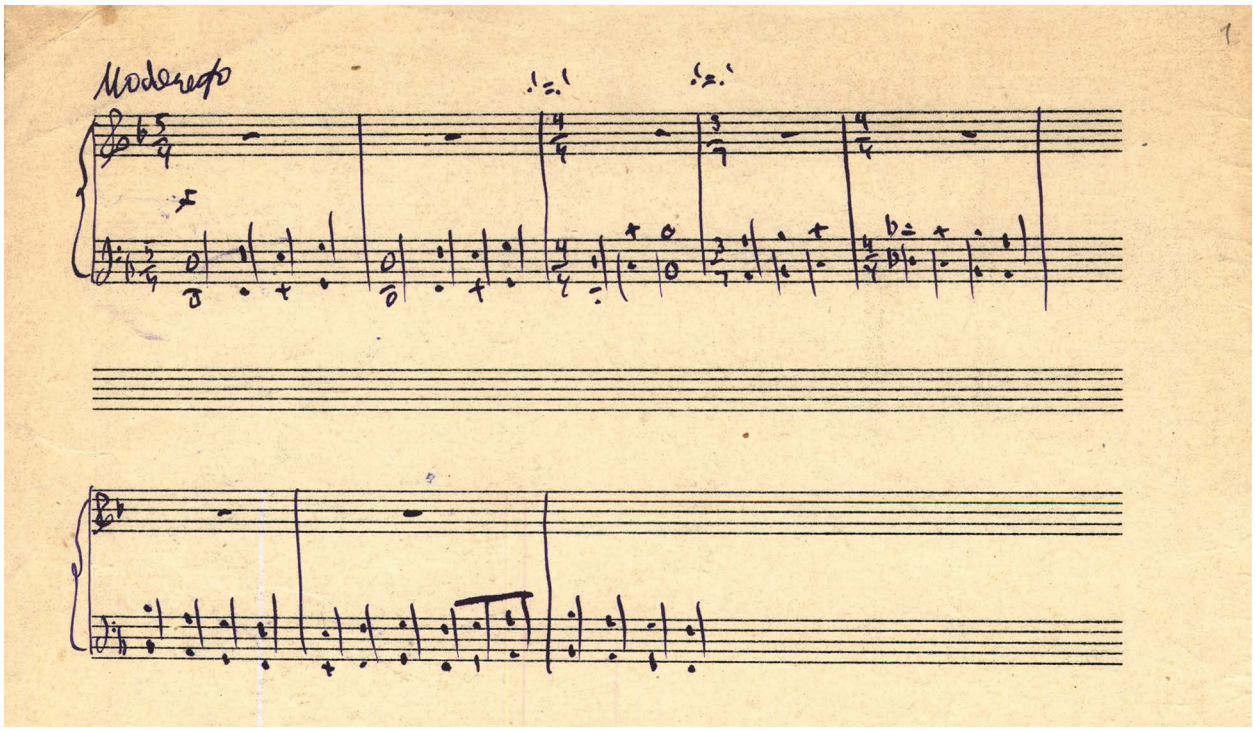


Рис. 2. Набросок начала Двенадцатой симфонии Шостаковича, 1960, факсимиле автографа

переполнена более или менее причудливыми фантазиями на тему об антисталинских и антисоветских подтекстах его музыки. Достаточно упомянуть несколько показательных примеров: в музыке Одиннадцатой симфонии «1905 год» Шостакович изображает не столько русскую революцию 1905 г. и её подавление царскими жандармами, сколько венгерскую революцию 1956 г. и её подавление советскими танками [4, 5]; программное содержание Пятой симфонии — вступление интеллигента в партию, а в «Праздничной увертюре» нарисована язвительная карикатура на Homo sovieticus [6]; Двенадцатая симфония «1917 год», вопреки объявленной программе, представляет собой не столько прославление Ленина, сколько памфлет, направленный против Сталина [7]; сходство начального мотива Двенадцатой симфонии (рукописный набросок первых тактов этой симфонии показан на рис. 2) с одним из мотивов симфонической поэмы Сибелиуса «Лемминкяйнен в Туонеле» свидетельствует о связи симфонии с драмой финской кампании 1939–1940 гг. [8].

Образец биографического толкования иного рода, без политики, но столь же произвольного — трактовка Пятой симфонии сквозь призму увлечения Шостаковича женой кинооператора Романа Кармена (автор усматривает в Пятой симфонии гигантскую парафразу оперы «Кармен») [9]. Встречаются и другие, иногда ещё более курьёзные, «лобовые до пошлости» [10, с. 216] квазигерменевтические экзерсисы, на которых здесь можно не останавливаться; некоторые из них, с остроумными авторскими комментариями, цитируются в [11] (воспроизведено в [12, с. 659–689]). Их общий дефект — принципиальная неопровержимость или, пользуясь терминологией, восходящей к К. Попперу[1], нефальсифицируемость [13, с. 105 и след.] и, значит, научная несостоятельность.

Вторая модель музыкальной герменевтики уподобляет толкование переводу (с иностранного языка на родной) или —

[1] Карл Поппер (1902–1994) — философ науки, выдвинувший идею «фальсифицируемости» (теоретически возможной опровержимости) как основного критерия научной корректности теории в любой области знания.

Рис. 3. Исполнение Седьмой симфонии под управлением К.И. Элиасберга в осаждённом Ленинграде, август 1942 г. Фото Б.П. Кудоярова

имея в виду специфику материала — пересказу музыкального «сюжета» средствами словесного языка. Такая герменевтика может быть эффективна как литературный или педагогический приём, но в качестве метода музыковедческого исследования она также скорее несостоятельна. Очерки Алексея Толстого [14] и Евгения Петрова [15] о Седьмой («Ленинградской») симфонии Шостаковича, написанные под впечатлением от её репетиций, имели познавательное значение, поскольку в доступной форме разъясняли её содержание будущим слушателям (включая тех, кто присутствовал на легендарном исполнении симфонии в блокадном Ленинграде — рис. 3). Иное дело — опубликованный сравнительно недавно цикл «впечатлений», навеянных всеми пятнадцатью симфониями Шостаковича [16]: чистой воды «литературщина», представляющая содержание музыки в грубо вульгаризированной форме, не преследуя при этом никаких практических, популяризаторских целей.

Наконец, ***третья модель*** музыкальной герменевтики нацелена не на квазипсихоаналитическое угадывание подтекстов и намёков или квазилитературный перевод/пересказ, а на обнаружение этимологических связей. Исходя из этимологии термина «этимология», только такой подход и может с полным правом именоваться герменевтическим, так как термин «этимон» (*τὸ ἔτυμον*), происходящий от *ἔτυμα* — «правда», «истина», в античной философской терминологии указывал на истинное значение слова. Такая герменевтика дедуктивна — каждый отдельный случай, в идеале, интерпретируется на основе твёрдого знания всего релевантного материала (в интересующем нас случае — всего корпуса оставленных Шостаковичем текстов со всеми их существенно важными внутри- и внемузыкальными связями) и, следовательно, в отличие от других моделей обладает солидной доказательной базой.

Как и всякое корректно осуществлённое этимологическое исследование, толковая герменевтика углубляет и расширяет наши представления даже о том, что нам, казалось бы, хорошо знакомо[1]. Легко сочетаясь с первой и второй моделями, «этимологическая» модель герменевтики придаёт им достоверность и защищает от толковательского произвола.

К истолкованию цитат и символов в Десятой симфонии и Альтовой сонате

Выдающиеся герменевтические находки часто связаны с обнаружением скрытых цитат или других символических конфигураций, что вполне понятно, так как наличие таких цитат и конфигураций само по себе даёт материал для этимологического анализа (разумеется, такой анализ может быть продуктивным только при условии, что символическая значимость не приписывается тем или иным структурам без твёрдых оснований — как в случае упомянутой выше «цитаты» из Сибелиуса в Двенадцатой симфонии или ещё более сомнительных реминисценций «Кармен» в Пятой). В качестве особенно ярких примеров упомянем сравнительно недавние сенсационные в своём роде открытия, позволившие прояснить или уточнить глубинный, недостаточно внятный без герменевтических разъяснений (хотя и, несомненно, интуитивно угадываемый) смысл третьей части Десятой симфонии Шостаковича [20] и финала его же Альтовой сонаты [21]. В случае симфонии «точки над i» были поставлены после того, как удалось доказать, что мотив, неоднократно повторяющийся на протяжении части практически без изменений, символизирует женское имя, а в случае сонаты — после выявления в ней более или менее замаскированных аллюзий на большинство собственных симфоний композитора. Только после выяснения этих обстоятельств толкование по первой («биографической») модели приобрело, так сказать, законную силу. Иначе оно осталось бы на уровне зыбких построений в духе популярной «литературщины».

Попробуем разобрать, что дают эти открытия для более глубокого понимания третьей части Десятой симфонии (1953) и финала Альтовой сонаты (1975), а возможно, и более широкого контекста, в который они вписаны.

Вся третья часть Десятой симфонии, Allegretto, построена на взаимодействии трёх мотивов. Первые два из них — назовём их мотивами *A* и *B* — интонационно родственны друг другу, поскольку содержат напряжённо звучащий интервал уменьшенной кварты; четырёхзвучное ядро мотива *B*, что давно и хорошо известно из литературы и не скрывалось самим Шостаковичем, представляет собой его личную монограмму DSCH — D[mitrij] Sch[ostakowitsch] (напомним, что в немецкой системе обозначений нот буквы D, S, C и H соответствуют нотам ре, ми-бемоль, до и си). По ходу части оба мотива ведут себя так, как надлежит тематическим образованиям в рамках динамичной рондо-сонатной формы: активно взаимодействуют друг с другом, деформируются, сжимаются и расширяются, подвергаются секвентному развитию и т.п.

Третий мотив — обозначим его литерой C — состоит из пяти звуков: ми–ля–ми–ре–ля или, в немецкой системе, E–A–E–D–A. На протяжении части он звучит 12 раз, не меняясь ни в высотном, ни в ритмическом (если не считать второстепенных деталей), ни в тембровом отношении: все его 12 вхождений поручены одному и тому же тембру валторны. Своей «сфинксоподобной» загадочностью этот мотив неоднократно смущал ком-

[1] Идею этимологического музыкального анализа выдвинула (вне связи с Шостаковичем) И.А. Барсова [17, 18]. Этимологической направленностью характеризуется в высшей степени продуктивная модель филологической герменевтики, разработанная в пионерском труде [19], положения которого могут быть полезны и музыковедам.

ментаторов. Стоит процитировать красноречивое высказывание одного из них: «Как было бы удобно, если бы удалось каким-нибудь образом доказать, что мотив EAEDA — это музыкальная подпись, дополнительная по отношению к DSCH» [22, с. 52]. Некоторое время спустя выяснилось, что мотив, о котором идёт речь, действительно представляет собой род «музыкальной подписи», а точнее символическую монограмму бывшей ученицы Шостаковича по имени Эльмира (Назирова): E–L(a)–Mi–R(e)–A [20] (здесь две системы обозначения нот — немецкая и более распространённая у нас французская — эклектически перемешаны). В течение 1953 г. композитор активно переписывался с Э. Назировой; авторский «ключ» к расшифровке мотива EAEDA содержится в письме от 29 августа [20, с. 231].

Обнародование этого документа прояснило картину взаимоотношений главных мотивов Allegretto. Она поддаётся достаточно убедительному описанию на языке символов аналитической психологии К.Г. Юнга[1]. Мотив *B* (он же DSCH) представляет мужское, активное, развивающееся и изменяющееся начало — «ян», тогда как мотив *C* (EAEDA) — женское, пассивное, неизменное начало — «инь». С точки зрения формы в целом мотив *A* выглядит как ещё не вполне оформившаяся или неполноценная версия мотива DSCH. Иначе говоря, «мужские» мотивы *A* и *B*, будучи родственными и развивающимися, противопоставляются «женскому» мотиву *C*, который интонационно не имеет с ними ничего общего и к тому же не развивается. Все мотивы, взятые в совокупности, образуют триаду, аналогичную архетипическому юнгианскому треугольнику «Я—анима—тень», где «Я» — ядро обладающей самосознанием личности, «анима» (душа) — идеальный женственный аспект психической реальности, а «тень» — низшая, неполноценная, «осколочная», отчасти инстинктивная часть личности. В кульминационной зоне Allegretto мотив-«тень», в результате ряда преобразований выродившийся в примитивно выдалбливаемую ритмическую фигуру, весьма картинно пытается раздавить мотив-«Я» своей тяжестью (на юнгианском языке такое вторжение «теневого» содержания психики в сферу сознания называется инвазией), тогда как мотив-«анима» царит над этой борьбой, не принимая в ней участия. Конфликт, однако, завершается ничем, и концовка Allegretto являет собой картину взаимно безразличного сосуществования трёх персонажей. Игра трёх мотивов предстаёт своего рода архетипической трагикомедией душевной жизни, раздираемой универсальными, общечеловеческими противоречиями.

Грандиозные, можно сказать эпические, масштабы Десятой симфонии сами по себе указывают на то, что содержательная подоплёка этой музыки не ограничивается интимными переживаниями, и Allegretto в рамках четырёхчастного цикла — не более чем лирическое интермеццо. Не останавливаясь на первых двух частях (каждая из которых способна дать немалую пищу для герменевтически настроенного воображения), обратим внимание на поведение мотива DSCH в финале симфонии. Собственно финал предварён обширным медленным вступлением, после которого устанавливается темп Allegro. Тематизм этого Allegro нарочито прост, поначалу в нём есть нечто от почти россиниевской беззаботности финала Шестой симфонии. Примерно до точки золотого сечения Allegro разворачивается по плану, обычному для быстрых финалов Шостаковича, с постепенным вытеснением игриво-легковесного эле-

[1] Современная литература изобилует образцами анализа музыкальных произведений в терминах глубинной психологии (Фрейда, Юнга). Зачастую этот анализ оказывается примитивным и вульгарным. Тем не менее музыковедам, по-видимому, не следовало бы вовсе отказываться от глубинно-психологической методологии, ибо она имеет непосредственное отношение к некоторым фундаментальным общечеловеческим константам мышления и поведения. Свои соображения на эту тему я изложил в [23].

мента и усилением драматической напряжённости на подходе к генеральной кульминации. И как раз в момент кульминации возникает интересный поворот в виде внезапного, никак не подготовленного вторжения мотива DSCH на предельном фортиссимо. Дальнейшее проходит под знаком активного, настойчивого утверждения этого мотива, репрезентирующего «самость» автора; здесь он ведёт себя уверенно и дерзко — совсем не так, как сравнительно недавно в Allegretto. Его отчётливо выраженный до-минорный колорит служит мощным источником напряжения, поскольку противоречит тенденции к установлению основной тональности симфонии ми минор на её последних страницах. Своего пика напряжение достигает в коде, за несколько тактов до конца, где мотив DSCH становится материалом для остинатной фигуры в партии литавр. Самоутверждение DSCH в концовке симфонии — психологически абсолютно правдивый жест мрачного и злорадного торжества. Собственно говоря, чего же ещё можно было ожидать от Шостаковича в его первом произведении, созданном после смерти его главного гонителя (напомним, что Шостакович начал писать симфонию летом 1953 г.)?

Что касается финала Альтовой сонаты — последнего сочинения Шостаковича, то помимо скрытых в нём есть как минимум одна совершенно явная цитата, источник которой известен любому меломану. Это помещённая в самом начале, а затем неоднократно варьируемая тема «Лунной сонаты» Бетховена; в разговоре с будущим первым исполнителем произведения, альтистом Ф.С. Дружининым, Шостакович даже назвал эту часть «адажио памяти Бетховена» [24, с. 189]. При этом общеизвестное начало «Лунной сонаты» при цитировании поистине безжалостно искажено: между триолями среднего голоса зияют паузы, мелодический и нижний голоса не гармонируют ни со средним, ни друг с другом. Пользуясь постмодернистской терминологией, можно сказать, что «Лунная соната» подвергнута радикальной деконструкции. В своё время первый «постмодернист» европейской музыки, герой романа Т. Манна «Доктор Фаустус» Адриан Леверкюн, имея в виду неизбежный крах установлений европейского гуманизма и наступление нового варварства, предрёк «конец Девятой симфонии»; Шостакович же в своём предсмертном Adagio воплотил это апокалиптическое прорицание так красноречиво, как только возможно (излишне говорить, что подстановка на место Девятой симфонии «Лунной сонаты» ничего не меняет).

«Автоэпитафии» Шостаковича: от Восьмого квартета к Пятнадцатой симфонии

Такое обращение с классическим прототипом полностью соответствует атмосфере позднего творчества Шостаковича, пропитанной безнадёжным пессимизмом. По меньшей мере в нескольких из числа произведений, созданных им за последние 15 лет, звучит мотив прощания с прожитой, исчерпавшей себя жизнью. Этот ряд эпитафий Шостаковича самому себе открывает Восьмой струнный квартет (1960), формально посвящённый «памяти жертв фашизма и войны», но по собственному признанию композитора, высказанному в письме к близкому другу, он был создан в память об «авторе этого квартета» [25, с. 159]. Но если бы даже этого признания не было, всеприсутствие мотива DSCH, перемежаемого цитатами из собственных произведений разных лет, и безнадёжно мрачное завершение сами по себе свидетельствуют о том, что у квартета есть автобиографическая подоплёка с глубоко пессимистическим оттенком.

Серию «автоэпитафий» продолжила Четырнадцатая симфония для сопрано, баса и камерного оркестра (1969), большинство из 11 частей которой написано на стихи о смерти — всегда преждевременной, неестественной и несправедливой. Симфония посвящена английско-

Рис. 4. Б. Бриттен и Д. Шостакович в Москве, 1965 г.
В середине на заднем плане — певец (тенор) П. Пирс

му композитору Бенджамину Бриттену (1913–1976), с которым Шостакович неоднократно дружески общался (рис. 4) и чьё творчество ценил очень высоко, и выглядит своего рода атеистическим ответом на «утешающую» религиозную концепцию бриттеновского «Военного реквиема» (1962). В пользу такой трактовки говорят отдельные смысловые параллелизмы между стихами, использованными в симфонии, и каноническим текстом реквиема, в диспозиции частей симфонии усматривается аналогия со структурой католической мессы по усопшим. Вдобавок симфония, как и квартет, изобилует цитатами из собственных произведений Шостаковича, представленными здесь в «кривом зеркале» двенадцатитоновых конфигураций (подробно об этом см. [26; 27, с. 371–386]).

В следующей симфонии, чисто оркестровой Пятнадцатой (1971), также обнаруживаются автоцитаты, но более заметны цитаты из общеизвестной классики, а именно бодрая мелодия из увертюры к опере Россини «Вильгельм Телль»

в первой части и так называемый лейтмотив судьбы из «Кольца нибелунга» Вагнера — в финале. Самый интригующий с герменевтической точки зрения вопрос заключается в том, почему темы именно этих композиторов-антиподов Шостакович избрал для того, чтобы оттенить собственное слово. Дмитрий Дмитриевич высказался по этому поводу неопределённо: «Я сам не знаю, зачем эти цитаты, но я не мог не сделать эти цитаты, не мог» [25, с. 278].

Аллюзии на Россини и цитаты из Вагнера встречались у Шостаковича и раньше. К маршу из «Вильгельма Телля» отсылает рефрен финального рондо Шестой симфонии, а к лейтмотиву нибелунгов из вагнеровской тетралогии — кода финала Четвёртой симфонии. Непосредственным влиянием вагнеровской стилистики отмечен траурный марш из фильма «Великий гражданин» (1939) — сколок с траурного марша из «Заката богов», где вместо вагнеровских лейтмотивов выступают темы Шопена, песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и «Интернационала». Естественно предположить, что в сознании Шостаковича музыка «упоительного Россини» связывалась прежде всего со сферой солнечно-средиземноморской мажорной диатонической мелодики (едва ли он придавал значение тому обстоятельству, что «Вильгельм Телль» — не весёлая итальянская опера-буффа, а французская grand opéra), а музыка Вагнера — с напряжёнными и сумрачными альтерациями, отражающими «кризис романтической гармонии». Обе сферы не были для Шостаковича чуждыми. В своей юношеской и прикладной музыке он тяготел к первой из них, в зрелой и серьёзной — отдал щедрую дань второй. Исходя из этого драматургический стержень симфонии — «от Россини к Вагнеру» — можно трактовать как метафору пути композитора от скерцозных юношеских опытов, через всевозможные драматические перипетии, стилистические сдвиги и кризисы, взлёты и падения, к сложному психологизму последних лет (рис. 5).

Апеллируя на закате жизни к этим двум полярным архетипам европейской музыки, Шостакович, возможно, вспомнил известный рассказ Вагнера о его встрече с Россини в Париже. Тогда старый, оставивший сочинение музыки Россини будто бы сказал своему младшему коллеге: “Car j’avais du talent!” («Ведь у меня был талант!») [цит. по 28, с. 85]. Фигура Россини как художника, пережившего свой талант, возникала перед мысленным взором Шостаковича в периоды творческих кризисов. Об этом свидетельствуют и письмо К. Караеву от 4 октября 1955 г. [29, с. 208][1], и письмо И. Гликману от 3 февраля 1967 г. [25, с. 225][2].

В письме К. Мейеру, написанном между окончанием Пятнадцатой симфонии и её премьерой, Шостакович даёт волю тому же настроению: «Летом этого года я закончил ещё одну симфонию — 15-ю. Может быть, мне и не следует больше сочинять. Однако жить без этого не могу» [30, с. 474]. И это далеко не единственные тексты позднего Шостаковича, выдержанные в той же «тональности». Смысл соединения под одной, так сказать, обложкой Россини и Вагнера станет понятнее, если мы будет рассматривать его сквозь призму именно этого переживания: «ведь у меня был талант!». Был органичный, весёлый, блестящий талант, который под влиянием внешнего гнёта переродился в угрюмое, подробное, тягучее самокопание. Или с несколько иной расстановкой акцентов: талант был легкомысленным и поверх-

[1] «<…> После 10-й симфонии больше ничего не сочинил. Уже скоро начну чувствовать себя как Россини. Как известно, этот композитор в 40 лет написал своё последнее произведение. После чего дожил до 70, не написав ни одной ноты. Слабое утешение для меня».

[2] «Они [Гоголь и Россини], а также и многие, как известные (великие), так и неизвестные люди пережили тот рубеж жизни, когда она (жизнь) уже не может приносить радость».

Рис. 5. Д. Шостакович. Шарж работы Кукрыниксов. 1934 г.

ностным, но внешнее давление закалило его, подавив в нём суетность и неуместное озорство. Авторская исповедь может толковаться по-разному, но рамки разночтений, скорее всего, довольно узки.

Финал как возвращение к началу

В линию автоэпитафий вписываются также два опуса 1974 г. — Пятнадцатый струнный квартет, все шесть частей которого выдержаны в медленном темпе и миноре, и Сюита на слова Микеланджело Буонарроти для баса с фортепиано или с оркестром. В обоих произведениях цитатам также отведена первостепенная смыслообразующая роль. Особенно заметный случай использования материала «со стороны» — включение инфантильной мелодии, некогда сочинённой Шостаковичем-подростком, в ткань финального монолога Сюиты, озаглавленного «Бессмертие». Так композитор, ощущая приближение конца (а вместе с ним и бессмертия), «закольцовывает» собственный путь.

Вернёмся к финалу Альтовой сонаты. Упомянутой цитате из «Лунной сонаты» здесь предшествует ещё одно воспоминание о собственном далёком прошлом — мотив, заимствованный из юношеской (1922 г.) Сюиты для двух фортепиано, посвящённой памяти отца. Происхождение этого мотива — нисходящей секвенции чистых кварт — малоизвестно, поэтому он не воспринимается как цита-

та, а тем более как развитие идеи возвращения к собственным истокам, реализованной в упомянутом только что финале Сюиты. Но понимание того, что позднее творчество Шостаковича пронизано ностальгическим автобиографизмом, неизбежно настраивает на продолжение этимологических поисков. Значительного успеха в этих поисках добился пианист и композитор И.Г. Соколов, спустя три десятилетия после смерти композитора обнаруживший, что весь большой срединный раздел финала Альтовой сонаты — не что иное как скрытый от поверхностного взгляда конгломерат мотивов, извлечённых из основных тем почти всех симфоний Шостаковича (за возможным исключением одной или двух). Причём порядок следования этих мотивов соответствует порядку создания симфоний — с Первой по Пятнадцатую. Темы симфоний даны большей частью намёком, не вполне отчётливо, иногда с некоторыми искажениями; вместе с тем отдельные цитаты — из Седьмой, Восьмой, Десятой и особенно Четырнадцатой симфоний — достаточно объёмны. Открытие И. Соколова высвечивает глубинный смысл («этимон») данного раздела как прощального обзора того, что было сделано в течение творческой жизни.

На последних страницах финала Шостакович доводит до предела деконструкцию «Лунной сонаты» и мотива из своей ранней Сюиты, а под конец вводит ещё две многозначительные цитаты, одну — в партии альта, другую — в партии фортепиано. Долгий монолог альта завершается мотивом из симфонической поэмы Рихарда Штрауса «Дон Кихот» [31, с. 17]. В поэме он звучит (у кларнета) в тот момент, когда герой поэмы испускает дух. Вводя в ткань своего последнего опуса именно этот мотив, композитор, очевидно, давал понять, что полностью осознаёт своё положение и что эта автоэпитафия будет последней. Что касается самой последней мысли Сонаты — нисходящей малой секунды в глубоком басовом регистре фортепиано, то это не что иное как начатый, но не доведённый до конца главный лейтмотив всей музыки Шостаковича.

Начиная по меньшей мере со Второй симфонии (1927), мотив из двух одинаковых нисходящих малых секунд в хореическом ритме, ярко выраженной минорной окраски[1], играет в творчестве Шостаковича роль устойчивого символа с ассоциативным полем, наделённым семантикой жалобы, оплакивания, бессильного протеста. Читатель может предложить убедиться в том, что этот мотив встречается по меньшей мере в 14 из 15 струнных квартетов Шостаковича и в 12 из его 15 симфоний. И при этом он, как правило, особым образом выделен и подчёркнут. Его вторжения омрачают колорит в кульминациях, предшествующих мажорным кодам финалов Пятой и Девятой симфоний, и тем самым ставят под вопрос их показной оптимизм. Он дважды проходит в длинной мрачной коде Четвёртой симфонии, сочинённой весной 1936 г. по горячим следам пресловутой статьи «Сумбур вместо музыки». Им завершается Восьмой струнный квартет и открывается Четырнадцатая симфония. Перечисление можно продолжать долго (подробности с нотными иллюстрациями см. в [32]).

В свете наших знаний о личности Шостаковича, об испытанных им ударах судьбы и о его отношении к самому себе (всё это богато документировано в его собственном эпистолярии и в мемуарной литературе) нет ничего удивительного в том, что именно «мотив жалобы»

[1] Его наиболее явный прецедент в русской музыке — соло Юродивого из «Бориса Годунова» Мусоргского. Среди других прецедентов — лейтмотив подземных карликов-нибелунгов («детей тумана») из вагнеровского «Кольца нибелунга» и трагическая Шестая симфония Мясковского, где жалоба Юродивого цитируется в ряду других мотивов-символов с исторически сложившейся семантикой, а также (хотя и в ином ритмическом оформлении) момент смерти Петрушки в одноимённом балете Стравинского, снабжённый ремаркой «Петрушка жалобно умирает».

стал в полном смысле слова ведущим музыкальным символом в контексте всего творчества композитора. И, конечно же, есть некая высшая логика в том, что именно он, причём в прерванном варианте, оказался последней музыкальной мыслью композитора.

Богатый опыт герменевтических интерпретаций музыки Шостаковича — в настоящей статье представлена только небольшая их часть[1] — позволяет сделать некоторые заключения о научной состоятельности и познавательной ценности разных моделей музыкальной герменевтики. Как любая исследовательская практика, претендующая на методологическую строгость, герменевтика представляет собственно научный интерес постольку, поскольку она поддаётся верификации и, как было замечено выше, фальсификации. Эти требования выполнимы только при последовательно соблюдаемом этимологическом подходе, предусматривающем твёрдое знание о происхождении (этимологии) всех толкуемых элементов, об их многообразных контекстах и ассоциативных связях. Наличие надёжной основы в виде такого знания позволяет оправдать любые герменевтические экскурсы, осуществляемые в русле первых двух из упомянутых выше моделей музыкальной герменевтики, — менее «научных» по своей природе, но при наличии хорошего вкуса и чувства меры способных сыграть полезную вспомогательную роль: оживить герменевтическую интерпретацию выразительными деталями, сделать её более увлекательной и понятной для сравнительно неискушенной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кремлев Ю.А. О Десятой симфонии Д. Шостаковича // Советская музыка. 1957. № 4. С. 74–84.
2. Беляева-Экземплярская С.Н. Музыкальная герменевтика // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 127–138.
3. MacDonald I. The New Shostakovich. London: Fourth Estate, 1990.
4. Орлов Г.А. «При дворе торжествующей лжи». Размышления над биографией Шостаковича // Д.Д. Шостакович: Сборник статей к 90-летию со дня рождения / Сост. Л.Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор, 1996. С. 8–28 (1-я публикация — 1986).
5. Лебединский Л.Н. О некоторых музыкальных цитатах в произведениях Д. Шостаковича // Новый мир. 1990. № 3. С. 262–267.
6. Лаул Р.Х. Музыка Шостаковича в контексте большевистской идеологии и практики (опыт слушания) // Д.Д. Шостакович. Сборник статей к 90-летию со дня рождения / Сост. Л.Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор, 1996. С. 141–157.
7. Хитоцуянаги Ф. Новый лик Двенадцатой // Музыкальная Академия. 1997. № 4. С. 87.
8. Якубов М.А. «Моя душа хочет мира...»: Дмитрий Шостакович и Ян Сибелиус // Музыкальная жизнь. 2002. № 8. С. 27–30.
9. Бендицкий А.С. О Пятой симфонии Д. Шостаковича. Нижний Новгород: НГК им. Глинки, 2000.
10. Гаспаров Б.М. Пять опер и симфония. М.: Классика-XXI, 2009.
11. Зинькевич Е.С. «Прогулки» с Шостаковичем // Зинькевич Е. Mundus Musicae. Тексты и контексты. Избранные статьи. Киев: Задруга, 2007. С. 566–598.
12. Шостакович: pro et contra. Д. Д. Шостакович в оценках современников, композиторов, публицистов, исследователей, писателей. Антология / Сост. Л.О. Акопян. СПб.: Изд-во

[1] Проблемы толкования музыки Шостаковича подробно разрабатываются в [33].

РХГА, 2016 (публикация подготовлена в рамках проекта № 16-04-00367а «Творчество Д.Д. Шостаковича как феномен отечественной и мировой культуры»).

13. Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 33–235 (1-я публикация — 1934).
14. Толстой А.Н. На репетиции Седьмой симфонии Шостаковича // Правда. 1942. 16 февраля. Перепечатано в: Толстой А.Н. Собрание сочинений. Т. 10: Публицистика. М.: Художественная литература, 1986. С. 372–375.
15. Петров Е.П. Торжество русской музыки (на репетиции Седьмой симфонии) // Литература и искусство. 1942. № 14. 4 апреля. Перепечатано в: Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. — М.: Гос. издательство художественной литературы, 1961. С. 496–501.
16. Бавильский Д.В. Пятнадцать мгновений зимы. Все симфонии Дмитрия Шостаковича // Новый мир. 2006. № 9. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/9/ba14-pr.html.
17. Барсова И.А. Опыт этимологического анализа музыкальных произведений. К постановке вопроса // Советская музыка. 1985. № 9. С. 59–66.
18. Барсова И.А. Поздний романтизм и антиромантизм в свете риторического типа творчества. Опыт рассуждения // Науковий вісник Національної музичної академії України. Вип. 6: Musicae ars et scientia. Київ, 1999. С. 202–218.
19. Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. Второе издание, с дополнениями и поправками. Ч. 1. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.
20. Кравец Н.Я. Новый взгляд на Десятую Симфонию Шостаковича // Д.Д. Шостакович: Сборник статей к 90-летию со дня рождения / Сост. Л.Г. Ковнацкая. СПб.: Композитор, 1996. С. 228–235.
21. Соколов И.Г. По направлению к альтовой сонате // Музыкальная Академия. 2006. № 3. С. 42–48.
22. Fanning D. The Breath of the Symphonist. Shostakovich's Tenth. London: Royal Musical Association, 1989.
23. Акопян Л.О. О точках соприкосновения между теоретическим музыкознанием и глубинной психологией // Музыкальная Академия. 1999. № 1. С. 206–213.
24. Дружинин Ф.С. О Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче // Шостаковичу посвящается. Сборник статей к 90-летию композитора (1906–1996) / Сост. Е.Б. Долинская. М.: Композитор, 1997. С. 176–205.
25. Письма к другу. Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману. М.: DSCH; СПб.: Композитор, 1993.
26. Акопян Л.О. «Художественные открытия» Четырнадцатой симфонии // Музыкальная Академия, 1997. № 4. С. 185–192.
27. Акопян Л.О. Дмитрий Шостакович: опыт феноменологии творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
28. Shengold L. The Promise. Who is in Charge of Time and Space? London: Karnac Books, 2015.
29. Карагичева Л.В. «Пишите как можно больше прекрасной музыки...». Из писем Д.Д. Шостаковича К.А. Караеву // Музыкальная Академия. 1997. № 4. С. 202–211.
30. Мейер К. Шостакович. Жизнь. Творчество. Время. М.: DSCH; СПб.: Композитор, 1998.
31. Wilson E. Through the Looking Glass: Reflections on the Significance of Words and Symbols in Shostakovich's Music // Contemplating Shostakovich: Life, Music and Film / Ed. by A. Ivashkin and A. Kirkman. Farnham and Burlington VT: Ashgate, 2012. P. 3–18.
32. Акопян Л.О. Лейтмотивы Шостаковича // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Научно-аналитический, научно-образовательный журнал. Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 2017. № 3 [45]. С. 25–34.
33. Акопян Л.О. Феномен Дмитрия Шостаковича. СПб.: Изд-во РХГА. В печати (издание осуществляется в рамках проекта № 16-04-00367а «Творчество Д.Д. Шостаковича как феномен отечественной и мировой культуры»).

ENGLISH

Shostakovich's Music as an Object for Hermeneutics

Akopyan Levon Oganesovich — Doctor of Science (art history), head of the department of music theory at the State Institute for Art Studies.
E-mail: levonh451@yandex.ru

The article considers different models of musical hermeneutics; their productivity is assessed with respect to the music of Shostakovich, the very nature of which makes it a favourite object of hermeneutical interpretations. A comparative analysis of various essays in finding out hidden meanings in Shostakovich's works allows us to draw some conclusions regarding the scholarly and informative value of different approaches to the hermeneutics of Shostakovich's oeuvre and to the hermeneutics of music in general. A special attention is paid to the decryption of enigmatic associations in two works by Shostakovich, the Tenth Symphony and the Viola Sonata

Keywords: Shostakovich, hermeneutics, etymology, Tenth Symphony, Eighth String Quartet, Fourteenth Symphony, Fifteenth Symphony, Viola Sonata

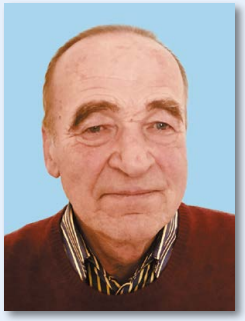
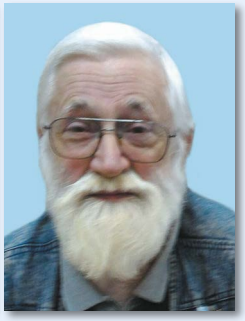
REFERENCES

1. Kremlev Yu.A. O Desyatoy simfonii D. Shostakovicha // Sovetskaya muzyka. 1957. № 4. S. 74–84 (in Russian).
2. Belyaeva-Ekzemplyarskaya S.N. Muzykal'naya germenevtika // Iskusstvo. 1927. T. 3. Kn. 4. S. 127–138 (in Russian).
3. MacDonald I. The New Shostakovich. London: Fourth Estate, 1990.
4. Orlov G.A. «Pri dvore torzhestvuyushchey lzhi». Razmyshleniya nad biografiey Shostakovicha // D.D. Shostakovich: Sbornik statey k 90-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. L.G. Kovnatskaya. SPb.: Kompozitor, 1996. S. 8–28 (1-ya publikatsiya — 1986) (in Russian).
5. Lebedinskiy L.N. O nekotorykh muzykal'nykh tsitatakh v proizvedeniyakh D. Shostakovicha // Novyy mir. 1990. № 3. S. 262–267 (in Russian).
6. Laul R.Kh. Muzyka Shostakovicha v kontekste bol'shevistskoy ideologii i praktiki (opyt slushaniya) // D.D. Shostakovich. Sbornik statey k 90-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. L.G. Kovnatskaya. SPb.: Kompozitor, 1996. S. 141–157 (in Russian).
7. Khitotsuyanagi F. Novyy lik Dvenadtsatoy // Muzykal'naya Akademiya. 1997. № 4. S. 87 (in Russian).
8. Yakubov M.A. «Moya dusha khochet mira...»: Dmitriy Shostakovich i Yan Sibelius // Muzykal'naya zhizn'. 2002. № 8. S. 27–30 (in Russian).
9. Benditskiy A.S. O Pyatoy simfonii D. Shostakovicha. Nizhniy Novgorod: NGK im. Glinki, 2000 (in Russian).
10. Gasparov B.M. Pyat' oper i simfoniya. M.: Klassika-XXI, 2009 (in Russian).
11. Zin'kevich E.S. «Progulki» s Shostakovichem // Zin'kevich E. MundusMusicae. Teksty i konteksty. Izbrannye stat'i. Kiev: Zadruga, 2007. S. 566–598 (in Russian).
12. Shostakovich: pro et contra. D.D. Shostakovich v otsenkakh sovremennikov, kompozitorov, publitsistov, issledovateley, pisateley. Antologiya / Sost. L.O. Akopyan. SPb.: Izd-vo RKHGA, 2016 (publikatsiya podgotovlena v ramkakh proekta № 16-04-00367a «Tvorchestvo D.D. Shostakovicha kak fenomen otechestvennoy i mirovoy kul'tury») (in Russian).

13. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya // Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1983. S. 33–235 (1-ya publikatsiya — 1934) (in Russian).
14. Tolstoy A.N. Na repetitsii Sed'moy simfonii Shostakovicha // Pravda. 1942. 16 fevralya. Perepechatano v: Tolstoy A.N. Sobranie sochineniy. T. 10: Publitsistika. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 372–375 (in Russian).
15. Petrov E.P. Torzhestvo russkoy muzyki (na repetitsii Sed'moy simfonii) // Literatura i iskusstvo. 1942. № 14. 4 aprelya. Perepechatano v: Il'f I., Petrov E. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 5. — M.: Gos. izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1961. S. 496–501 (in Russian).
16. Bavil'skiy D.V. Pyatnadtsat' mgnoveniy zimy. Vse simfonii Dmitriya Shostakovicha // Novyy mir. 2006. № 9. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/9/ba14-pr.html (in Russian).
17. Barsova I.A. Opyt etimologicheskogo analiza muzykal'nykh proizvedeniy. K postanovke voprosa // Sovetskaya muzyka. 1985. № 9. S. 59–66 (in Russian).
18. Barsova I.A. Pozdniy romantizm i antiromantizm v svete ritoricheskogo tipa tvorchestva. Opyt rassuzhdeniya // Naukoviy visnik Natsional'noï muzichnoï akademiï Ukraïni. Vip. 6: Musicaearsetscientia. Kiïv, 1999. S. 202–218.
19. Ayrapetyan V. Tolkuya slovo. Opyt germenevtiki po-russki. Vtoroe izdanie, s dopolneniyami i popravkami. Ch. 1. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011 (in Russian).
20. Kravets N.Ya. Novyy vzglyad na Desyatuyu Simfoniyu Shostakovicha // D.D. Shostakovich: Sbornik statey k 90-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. L.G. Kovnatskaya. SPb.: Kompozitor, 1996. S. 228–235 (in Russian).
21. Sokolov I.G. Po napravleniyu k al'tovoy sonate // Muzykal'naya Akademiya. 2006. № 3. S. 42–48 (in Russian).
22. Fanning D. The Breath of the Symphonist. Shostakovich's Tenth. London: Royal Musical Association, 1989.
23. Akopyan L.O. O tochkakh soprikosnoveniya mezhdu teoreticheskim muzykoznaniem i glubinnoy psikhologiey // Muzykal'naya Akademiya. 1999. № 1. S. 206–213 (in Russian).
24. Druzhinin F.S. O Dmitrii Dmitrieviche Shostakoviche // Shostakovichu posvyashchaetsya. Sbornik statey k 90-letiyu kompozitora (1906–1996) / Sost. E.B. Dolinskaya. M.: Kompozitor, 1997. S. 176–205 (in Russian).
25. Pis'ma k drugu. Dmitriy Shostakovich — Isaaku Glikmanu. M.: DSCH; SPb.: Kompozitor, 1993 (in Russian).
26. Akopyan L.O. «Khudozhestvennye otkrytiya» Chetyrnadtsatoy simfonii// Muzykal'naya Akademiya, 1997. № 4. S. 185–192 (in Russian).
27. Akopyan L.O. Dmitriy Shostakovich: opyt fenomenologii tvorchestva. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2004 (in Russian).
28. Shengold L. The Promise. Who is in Charge of Time and Space? London: Karnac Books, 2015.
29. Karagicheva L.V. «Pishite kak mozhno bol'she prekrasnoy muzyki...». Iz pisem D.D. Shostakovicha K.A. Karaevu// Muzykal'naya Akademiya. 1997. № 4. S. 202–211 (in Russian).
30. Meyer K. Shostakovich. Zhizn'. Tvorchestvo. Vremya. M.: DSCH; SPb.: Kompozitor, 1998 (in Russian).
31. Wilson E. Through the Looking Glass: Reflections on the Significance of Words and Symbols in Shostakovich's Music // Contemplating Shostakovich: Life, Music and Film / Ed. by A. Ivashkin and A. Kirkman. Farnham and Burlington VT: Ashgate, 2012. P. 3–18.
32. Akopyan L.O. Leytmotivy Shostakovicha// Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya. Nauchno-analiticheskiy, nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. Nizhegorodskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) im. M.I. Glinki, 2017. № 3 [45]. S. 25–34 (in Russian).
33. Akopyan L.O. Fenomen Dmitriya Shostakovicha. SPb.: Izd-vo RKHGA. V pechati (izdanie osushchestvlyaetsya v ramkakh proekta № 16-04-00367a «Tvorchestvo D.D. Shostakovicha kak fenomen otechestvennoy i mirovoy kul'tury») (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 612.821:612.822.3
ГРНТИ 76.35.35
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-144-152

А.И. ФЕДОТЧЕВ,
С.Б. ПАРИН,
С.А. ПОЛЕВАЯ*

Нейроинтерфейсы, управляемые биопотенциалами мозга и сердца, в коррекции стресс-вызванных расстройств

Нейроинтерфейсы, или компьютерные информационно-управляющие системы, использующие обратную связь от биоэлектрических характеристик пациента при организации лечебных процедур, начинают широко применяться для нелекарственной коррекции функционального состояния человека. Ранее был разработан и успешно опробован при устранении стресс-индуцированных нарушений музыкальный нейроинтерфейс с двойной обратной связью от биопотенциалов мозга субъекта. В данной работе экспериментально тестируется музыкальный нейроинтерфейс, в котором двойная свето-музыкальная обратная связь от параметров электроэнцефалограммы (ЭЭГ) дополняется управляющими сигналами от ритма сердцебиений человека. Испытуемым-добровольцам, находящимся в состоянии стресса в период экзаменационной сессии, предъявляли музыкоподобные сигналы, плавно варьирующие по высоте тона и интенсивности в прямой зависимости от текущей амплитуды доминирующего у субъекта спектрального ЭЭГ-компонента (альфа ЭЭГ-осциллятора) и по тембру напоминающие звуки флейты, а также световые воздействия, получаемые в реальном времени путём прямой трансформации оцифрованной ЭЭГ в светодиодные мелькания. Варьирование

* **Федотчев Александр Иванович** — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории механизмов рецепции Института биофизики клетки РАН, руководитель проекта «Биопотенциалы мозга и сердца как управляющие сигналы в лечебных процедурах биоуправления с обратной связью» (16-06-00133а).
E-mail: fedotchev@mail.ru

Парин Сергей Борисович — доктор биологических наук, заведующий межкафедральной лабораторией когнитивной психофизиологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, исполнитель того же проекта.
E-mail: parins@mail.ru

Полевая Софья Александровна — доктор биологических наук, заведующая отделом нейрофизиологии ЦНИЛ Приволжского исследовательского медицинского университета, заведующая кафедрой психофизиологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, исполнитель того же проекта.
E-mail: s453383@mail.ru

звуков флейты по высоте тона и интенсивности дополнялось введением звуковых сигналов от текущего ритма сердцебиений испытуемого. В результате описанных воздействий выявлены позитивные сдвиги объективных и субъективных показателей, в том числе достоверный рост мощности альфа-ритма ЭЭГ относительно фона, снижение стресс-индекса сердечной деятельности, увеличение оценок самочувствия и настроения, снижение уровня эмоциональной дезадаптации. Выявленные эффекты объясняются вовлечением процессов восприятия и обработки значимых для человека интероцептивных сигналов в механизмы мультисенсорной интеграции, нейропластичности и резонансные механизмы мозга, обеспечивающие нормализацию функционального состояния под влиянием свето-музыкальной стимуляции, управляемой биопотенциалами мозга и сердца человека.

Ключевые слова: нейроинтерфейсы, ритм сердцебиений, биоэлектрические процессы пациента, биоуправление, обратная связь, стресс-индуцированные расстройства, коррекция, электроэнцефалограмма

Многие факторы современной жизни — стремительное внедрение компьютерных и информационных технологий, необходимость переквалификации и освоения новых профессий, существенное повышение требований к надёжности и безопасности деятельности специалиста — оказывают повышенную нагрузку на когнитивную сферу человека. Это происходит на фоне повседневного стресса от обилия кризисных и психотравмирующих ситуаций, экстремальных явлений и социальных преобразований (рис. 1).

Перечисленные факторы приводят к формированию множественных функциональных расстройств, а при комплексном хроническом действии — к отказу защитных систем организма и развитию серьёзных болезней [1]. Фармакологическая коррекция таких неблагоприятных функциональных состояний с неизбежностью ухудшает когнитивные функции человека и часто сопровождается привыканием и побочными эффектами [2], что делает медикаментозный путь терапии не всегда приемлемым. Поэтому крайне востребованными являются нелекарственные средства системного воздействия, направленные на своевременную коррекцию психогенных функциональных нарушений и когнитивную реабилитацию человека.

Безусловное лидерство в разработке таких средств принадлежит технологиям нейроинтерфейсов, включая интерфейс мозг — компьютер и нейробиоуправление, которые в последнее время начинают широко применяться для подавления стресс-индуцированных состояний [3–5]. Общей чертой этих технологий является их высокая персонализация через использование обратной связи от индивидуальных биоэлектрических характеристик пациента при организации лечебных процедур [6]. Благодаря этому данная линия исследований полностью соответствует стратегическим направлениям развития отечественного здравоохранения, предполагающим переход к персонализированной медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения [7].

Анализ литературы показывает, что в этом комплексе исследований существует ряд общепризнанных проблем, главной из которых является проблема оптимальной организации сигналов обратной связи как важнейшего фактора, определяющего успешность нейробиоуправления [8]. Ранее для её решения был предложен подход, предполагающий применение в нейроинтерфейсах музыкальных или музыкоподобных сигналов обратной связи от электроэнцефалограммы. Пред-

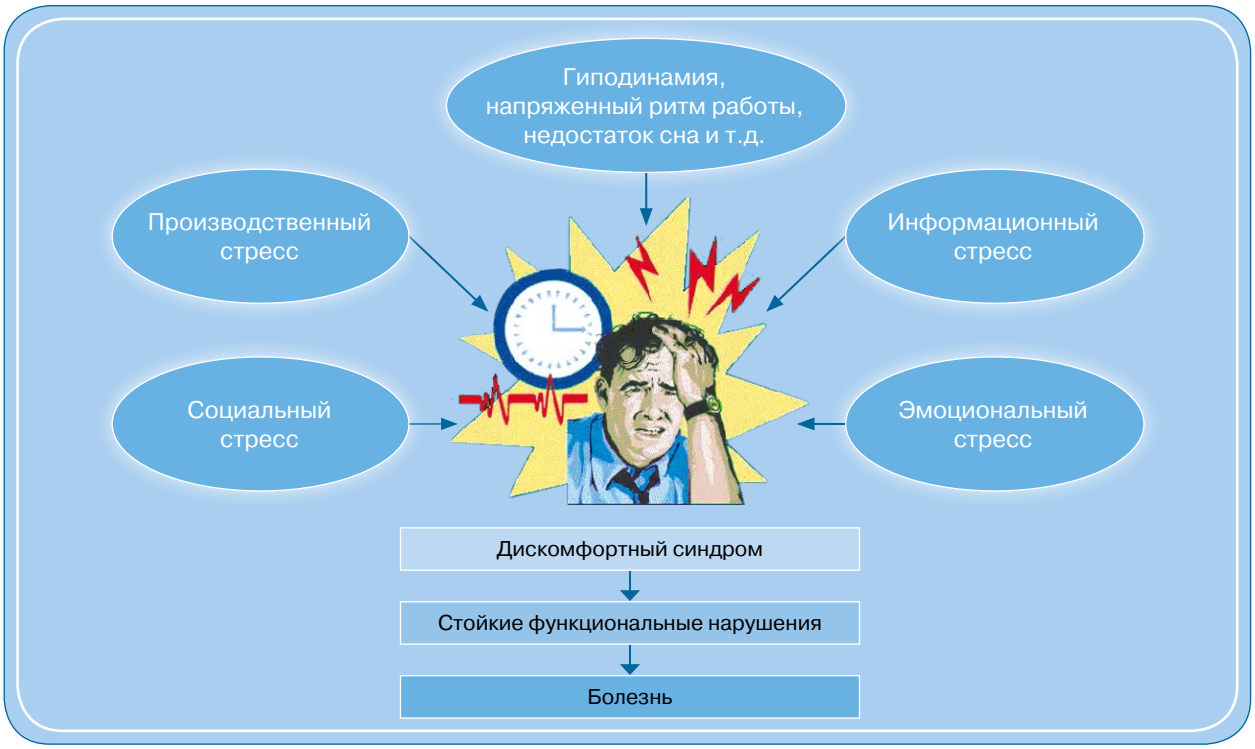


Рис. 1. Стресс и его последствия для человека

ложенный подход был успешно опробован для коррекции стресс-индуцированных расстройств путём музыкальных воздействий, управляемых ЭЭГ-осцилляторами субъекта [9], а также путём свето-музыкальных воздействий с двойной обратной связью от ЭЭГ [10] (рис. 2).

Данная работа посвящена экспериментальному тестированию ещё одного инновационного подхода к оптимизации музыкального нейроинтерфейса. Речь идёт о комплексном использовании управляющих сигналов обратной связи не только от параметров ЭЭГ, но и от ритма сердцебиений человека. Другими словами, цель исследования заключалась в анализе эффектов, наблюдаемых при одновременном использовании в двухконтурной схеме биоуправления с обратной связью не только адекватно подобранных и значимых для индивида биопотенциалов мозга, но и ритма его сердечных сокращений.

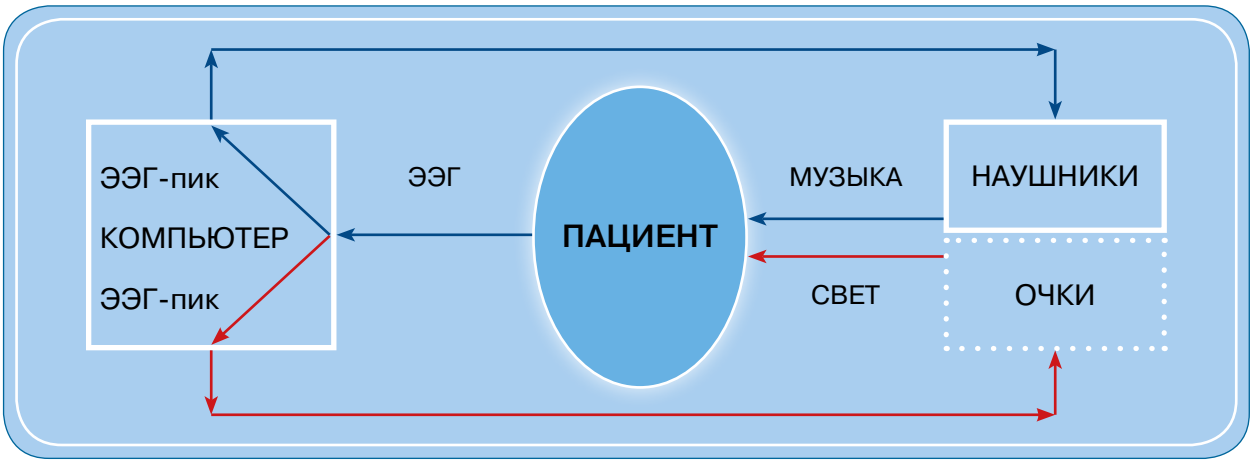


Рис. 2. Схема музыкального нейроинтерфейса с двухконтурной обратной связью от биопотенциалов мозга

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе было разработано оригинальное программное обеспечение, реализующее технологию комплексной обратной связи от ЭЭГ и ритма сердца индивида, а также проведено несколько серий модельных исследований по выявлению наиболее эффективных параметров и режимов разрабатываемой технологии. Выявленные параметры и созданное программное обеспечение использованы на втором этапе исследования, результаты которого представлены ниже.

Методика

В исследовании приняли участие 16 испытуемых в возрасте от 18 до 23 лет — студентов Нижегородского госуниверситета, находящихся в состоянии стресса в период экзаменационной сессии. Они добровольно согласились на обследования, и от каждого испытуемого получено информированное согласие. Исследование проведено с соблюдением современных этических норм и правил биомедицинских исследований в соответствии с Хельсинкской декларацией, принятой в июне 1964 г.

В начале каждого обследования для оценки психофизиологического состояния испытуемых проводились их краткий опрос и начальное тестирование с помощью популярного теста САН, в котором испытуемые дают оценку в баллах своего текущего самочувствия, активности и настроения [11], и теста УЭД, позволяющего определять уровень эмоциональной дезадаптации [12]. В тесте УЭД участнику тестирования предлагалось в четырёх попытках указать зону своего эмоционального состояния, выбирая для этого соответствующие прилагательные. По среднему баллу судили о степени эмоциональной дезадаптации следующим образом: 0 баллов — отсутствие эмоциональной дезадаптации (физиологическая релаксация); 1 балл — слабо выраженная эмоциональная дезадаптация (физиологическое напряжение); 2 — умеренно выраженная эмоциональная дезадаптация (патологическое напряжение); 3 — резко выраженная эмоциональная дезадаптация (патологическая релаксация).

После исходного психологического тестирования устанавливали ЭЭГ-датчики (активный электрод в отведении Cz, референтный и заземляющий — на мочках ушей), оригинальную систему регистрации электрокардиограммы с online-анализом показателей вариабельности сердечного ритма [13], фиксировали наушники и светодиодные очки, в затемнённые линзы которых были вмонтированы красные светодиоды с мощностью, не превышающей 100 мкВт. Испытуемых просили сидеть спокойно с закрытыми глазами в течение всей процедуры.

Эксперимент начинался с 30-секундной записи фоновой электрической активности мозга при диапазоне фильтрации ЭЭГ 2–32 Гц и частоте дискретизации сигналов 100 Гц, в ходе которой с помощью специально разработанного программного обеспечения определялся доминирующий у данного испытуемого узкочастотный (0,4–0,6 Гц) спектральный компонент в диапазоне альфа-ритма (8–13 Гц) ЭЭГ. Затем на 10 мин. включался рабочий режим, где испытуемым предъявлялись аудио-визуальные воздействия, формируемые на основе ЭЭГ. При этом текущая амплитуда выявленного ЭЭГ-осциллятора преобразовывалась в музыкоподобные сигналы, по тембру напоминающие звуки флейты и плавно варьирующие по высоте тона (диапазон 100–2000 Гц) и интенсивности (диапазон 0–40 дБ) в прямой зависимости от текущей амплитуды ЭЭГ-осциллятора. Одновременно осуществлялись светодиодные воздействия в строгом соответствии с текущими значениями нативной ЭЭГ испытуемого. Это достигалось путём нормирования оцифрованных значений ЭЭГ, при котором наибольшая отрицательная величина ЭЭГ сигнала соответствовала минимальному, а наибольшая положительная величина — максимальному свечению светодиодов. Аудио-визуальные воздействия, формируемые на основе

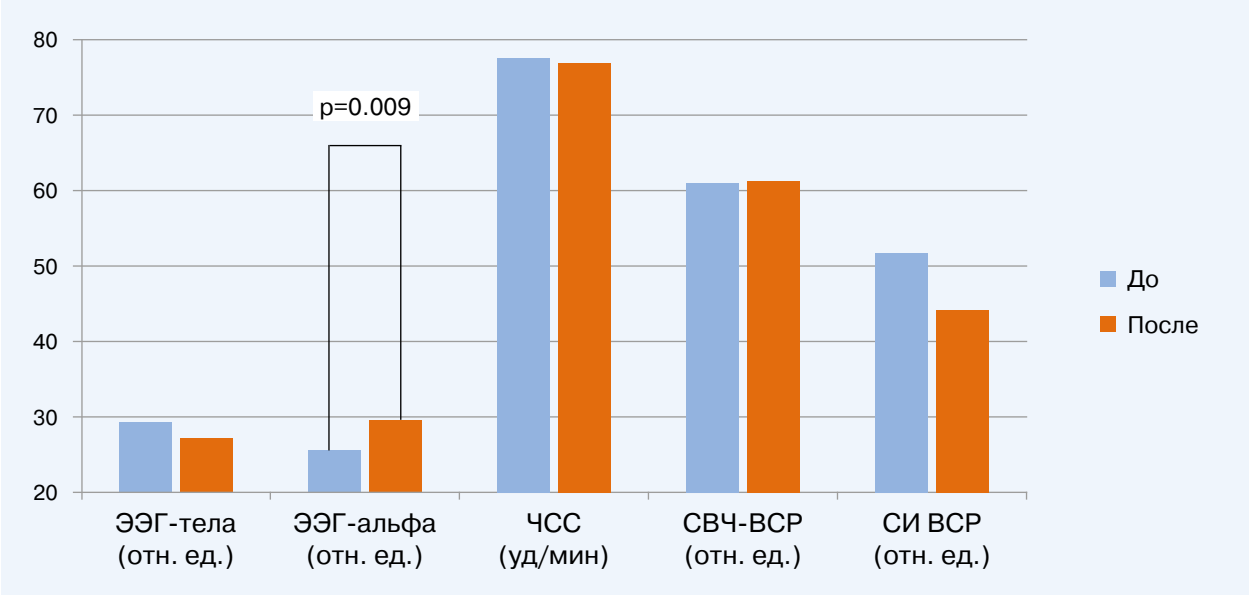


Рис. 3. Значения объективных показателей (мощности ритмов ЭЭГ и характеристик деятельности сердца), зарегистрированные до и после воздействия

ЭЭГ, дополнялись введением в музыкоподобные стимулы слабых (порядка 10 дБ) звуковых сигналов, формируемых системой регистрации электрокардиограммы и соответствующих текущему ритму сердцебиений испытуемого. В конце обследования испытуемых просили рассказать об отмеченных ощущениях и эффектах, а также проводили повторное психологическое тестирование.

При обработке результатов анализировали показатели мощности тета- и альфа-ритмов ЭЭГ, показатели деятельности сердечно-сосудистой системы и результаты выполнения тестов САН и УЭД. Основное внимание при анализе вариабельности сердечного ритма (ВСР) уделялось оригинальным показателям — мощности волн сверхвысокочастотной (0,8–2,0 Гц) области спектра ВСР (СВЧ ВСР) и стресс-индексу ВСР (СИ ВСР), которые ранее продемонстрировали информативность при анализе краткосрочных регуляторных воздействий на сердечный ритм [14].

Статистическую обработку результатов проводили с помощью пакета программ «Origin 6.0» и «Сигма-Плот 11.0». Вычисляли средние для групп значения показателей (M) и стандартные ошибки (m). Для определения уровней значимости различий P каждого показателя до и после воздействия использовали непараметрический критерий знаковых рангов для малых выборок Вилкоксона-Манна-Уитни (Mann-Whitney Rank Sum Test).

Результаты исследования

Эффекты воздействий оценивали путём сопоставления основных показателей, зарегистрированных перед началом и после окончания воздействий. На рис. 3 представлены данные об изменениях объективно регистрируемых показателей — выраженности тета- и альфа-ритмов ЭЭГ, частоты сердечных сокращений (ЧСС), сверхвысокочастотного (СВЧ) диапазона и стресс-индекса (СИ) вариабельности сердечного ритма (ВСР).

На рис. 3 можно видеть, что наибольшие эффекты под влиянием экспериментального воздействия относительно исходного уровня проявились в достоверном (P = 0,009) увеличении мощности альфа-ритма ЭЭГ и снижении стресс-индекса вариабельности сердечного ритма (СИ ВСР).

Результаты исходного и повторного психологического тестирования испытуемых представлены на рис. 4.

Как свидетельствуют данные, представленные на рис. 4, в результате лечебных

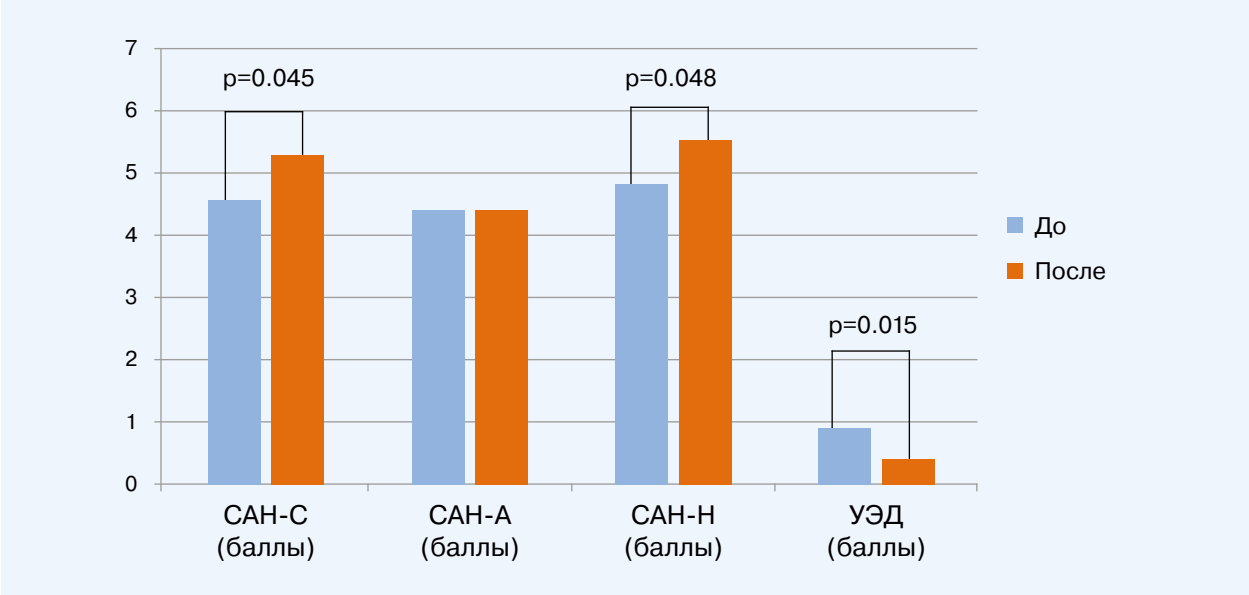


Рис. 4. Оценки самочувствия (САН-С), активности (САН-А), настроения (САН-Н) в тесте САН и значения уровня эмоциональной дезадаптации в тесте УЭД до и после воздействия

процедур происходят позитивные изменения в субъективных оценках состояния испытуемых: достоверно увеличиваются показатели самочувствия и настроения (тест САН), снижается уровень эмоциональной дезадаптации (тест УЭД).

Опрос испытуемых о субъективных ощущениях в ходе эксперимента выявил их положительное отношение к проведённым лечебным сеансам, снижение уровня стресса и улучшение эмоционального состояния. Большинство испытуемых (12 из 16) отметили, что согласование сердечного ритма с предъявляемыми звуковыми воздействиями способствует повышению их «музыкальности» и позитивному восприятию.

Обсуждение результатов

Таким образом, при музыкоподобных воздействиях, осуществляемых путём трансформации ЭЭГ-осциллятора субъекта в звуки флейты и придания структурированности предъявляемым звуковым сигналам путём введения в них ритма сердцебиений испытуемого, происходят достоверное увеличение мощности альфа-ритма ЭЭГ относительно фона и снижение стресс-индекса сердечной деятельности, сопровождаемые позитивными сдвигами показателей самочувствия и настроения испытуемых и снижением степени эмоциональной дезадаптации. Это может свидетельствовать о резонансных реакциях мозга на ритмические светомузыкальные воздействия и формировании у обследуемых так называемого альфа-состояния [15], которое характеризуется общей релаксацией с отсутствием признаков стресса, тревожности и депрессии.

Преимущества использованного нами музыкального нейроинтерфейса обусловлены рядом инновационных особенностей. Прежде всего, это применение значимых для пациента узкочастотных (0,4–0,6 Гц) ЭЭГ-осцилляторов вместо заранее заданных, излишне широкочастотных (3–5 Гц) и полифункциональных ЭЭГ-ритмов (тета-, бета-, альфа- и т.д.), что обеспечивает индивидуальную специфичность воздействий. Такие воздействия обеспечивают более точное и персонализированное лечение психогенных расстройств [16]. Кроме того, это учёт современных представлений о роли интероцептивных сигналов в процессах регуляции состояний человека. Согласно этим представлениям, восприятие интероцептивных сигналов обратной связи от мозга и сердца благодаря динами-

ческому взаимодействию между телом, мозгом и психикой может обеспечивать улучшение физического и психического здоровья человека [17].

Заключение

Выявленные даже после однократного воздействия эффекты, включая достоверный рост мощности альфа-ритма ЭЭГ относительно фона, положительные эмоциональные реакции и сдвиги функционального состояния организма, объясняются вовлечением процессов восприятия и обработки значимых для человека интероцептивных ЭЭГ-сигналов в механизмы нейропластичности и резонансные механизмы мозга, обеспечивающие нормализацию функционального состояния под влиянием свето-музыкальных воздействий с обратной связью от биопотенциалов мозга и сердца.

Полученные данные после дополнительных строго контролируемых исследований могут быть использованы для разработки перспективных методов персонализированного воздействия с помощью свето-музыкальных воздействий с обратной связью от биопотенциалов мозга и сердца, направленных на своевременное устранение функциональных нарушений и возвращение организма к оптимальному состоянию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Subhani A.R., Kamel N., Mohamad Saad M.N., Nandagopal N., Kang K., Malik A.S. Mitigation of stress: new treatment alternatives // Cogn. Neurodyn. 2018; 12 (1): 1–20.
2. Wood S., Sage J.R., Shuman T., Anagnostaras S.G. Psychostimulants and cognition: a continuum of behavioral and cognitive activation // Pharmacol. Rev. 2013. 66 (1): 193–221.
3. Dillon A., Kelly M., Robertson I.H., Robertson D.A. Smartphone applications utilizing biofeedback can aid stress reduction // Front. Psychol. 2016. 17 (7): 832.
4. Phneah S.W., Nisar H. EEG-based alpha neurofeedback training for mood enhancement // Australas Phys. Eng. Sci. Med. 2017; 40 (2): 325–336.
5. Valeriani D., Cinel C., Poli R. Brain-Computer Interfaces for Human Augmentation // Brain Sci. 2019. 9 (2). pii: E22.
6. Sitaram R., Ros T., Stoeckel L., Haller S., Scharnowski F., Lewis-Peacock J., Weiskopf N., Blefari M.L., Rana M., Oblak E., Birbaumer N., Sulzer J. Closed-loop brain training: the science of neurofeedback // Nat. Rev. Neurosci. 2017. 18 (2): 86–100.
7. Указ Президента РФ № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 1 декабря 2016 г. // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения: 27.02.2019).
8. Федотчев А.И., Парин С.Б., Полевая С.А., Великова С.Д. Технологии «интерфейс мозг—компьютер» и нейробиоуправление: современное состояние и перспективы клинического применения // Современные технологии в медицине. 2017. 9 (1). С. 175–184.
9. Fedotchev A.I., Radchenko G.S., Zemlyanaya A.A. Music of the brain approach to health protection // J. Integr. Neurosci. 2018. 17 (3). С. 291–294.
10. Федотчев А.И., Земляная А.А., Полевая С.А., Савчук Л.В., Парин С.Б. Нейроинтерфейс с двойной обратной связью от ЭЭГ в коррекции стресс-вызванных расстройств // Современные технологии в медицине. 2019. 11 (1). С. 58–62.
11. Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.Н., Шарай В.В. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния // Вопросы психологии. 1973. № 6. С. 141–145.
12. Григорьева В.М., Тхостов А.Ш. Способ оценки эмоционального состояния человека. Патент РФ № 2291720 C1. 20.01.2007.
13. Полевая С.А., Некрасова М.М., Рунова Е.В., Бахчина А.В., Горбунова Н.А., Брянцева Н.В., Кожевников В.В., Шишалов И.С., Парин С.Б. Дискретный мониторинг и телеметрия сер-

дечного ритма в процессе работы на компьютере для оценки и профилактики утомления и стресса // Медицинский альманах. 2013. № 2 (26). С. 151–155.

14. Парин С.Б., Ветюгов В.В., Бахчина А.В., Полевая С.А. Роль эндогенной опиоидной системы в управлении вариабельностью сердечного ритма в контексте когнитивных нагрузок разного уровня // Современные технологии в медицине. 2014. № 6 (4). С. 116–124.
15. Frederick J.A. Psychophysics of EEG alpha state discrimination // Conscious Cogn. 2012. 21 (3). Pp. 1345–1354.
16. Lo M.C., Widge A.S. Closed-loop neuromodulation systems: next-generation treatments for psychiatric illness // Int. Rev. Psychiatry. 2017. 29 (2). Pp. 191–204.
17. Quadt L., Critchley H.D., Garfinkel S.N.The neurobiology of interoception in health and disease // Ann. NY Acad. Sci. 2018. 1428 (1). Pp. 112–128.

ENGLISH

Use of Cardiac and Cerebral Biopotential-Operated Neurointerfaces in Management of Stress-Induced Disorders

Alexandr Ivanovich Fedotchev — Doctor of Biological Sciences, leading scientific officer of the Reception Mechanism Laboratory of the Cell Biophysics Institute of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project "Cardiac and Cerebral Biopotentials Used As Control Signals in Back Coupling Biofeedback Treatment" (16-06-00133a).
E-mail: fedotchev@mail.ru

Sergei Borisovich Parin — Doctor of Biological Sciences, Head of Interdepartment Laboratory of Cognitive Psychophysiology of N.I. Lobachevskii Nizhniy Novgorod State University, researcher in the project mentioned above.
E-mail: parins@mail.ru

Sof'ya Alexandrovna Polevaya — Doctor of Biological Sciences, Head of Neurophysiology Department of the Central Scientific Research Laboratory of the Volga Research Medical University, Head of Psychophysiology Department of N.I. Lobachevskii Nizhniy Novgorod State University, researcher in the project mentioned above.
E-mail: S453383@mail.ru

Neurointerfaces or computerized management information systems using back coupling from a patient's bioelectrical parameters during a treatment. They come into use for non-drug management of a patient's functional status. A musical neurointerface with a double back coupling from a subject's cerebral biopotentials was previously developed and successfully applied to manage stress-induced disorders. This paper deals with an experiment involving a musical neurointerface where a double light and musical back coupling coming from electroencephalographic (EEG) parameters is accompanied with control signals related to cardiac rhythm. During an examination period stressed volunteers listened to music-like flute-like signals whose key and intensity were varied in a smooth manner in a close relationship with current amplitude of a predominant EEG spectral segment (oscillator alpha EEG) and observed real-time light signals obtained by direct transformation of digitized EEG into LED twinkles. Flute sounds with variable key and intensity were accompanied with sound signals coming from current cardiac rhythm of a subject. These exposures resulted in positive alterations of objective and subjective parameters (including significant growth of EEG alpha-rhythm capacity vs. background, decreased stress index of cardiac activity, increased estimation values of health status and mood, reduced level of emotional deadaptation). These effects are associated with involved perception and processing of important interoceptive signals to multisensory integration and neuroplasticity mechanisms, as well as brain resonance mechanisms responsible for functional status recovery influenced by light and musical stimulation controlled by human cerebral and cardiac biopotentials.

Keywords: neurointerfaces, patient's bioelectrical processes, electroencephalogram, cardiac rhythm, biofeedback, back coupling, stress-induced disorders, management

REFERENCES

1. Subhani A.R., Kamel N., Mohamad Saad M.N., Nandagopal N., Kang K., Malik A.S. Mitigation of stress: new treatment alternatives // Cogn. Neurodyn. 2018; 12 (1): 1–20.
2. Wood S., Sage J.R., Shuman T., Anagnostaras S.G. Psychostimulants and cognition: a continuum of behavioral and cognitive activation // Pharmacol. Rev. 2013. 66 (1): 193–221.
3. Dillon A., Kelly M., Robertson I.H., Robertson D.A. Smartphone applications utilizing biofeedback can aid stress reduction // Front. Psychol. 2016. 17 (7): 832.
4. Phneah S.W., Nisar H. EEG-based alpha neurofeedback training for mood enhancement // Australas Phys. Eng. Sci. Med. 2017; 40 (2): 325–336.
5. Valeriani D., Cinel C., Poli R. Brain-Computer Interfaces for Human Augmentation // Brain Sci. 2019. 9(2). pii: E22.
6. Sitaram R., Ros T., Stoeckel L., Haller S., Scharnowski F., Lewis-Peacock J., Weiskopf N., Blefari M.L., Rana M., Oblak E., Birbaumer N., Sulzer J. Closed-loop brain training: the science of neurofeedback // Nat. Rev. Neurosci. 2017. 18 (2): 86–100.
7. Ukaz Prezidenta RF № 642 «O strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii» ot 1 dekabrya 2016 g. // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41449 (data obrashcheniya: 27.02.2019) (in Russian).
8. Fedotchev A.I., Parin S.B., Polevaya S.A., Velikova S.D. Tekhnologii «interfeys mozg—komp'yuter» i neyrobioupravlenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy klinicheskogo primeneniya // Sovremennye tekhnologii v meditsine. 2017. 9 (1). S. 175–184 (in Russian).
9. Fedotchev A.I., Radchenko G.S., Zemlyanaya A.A. Music of the brain approach to health protection // J. Integr. Neurosci. 2018. 17 (3). S. 291–294.
10. Fedotchev A.I., Zemlyanaya A.A., Polevaya S.A., Savchuk L.V., Parin S.B. Neyrointerfeys s dvoynoy obratnoy svyaz'yu ot EEG v korrektsii stress-vyzvannykh rasstroystv // Sovremennye tekhnologii v meditsine. 2019. 11 (1). S. 58–62 (in Russian).
11. Doskin V.A., Lavrent'eva N.A., Miroshnikov M.N., Sharay V.V. Test differentsirovannoy samootsenki funktsional'nogo sostoyaniya // Voprosy psikhologii. 1973. № 6. S. 141–145 (in Russian).
12. Grigor'eva V.M., Tkhostov A.Sh. Sposob otsenki emotsional'nogo sostoyaniya cheloveka. Patent RF № 2291720 S1. 20.01.2007 (in Russian).
13. Polevaya S.A., Nekrasova M.M., Runova E.V., Bakhchina A.V., Gorbunova N.A., Bryantseva N.V., Kozhevnikov V.V., Shishalov I.S., Parin S.B. Diskretnyy monitoring i telemetriya serdechnogo ritma v protsesse raboty na komp'yutere dlya otsenki i profilaktiki utomleniya i stressa // Meditsinskiy al'manakh. 2013. № 2 (26). S. 151–155 (in Russian).
14. Parin S.B., Vetyugov V.V., Bakhchina A.V., Polevaya S.A. Rol' endogennoy opioidnoy sistemy v upravlenii variabel'nost'yu serdechnogo ritma v kontekste kognitivnykh nagruzok raznogo urovnya // Sovremennye tekhnologii v meditsine. 2014. № 6 (4). S. 116–124 (in Russian).
15. Frederick J.A. Psychophysics of EEG alpha state discrimination // Conscious Cogn. 2012. 21 (3). Rr. 1345–1354.
16. Lo M.C., Widge A.S. Closed-loop neuromodulation systems: next-generation treatments for psychiatric illness // Int. Rev. Psychiatry. 2017. 29 (2). Rr. 191–204.
17. Quadt L., Critchley H.D., Garfinkel S.N. The neurobiology of interoception in health and disease // Ann. NY Acad. Sci. 2018. 1428 (1). Rr. 112–128.

УДК 159.923
ГРНТИ 15.21.45, 15.21.51
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-153-162

О.И. ДАНИЛЕНКО*

Антиципационная состоятельность в системе предикторов академической успеваемости и субъективного благополучия студентов

Проведено исследование вклада антиципационной состоятельности (АС) и ряда личностных характеристик (самоэффективность, жизнестойкость, оптимизм, личностная тревожность) как адаптационных ресурсов личности в субъективное благополучие и академическую успеваемость студентов вуза. На разных этапах исследования опрошено более 600 студентов старших курсов разных специальностей. Данные о субъективном благополучии получены посредством Шкалы субъективного благополучия и Шкалы удовлетворённости жизнью. Показатель успеваемости — средний балл за весь период обучения. Для определения значений личностных переменных использованы показатели Шкалы общей самоэффективности, Теста диспозиционного оптимизма, Теста смысложизненных ориентаций, Теста жизнестойкости, Шкалы личностной тревожности. Для обработки полученных данных использовались частотный анализ, эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, корреляционный анализ, многофакторный регрессионный анализ. Построенная факторная модель АС студентов включает пять компонентов, которые получили названия: дисциплинированность, предусмотрительность, саморегуляция в учебной деятельности, самооценка успешности, психосоматическая саморегуляция. Данные о выраженности этих компонентов и общей АС студентов получены посредством разработанного опросника АС-ВУЗ-2. Регрессионный анализ показал, что в число значимых позитивных предикторов субъективного благополучия входят общий показатель АС студентов и показатель самоэффективности; значимым негативным предиктором является личностная тревожность субъекта. Позитивный вклад в академическую успеваемость вносят компоненты АС студента предусмотрительность и саморегуляция в учебной деятельности и показатели, отражающие уверенность субъекта в возможности контролировать обстоятельства своей жизни, а также личностная тревожность. В число значимых негативных предикторов входят показатели, отражающие удовлетворённость самореализацией и показатель, отражающий готовность субъекта рисковать для приобретения нового опыта. Компонент АС студента предусмотрительность вносит наиболее значительный вклад в показатель академической успеваемости из всех учтённых переменных, причём вклад позитивный.

Ключевые слова: психология стресса и совладания, личностные ресурсы, ориентированный на будущее копинг, проактивный и превентивный копинг, антиципационная состоятельность студентов, академическая успеваемость, субъективное благополучие

* **Даниленко Ольга Ивановна** — доктор культурологии, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Антиципационная состоятельность как предиктор субъективного благополучия и успешности в обучении» (16-06-00477а).
E-mail: danilenko.olga@gmail.com

В процессе обучения в вузе студенты неизбежно сталкиваются с ситуациями, провоцирующими переживание стресса. Неспособность справиться со стрессом приводит к ряду негативных последствий, в том числе к снижению эффективности обучения, утрате позитивного эмоционального настроя и удовлетворённости жизнью. Выявить факторы стрессоустойчивости личности — важная задача психологической науки, которая решается в рамках активно развивающейся области психологии стресса и совладания.

В последние десятилетия внимание зарубежных и российских учёных привлекает проблема заблаговременного совладания. Наряду с реактивным копингом рассматриваются превентивный и проактивный копинги как варианты «копинга, ориентированного на будущее» (future-oriented coping). Реализуя его, субъект предвидит наступление трудных ситуаций, предпринимает действия для их предотвращения и преодоления, если такая ситуация всё же произошла [1–6 и др.].

Необходимым условием заблаговременного совладания является антиципация потенциально трудных ситуаций. С 1990-х гг. В.Д.Менделевич и его коллеги разрабатывают концепцию антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) личности. Она определяется как способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственных реакций на них, а также действовать с временно-пространственным упреждением. С позиций психологии личности антиципационная состоятельность рассматривается как структурообразующий компонент системы стабилизации личности наряду с защитными механизмами и копинг-стратегиями [7].

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выявить вклад антиципационной состоятельности как составляющих системы личностных ресурсов в субъективное благополучие и успешность обучения студентов вуза. В исследовании принимали участие в качестве исполнителей ст. науч. сотр. факультета психологии СПбГУ, канд. психол. наук И.А.Горбунов и аспирантка факультета психологии СПбГУ О.И.Юревич.

Пилотажное исследование, в котором был использован Тест антиципационной состоятельности В.Д.Менделевича, показало, что данные этого теста, первоначально созданного в рамках медицинской психологии, не являются прогностичными для показателей академической успеваемости и субъективного благополучия студентов [8]. Это побудило нас к разработке модели антиципационной состоятельности студента (АС студента).

Теоретические основания и операционализация концепта «антиципационная состоятельность студента»

При создании модели АС студента мы опирались на транзактную концепцию стресса и копинга Р.Лазаруса, концепции проактивного совладания и антиципационной состоятельности личности, ресурсный подход к преодолению стресса.

Работа по созданию модели АС студента проходила в несколько этапов, в ходе которых было опрошено более 600 учащихся вузов старших курсов разных специальностей. На первом этапе мы выявили, с какими трудностями встречаются студенты в процессе обучения в вузе и какие ресурсы используют для их преодоления. На основе полученных данных был создан опросник АС-ВУЗ-1. Он позволил на втором этапе исследования получить шестифакторную модель АС студента. Выявленные корреляционные взаимосвязи показателей факторов с показателями академической успеваемости и субъективного благополучия подтвердили диагностические возможности опросника. В процессе анализа данных обнаружилось, что структура опросника требует коррекции, что было сделано при сохранении содержания его пун-

Таблица 1

Компоненты антиципационной состоятельности студентов

Название	Содержание
Дисциплинированность	Умение соответствовать требованиям учебного процесса (время посещения занятий, соблюдение сроков сдачи учебных работ и пр.), нарушение которых чревато негативными санкциями
Предусмотрительность	Склонность заботиться о будущем, создавать ресурсы для успешной деятельности и хорошего самочувствия в более или менее отдалённой перспективе, принимая во внимание возможные трудности на пути реализации жизненных целей
Саморегуляция в учебной деятельности	Способность адекватно оценивать свои возможности и требования, предъявляемые учебным процессом
Психосоматическая саморегуляция	Способность заботиться о физическом и психическом самочувствии как ресурсе для успешной учёбы
Самооценка успешности	Отражает оценку студентом своих достижений в процессе учёбы

ктов. Откорректированный вариант получил название АС-ВУЗ-2. Посредством его на третьем этапе исследования получена пятифакторная модель АС студента. Использованные математические методы, в том числе конфирматорный факторный анализ, подтверждают адекватность полученной модели эмпирическим данным. Это позволяет рассматривать АС студентов как многомерный конструкт, включающий разные аспекты способности студентов вуза предвидеть, предотвращать и преодолевать трудные ситуации, создавая и используя ресурсы преодоления трудностей. Компоненты АС студентов, получившие названия по содержанию пунктов опросника, представлены в табл. 1.

Пункты опросника, вошедшие в факторы, составили шкалы, надёжность которых подтверждена коэффициентом альфа Кронбаха. Она варьирует от удовлетворительной (*психосоматическая саморегуляция* 0,61) до хорошей (*предусмотрительность* 0,78). Очевидно, показатели шкалы *самооценка успешности* лишь отчасти свидетельствуют о способности субъекта предвидеть и предупреждать трудности, в большей мере отражая его интеллектуальные и мотивационные характеристики, поэтому она используется как дополнительная.

Выявленные положительные корреляционные связи между показателями компонентов АС студентов, академической успеваемости и субъективного благополучия подтверждают правильность выбранной нами модели АС студентов [9].

Антиципационная состоятельность студентов в системе ресурсов совладания с трудностями учёбы

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что компоненты АС студентов могут служить предикторами их академической успеваемости и субъективного благополучия наряду с такими личностными характеристиками, как самоэффективность, жизнестойкость, оптимизм, осмысленность жизни, личностная тревожность.

Для проверки гипотезы использованы следующие методики:

1) авторский опросник АС-ВУЗ-2; показатели шкал: *дисциплинированность, предусмотрительность, саморегуляция в учебной деятельности, психосоматическая саморегуляция* [9];
2) опросники: Шкала субъективного благополучия (ШСБ) [10], Шкала удовлетворённости жизнью (ШУДЖ) [11], Шкала общей самоэффективности (ШОС) [12], Тест диспозиционного оптимизма (ТДО) [13], Тест смысложизненных ори-

Таблица 2

Антиципацинная состоятельность студентов в системе личностных предикторов академической успеваемости

Зависимые переменные	Позитивные предикторы	Негативные предикторы
Академическая успеваемость (средний балл за весь период обучения)	Предусмотрительность (β = 0,30, p < 0,000) Локус контроля-Я (β = 0,26, p < 0,05) Контроль (β = 0,20, p < 0,01) Личностная тревожность (β = 0,19, p < 0,01) Саморегуляция в учебной деятельности (β = 0,16, p < 0,05)	Результативность жизни, или удовлетворённость самореализацией (β = –0,28, p < 0,05) Принятие риска (β = –0,18, p < 0,05)

Таблица 3

Антиципационная состоятельность студентов в системе личностных предикторов субъективного благополучия

Зависимые переменные		Позитивные предикторы	Негативные предикторы
Субъективное благополучие	*ШСБ*	Общий уровень АС студентов (β = –0,25, p < 0,000) Самоэффективность (β = –0,25, p < 0,000)	Личностная тревожность *(β = 0,27,* p < 0,000*)*
	ШУДЖ	Общий уровень осмысленности жизни *(β = 0,65,* p < 0,000*)*	Не выявлены

Примечание: Более высоким показателям опросника ШСБ соответствует более низкий уровень субъективного благополучия субъекта.

ентаций (СЖО) [14], Тест жизнестойкости [15], Шкала личностной тревожности (ШЛТ) [16];

3) анкета, содержащая вопросы об академической успеваемости студентов, в том числе среднем балле за период обучения, а также сведения о их возрасте и поле.

Для обработки полученных данных использованы *методы математической статистики:* первичные статистики, корреляционный анализ (r-Пирсона), регрессионный анализ.

Выборка. В исследовании приняли участие 276 студентов, обучающихся на 3-м курсе бакалавриата и специалитета и 1-м курсе магистратуры в одном из вузов Санкт-Петербурга по различным специальностям; из них мужчин 69 (25%), женщин 193 (70%); у 14 (5%) пол не указан в анкете; средний возраст 21,8 лет. Опрос проводился в бланковой форме в аудитории анонимно и добровольно.

Результаты и их обсуждение

Для определения относительного вклада показателей АС студента и личностных характеристик в академическую успеваемость была построена регрессионная модель. В качестве зависимой переменной выступает средний балл за весь период обучения, в качестве независимых переменных — показатели компонентов АС студентов и шкал личностных опросников. Результаты представлены в табл. 2.

Регрессионная модель объясняет 21% дисперсии зависимой переменной. Обнаружено, что в число значимых позитивных предикторов академической успеваемости входят два компонента АС студента: *предусмотрительность* (β = 0,30, p < 0,000*)* и *саморегуляция в учебной деятельности* (β = 0,16, p < 0,05). Получен-

ные данные свидетельствуют в пользу нашей гипотезы: АС студента входит в число предикторов академической успеваемости наряду с другими личностными характеристиками студентов.

Вклад компонента АС студента *предусмотрительность* в академическую успеваемость позитивный, и он наиболее значим по сравнению с другими учтёнными личностными характеристиками. Этот результат представляется вполне закономерным, поскольку *предусмотрительность* в нашей модели означает склонность студента осуществлять учебную деятельность во имя значимых жизненных целей и с учётом возможных трудностей для их достижения, а значит, высокую мотивированность учащегося. Такое поведение субъекта по содержанию близко к проактивному копингу. Этот тип заблаговременного совладания определяется как ориентированный на достижение отдалённых целей, предполагающий накопление ресурсов для их достижения и предотвращения трудностей, которые могут этому препятствовать.

Заметим, что в число значимых предикторов не вошёл компонент АС студента *дисциплинированность,* направленный на соблюдение учебных регламентов и тем самым обеспечивающий предотвращение потенциальных санкций. Такие действия имеют сходство с превентивным копингом. В отличие от проактивного, превентивный копинг предполагает заботу о предотвращении определённых угроз в относительно близком будущем. Хотя и содержание конструктов проактивный и превентивный копинг, и эмпирические исследования показывают, что чёткую границу между этими типами «ориентированного-на-будущее» копинга провести невозможно [2, 3, 6, 17], их роль в организации поведения личности различна. Так, было обнаружено, что и проактивный, и превентивный копинг способствуют смягчению негативного влияния стресса на вовлечённость студентов в учёбу, однако при этом положительное влияние проактивного копинга более выражено, чем влияние превентивного копинга [18].

Компонент АС студента *саморегуляция в учебной деятельности* также вошёл в число значимых предикторов академической успеваемости студентов, что соответствует выводам, сделанным В.И. Моросановой с коллегами: осознанная саморегуляция является значимым предиктором учебных достижений [19].

Среди личностных характеристик наиболее значительный позитивный вклад в академическую успеваемость вносят показатели, свидетельствующие об уверенности субъекта в возможности контролировать обстоятельства своей жизни: шкалы «Локус контроля-Я» опросника СЖО ($\beta = 0{,}26$, $p < 0{,}05$) и «Контроль» Теста жизнестойкости ($\beta = 0{,}20$, $p < 0{,}01$). Ещё один позитивный предиктор академической успеваемости студентов — *личностная тревожность* ($\beta = 0{,}19$, $p < 0{,}01$). В литературе представлены весьма противоречивые данные о связи успеваемости и личностной тревожности учащегося. Наш результат позволяет утверждать, что более высокий уровень тревожности может способствовать успехам в учёбе. В качестве негативных предикторов в итоговую модель вошли удовлетворённость самореализацией, о чём свидетельствует показатель Шкалы «Результативность жизни» опросника СЖО ($\beta = -0{,}28$, $p < 0{,}05$). Готовность рисковать без гарантии на успех деятельности также не способствует получению высоких оценок: Шкала «Принятие риска» Теста жизнестойкости ($\beta = -0{,}18$, $p < 0{,}05$). Подробнее см. [20].

Обратимся теперь к анализу регрессионной модели, где в качестве зависимой переменной выступает показатель субъективного благополучия студента (табл. 3). Для определения уровня субъективного благополучия студентов мы использовали показатели двух методик: Шкалы субъективного благополучия (ШСБ) и Шкалы удовлетворённости жизнью

(ШУДЖ). Первая позволяет получить данные об эмоциональном компоненте субъективного благополучия, вторая — о когнитивном компоненте: оценке соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям субъекта [10, 11]. В качестве независимых переменных введены общий показатель АС студента, определяемый как сумма баллов по основным шкалам, и показатели личностных опросников.

Регрессионная модель для показателя субъективного благополучия по методике ШСБ объясняет 22% дисперсии зависимой переменной; по методике ШУДЖ — 36%. Обнаружено, что показатель АС студентов вошёл в число значимых позитивных предикторов эмоционального переживания субъективного благополучия ($\beta = -0{,}25$, $p < 0{,}000$), но не является значимым предиктором удовлетворённости жизнью. Наряду с АС позитивный вклад в субъективное благополучие студентов вносит самоэффективность личности ($\beta = -0{,}25$, $p < 0{,}000$), негативный вклад — личностная тревожность ($\beta = 0{,}27$, $p < 0{,}000$). Удовлетворённость жизнью в большой степени связана с тем, в какой мере субъект считает свою жизнь наполненной смыслом ($\beta = 0{,}65$, $p < 0{,}000$). Наша гипотеза о том, что АС студента входит в число предикторов субъективного благополучия наряду с другими личностными характеристиками, подтвердилась лишь отчасти.

Какие же компоненты АС студентов оказываются наиболее значимыми для эмоционального переживания субъективного благополучия? Мы провели регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной выступает показатель ШСБ, а в качестве независимых переменных — показатели компонентов АС студентов; модель объясняет 22% дисперсии зависимой переменной. Обнаружено, что в равной степени позитивный вклад в эмоциональное переживание студентами субъективного благополучия вносят компоненты АС студентов *предусмотрительность* и *саморегуляция в учебной деятельности* ($\beta = -0{,}24$, $p < 0{,}000$). Несколько менее значим показатель *психосоматической саморегуляции* ($\beta = -0{,}15$, $p < 0{,}05$) [21]. Эти результаты представляются вполне закономерными. *Предусмотрительность* характеризует субъекта как стратегически ориентированного; *саморегуляция в учебной деятельности* обеспечивает тактику успешной учёбы за счёт адекватной оценки требований учебного процесса и своих возможностей; забота о своём психическом и физическом самочувствии помогает в особенно напряжённые периоды учебного процесса. Все эти качества, обеспечивая успехи в учёбе, способствуют и переживанию субъективного благополучия.

Заключение

В результате нашего исследования разработан концепт и предложена модель АС студента, которая включает компоненты *дисциплинированность, предусмотрительность, саморегуляция в учебной деятельности, психосоматическая саморегуляция*. Обнаружено, что *предусмотрительность* (склонность заботиться об отдалённых перспективах обучения и создавать ресурсы для реализации целей, учитывая возможные трудности на пути к их достижению), а также *саморегуляция в учебной деятельности* (способность адекватно оценивать свои возможности и требования, предъявляемые учебным процессом) находятся в числе значимых предикторов академической успеваемости наряду с другими личностными характеристиками.

Эти же компоненты АС студента, а также *психосоматическая саморегуляция* (способность заботиться о физическом и психическом самочувствии как ресурсе для успешной учебы) вносят вклад в субъективное благополучие личности. Все это позволяет рассматривать антиципационную состоятельность студентов как существенный психологический ресурс для заблаговременного преодоления трудностей учёбы.

Полученные нами результаты свидетельствуют о плодотворности исследований проявления антиципационной состоятельности при осуществлении различных видов деятельности. Опросник, выявляющий уровень развития компонентов, может быть использован для диагностики выраженности компонентов АС студентов, для проведения профилактической и коррекционной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aspinwall L.G. Future-Oriented Thinking, Proactive Coping, and Management of Potential Treats to Health and Well-Being // The Oxford Handbook of Stress, Health and Coping / Ed. by S. Folkman. Ch. 17. New York: Oxfiod University Press, 2011. P. 334–367.
2. Drummond S., Brough P. Proactive coping and preventive coping: Evidence for two distinct-constructs? // Personality and Individual Differences. Vol. 92. April 2016. P. 123–127.
3. Greenglass E.R. Proactive Coping and Quality of Life Management // E. Fydenberg (Eds.), Beyond Coping: Meeting Goals, Visions, and Challenges. London: Oxford University Press. 2002. P. 19–35.
4. Schwarzer R. Stress, resources and proactive coping // Applied Psychology: An International Review. 2001. Vol. 50. № 3. P. 400–407.
5. Старченкова Е.С. Ресурсы проактивного совладающего поведения // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2012. Вып. 1. С. 51–60.
6. Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Электронный журнал «Клиническая и специальная психология». 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. doi:10.17759/psyclin.2018070312. http://psyjournals.ru/files/95493/Belinskaya_et_al.pdf (дата обращения: 08.02.2019).
7. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. Казань. М.: Медицина, 2011.
8. Даниленко О.И., Горбунов И.А., Юревич О.И. Антиципационная состоятельность студентов: опыт эмпирического исследования // Материалы съезда Российского психологического общества / Сост. Л.В. Артищева; Под ред. А.О. Прохорова, Л.М. Попова, Л.Ф. Баяновой и др. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 2. С. 372–374.
9. Даниленко О.И., Горбунов И.А. Антиципационная состоятельность как личностный ресурс студентов // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 33–43.
10. Шкала субъективного благополучия // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 467–470.
11. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (21–22 октября 2008 г.), 2008. URL:http://publications.hse.ru/chapters/78753840 (дата обращения: 11.09.2017).
12. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
13. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
14. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006.
15. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
16. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л., 1976.
17. Pahl S.A. Proactive coping: determinants, mediators, and outcomes. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. The University 0f Texas at Austin. August 2012. URL:https://reposi-

tories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/ETD-UT-2012-08-5910 /PAHLDISSERTATION.pdf?sequence=1 (дата обращения: 13.08.2017).

18. Yiqun Gan et al. The two-factor structure of future-oriented coping and its mediating role instudent engagement // Personality and Individual Differences. 2007. 43. 851–863. URL:https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886907000542. (дата обращения: 11.02.2019).
19. Моросанова В.И., Фомина Т.Г., Цыганов И.Ю. Осознанная саморегуляция и отношение к учению в достижении учебных целей. СПб.: Нестор-История, 2017.
20. Даниленко О.И. Антиципационная состоятельность в системе личностных предикторов академической успеваемости студентов // Психологические исследования, 2018. 11 (61). 9. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1627-danilenko61.html (дата обращения: 12.02.2019).
21. Даниленко О.И. Антиципационная состоятельность как предиктор субъективного благополучия студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 264–268. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35707846 (дата обращения: 12.02019).

ENGLISH

Anticipative Consistency within the System of Predictors of Academic Progress and Students' Subjective Well-Being

Olga Ivanovna Danilenko — Doctor of Cultural Science, Assistant Professor of General Psychology Department of the Saint Petersburg State University, supervisor of the project "Anticipative Consistency Considered As a Predictor of Academic Progress and Subjective Well-Being" (16-06-00477a).
E-mail: danilenko.olga@gmail.com

Anticipative consistency (AC) and several personal characteristics (e.g., self-efficacy, vital capacity, optimism, trait anxiety) were studied as personal adaptative resources involved in subjective well-being and academic progress of graduate students. More than 600 graduate students of different specialities were interrogated at various stages of the study. To obtain data on subjective well-being, the author used Subjective Well-Being Scale and Satisfaction With Life Scale. An average study grade was an academic progress indicator. To determine significance of personal variables, General Self-Efficacy Scale, Dispositional Optimism Test, Life-Purpose Orientation Test, Vital Capacity Test and Trait Anxiety Scale were used. To process obtained data, frequency study, exploratory factor analysis, confirmatory factor analysis, correlation analysis and multivariate regression analysis were applied. Student AC factor model includes five elements (i.e., discipline, precaution, learning activity self-direction, success self-rating and mind-body self-regulation). A developed AS-VUZ-2 questionnaire enabled collection of data on the element intensity and general AC of students. Regression analysis revealed that significant positive predictors of subjective well-being include general AC of students and self-efficacy. A subject's trait anxiety is a significant negative predictor. Several elements of a student's AC (i.e., precaution and learning activity self-direction), as well as parameters demonstrating a subject's confidence for life circumstance control and trait anxiety have a positive contribution to academic progress. Parameters indicating self-fulfillment satisfaction and a factor demonstrating a subject's risk to acquire new experience represent significant negative predictors. Considered as a student's AC element, precaution has the most significant positive impact on academic progress as compared with all the considered variables.

Keywords: stress and coping psychology, personal resources, future-oriented coping, proactive and preventive coping, students' anticipative consistency, academic progress, subjective well-being

REFERENCES

1. Aspinwall L.G. Future-Oriented Thinking, Proactive Coping, and Management of Potential Treats to Health and Well-Being // The Oxford Handbook of Stress, Health and Coping / Ed. by S.Folkman. Ch. 17. New York: Oxfiod University Press, 2011. P. 334–367.
2. Drummond S., Brough P. Proactive coping and preventive coping: Evidence for two distinct-constructs? // Personality and Individual Differences. Vol. 92. April 2016. P. 123–127.
3. Greenglass E.R. Proactive Coping and Quality of Life Management // E. Fydenberg (Eds.), Beyond Coping: Meeting Goals, Visions, and Challenges. London: Oxford University Press. 2002. P. 19–35.
4. Schwarzer R. Stress, resources and proactive coping // Applied Psychology: An International Review. 2001. Vol. 50. № 3. P. 400–407.
5. Starchenkova E.S. Resursy proaktivnogo sovladayushchego povedeniya // Vestnik SPbGU. Ser. 12. 2012. Vyp.1. S. 51–60 (in Russian).
6. Belinskaya E.P., Vecherin A.V., Agadullina E.R. Oprosnik proaktivnogo kopinga: adaptatsiya na neklinicheskoy vyborke i prognosticheskie vozmozhnosti // Elektronnyy zhurnal «Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya». 2018. T. 7. № 3. S. 192–211 (in Russian). doi:10.17759/psyclin.2018070312. http://psyjournals.ru/files/95493/Belinskaya_et_al.pdf (data obrashcheniya: 08.02.2019).
7. Mendelevich V.D. Antitsipatsionnye mekhanizmy nevrozogeneza. Kazan'. M.: Meditsina, 2011 (in Russian).
8. Danilenko O.I., Gorbunov I.A., Yurevich O.I. Antitsipatsionnaya sostoyatel'nost' studentov: opyt empiricheskogo issledovaniya // Materialy s"ezda Rossiyskogo psikhologicheskogo obshchestva / Sost. L.V. Artishcheva; Pod red. A.O. Prokhorova, L.M. Popova, L.F. Bayanovoy i dr. Kazan': izd-vo Kazan. un-ta, 2017. T. 2. S. 372–374 (in Russian).
9. Danilenko O.I., Gorbunov I.A. Antitsipatsionnaya sostoyatel'nost' kak lichnostnyy resurs studentov // Voprosy psikhologii. 2018. № 3. S. 33–43 (in Russian).
10. Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya // Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp. M., Izd-vo Instituta psikhoterapii, 2002. C. 467–470 (in Russian).
11. Osin E.N., Leont'ev D.A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Elektronnyy resurs] // Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa (21–22 oktyabrya 2008 g.), 2008. URL:http://publications.hse.ru/chapters/78753840 (data obrashcheniya: 11.09.2017) (in Russian).
12. Shvartser R., Erusalem M., Romek V. Russkaya versiya shkaly obshchey samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema // Inostrannaya psikhologiya. 1996. № 7. S. 71–76 (in Russian).
13. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotka russkoyazychnoy versii Testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) // Psikhologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 36–64 (in Russian).
14. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZHO). 2-e izd. M.: Smysl, 2006 (in Russian).
15. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoykosti. M.: Smysl, 2006 (in Russian).
16. Khanin Yu.L. Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch.D. Spilbergera. L., 1976 (in Russian).

17. Pahl S.A. Proactive coping: determinants, mediators, and outcomes. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. The University 0f Texas at Austin. August 2012. URL:https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/ETD-UT-2012-08-5910/PAHLDISSERTATION.pdf?sequence=1 (data obrashcheniya: 13.08.2017).
18. Yiqun Gan et al. The two-factor structure of future-oriented coping and its mediating role instudent engagement // Personality and Individual Diéerences. 2007. 43. 851–863. URL:https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886907000542. (data obrashcheniya: 11.02.2019).
19. Morosanova V.I., Fomina T.G., Tsyganov I.Yu. Osoznannaya samoregulyatsiya i otnoshenie k ucheniyu v dostizhenii uchebnykh tseley. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017 (in Russian).
20. Danilenko O.I. Antitsipatsionnaya sostoyatel'nost' v sisteme lichnostnykh prediktorov akademicheskoy uspevaemosti studentov // Psikhologicheskie issledovaniya, 2018. 11 (61). 9. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1627-danilenko61.html (data obrashcheniya: 12.02.2019) (in Russian).
21. Danilenko O.I. Antitsipatsionnaya sostoyatel'nost' kak prediktor sub"ektivnogo blagopoluchiya studentov // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2018. T. 7. № 3. S. 264–268. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35707846 (data obrashcheniya: 12.02019) (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-163-177

Ю.Г. КУТИМОВ*

Археологические исследования памятников бронзового века в западных районах Таджикистана

В эпоху бронзы территорию современного Таджикистана осваивали различные по образу жизни, характеру хозяйственной деятельности и уровню развития материальной культуры племена древнеземледельческого и скотоводческого типа. Археологические исследования, проведённые в 2012–2014 и 2017 гг. в западной части Гиссарской долины Таджикистана, выявили новые материалы, свидетельствующие об активных культурных контактах различных групп населения в бронзовом веке.

Ключевые слова: миграция древнеземледельческого населения, эпоха поздней бронзы, памятники бешкентско-вахшской культуры

Гиссарская долина Таджикистана представляет собой значительную по площади межгорную впадину Гиссаро-Алайской горной системы Средней Азии. Благоприятные климатические условия и изобилие водных источников способствовали активному освоению долины различными племенами земледельческого и скотоводческого типа, начиная с эпохи бронзы. В настоящее время в западной части Гиссарской долины, в пределах Гиссарского, Шахринавского и Турсунзадевского районов Республики Таджикистан, известно более 200 памятников археологии, большая часть из которых относится к различным периодам античной и средневековой истории Таджикистана. Археологических комплексов бронзового века здесь известно мало, они представлены такими памятниками, как могильники Кумсай и Тандырйул, а также единичными случайными находками металлических изделий [1].

Археологические исследования в 2012–2014 и 2017 гг. были проведены силами Таджикистанского археологического отряда Института истории материальной

* **Кутимов Юрий Геннадьевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, руководитель проектов «Исследование могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан)» (12-01-18003е), «Раскопки могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан) (полевой сезон 2013 г.)» (13-01-18015е), «Археологические исследования памятников эпохи бронзы Гиссарской долины (Таджикистан)» (14-01-18018е), «Археологические исследования могильника эпохи бронзы Тандырйул (Таджикистан)» (17-01-18011е).
E-mail: yuriuz@rambler.ru

Фото 1. Гиссарская долина. Южные слоны Гиссарского хребта

культуры РАН[1] совместно с Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониш Академии наук Республики Таджикистан, при организационном содействии Министерства культуры Республики Таджикистан. Основная задача полевых исследований заключалась в ревизии существующего состояния и возобновления раскопок частично исследованных в 1970–1980-е гг. могильников эпохи поздней бронзы Кумсай и Тандырйул, а также в поисках новых материалов бронзового века в верховьях р. Сурхандарьи.

Могильник эпохи поздней бронзы Кумсай был открыт в середине 1980-х гг. на восточной окраине кишлака им. М. Горького при строительстве мелиоративного канала. Археологические раскопки могильника проводились в 1987–1988 гг., в ходе этих исследований было раскопано 21 погребение эпохи поздней бронзы. Материалы могильника Кумсай имеют смешанный характер. В погребениях находятся керамика и металлические изделия, которые относятся как к андроновской фёдоровской традиции, так и к сапаллинской культуре на молалинском этапе её развития [2]. Осенью 2007 г. на могильнике Кумсай были проведены разведки, в результате которых было открыто ещё одно погребение эпохи поздней бронзы [3], данные исследования показали, что памятник раскопан частично и требует дальнейшего археологического изучения.

Могильник Кумсай расположен в западной части Гиссарской долины, в предгорной зоне южных склонов Гиссарского хребта (фото 1), в междуречье Каратага и Ширкента. Могильник находится в нижней части лёссового холма (фото 2), верхняя часть которого в настоящее время используется местными жителями в качестве кладбища. Естественный рельеф местоположения могильника в значительной степени был изменён строительны-

[1] Начальник отряда — к.и.н. Кутимов Ю.Г. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). В разные годы в работе отряда принимали участие: археологи — к.и.н. Виноградова Н.М. (ИВ РАН, Москва), Купцова Л.В. (ОГПУ, Оренбург), к.и.н. Филимонова Т.Г., к.и.н. Сайфуллоев Н., Назруллоев Ш. (ИИАЭ АН РТ, Душанбе); антрополог Нечвалода А.И. (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа); архитектор-художник Никитина М.Н. (ИИМК РАН).

Фото 2. Кумсай. Общий вид

ми работами при сооружении мелиоративного канала. По сообщениям местных жителей, в ходе строительства канала на поверхность земли ковшом экскаватора были извлечены человеческие кости и обломки керамической посуды. Очевидно, что часть могильника Кумсай была уничтожена строительными работами.

Археологические раскопки могильника Кумсай в 2012–2013 гг. стали продолжением раскопок 1987–1988 и 2007 гг. [4, 5]. Задача исследования состояла в определении границ памятника с северной и восточной сторон. Общая площадь раскопанных участков составила более 400 кв. м., в их границах были обнаружены пять погребений позднего бронзового века. Захоронения могильника Кумсай имеют катакомбную конструкцию. При сооружении погребения на склоне холма первоначально выкапывалась входная яма округлой формы, диаметром около 90 см и глубиной около 100–120 см. Затем с северной стороны входной ямы, в сторону повышения склона, выкапывалась погребальная камера овальной формы диаметром до 150–160 см. Высота погребальной камеры в среднем составляла 60–70 см. На дно погребальной камеры укладывали умершего в скорченном положении, на левом или правом боку, лицом, обращённым к входу в погребальную камеру или же в противоположную от входа сторону (рис. 1).

Умершие, главным образом — девочки-подростки и женщины молодого возраста, сопровождались небольшим числом украшений: бронзовыми и пастовыми бусами, надеваемыми на шею и щиколотки ног, бронзовыми желобчатыми браслетами на запястьях рук, бронзовыми височными подвесками (фото 3). Перед лицом выставлялись один-два керамических сосуда. Входная яма закладывалась большим количеством камней — крупной речной галькой, которую собирали и поднимали на склон холма снизу, из ложбины, где в древности протекала небольшая река.

Захоронения могильника Кумсай имеют весьма интересную специфику. Практически все обнаруженные здесь погребения принадлежат детям, подросткам или же лицам молодого возраста (не старше 20–25 лет). Также отмечается не только ранневозрастная принадлеж-

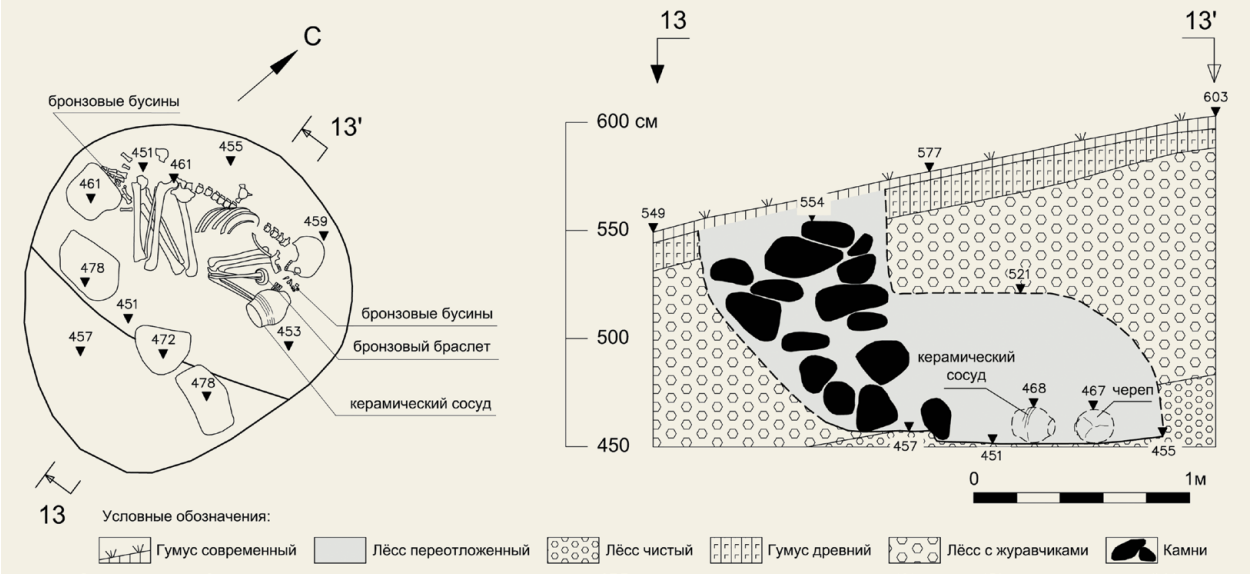


Рис. 1. Кумсай. Погребение 27

ность погребений, но и половая: практически все погребения, где удалось определить пол погребённого, были женские. Данная особенность захоронений может в целом отражать половозрастную специфику могильника, где хоронили только детей, подростков и женщин молодого возраста, либо данные погребения представляют собой отдельный (детско-подростковый) участок древнего кладбища. К сожалению, часть могильника Кумсай была утрачена в ходе строительных работ и ответ на этот вопрос остаётся открытым.

В ходе раскопок могильника Кумсай в 2012–2013 гг. были обнаружены новые материалы, неизвестные ранее на территории Таджикистана. В одном из погребений найдена височная подвеска с тремя конусообразными выступами (рис. 2 — *1*). Ближайшими ей по типу украшениями являются так называемые «трёхбусинные» подвески сумбарских могильников Юго-Западного Туркменистана (рис. 2 — *2–9*) и поселения Кокча 15 тазабагъябской культуры Южного Приаралья (рис. 2 — *10*). Найденные в погребениях Кумсая желобчатый браслет, а также бронзовые и пастовые бусы типичны для андроновских (фёдоровских) памятников Зеравшанской долины (Дашти-Кози, Чака, Муминабад).

Ещё одной интереснейшей находкой из Кумсая является керамический сосуд с каннелюрами (фото 4), найденный в одном погребении вместе с подвеской. Данный сосуд имеет типичную для фёдоровской керамики горшковидную форму с отогнутым наружу венчиком и плавной профилировкой тулова, однако технология его изготовления типично древнеземледельческая: сосуд сделан из хорошо отмученной глины на гончарном круге быстрого вращения с использованием печного высокотемпературного обжига. В данном случае мы имеем яркий пример совмещения различных керамических культурных традиций. Вполне вероятно, что изготовление гончарного сосуда с каннелюрами имело заказной характер, когда оседлый мастер-гончар сделал его «на заказ» для андроновца, либо же это попытка освоения степным населением оседло-земледельческой технологии изготовления керамической посуды. Каннелюры являются одним из основных декоративных элементов на посуде андроновской фёдоровской культуры, где они использовались в виде разграничителя орнаментальных зон на сосуде, либо как самостоятельный элемент орнамента. На памятниках эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана, основной тер-

Фото 3. Кумсай. Погребение 27. Женские украшения

ритории обитания племён древнеземледельческой сапаллинской культуры, каннелюры на посуде встречаются достаточно редко. На территории Таджикистана, где в эпоху поздней бронзы происходили интенсивные контакты земледельцев со степными племенами, сосуды с каннелюрами встречаются значительно чаще (могильники Тандырйул, Дашти-Кози, поселение Кангуртут). Таким образом, уни-

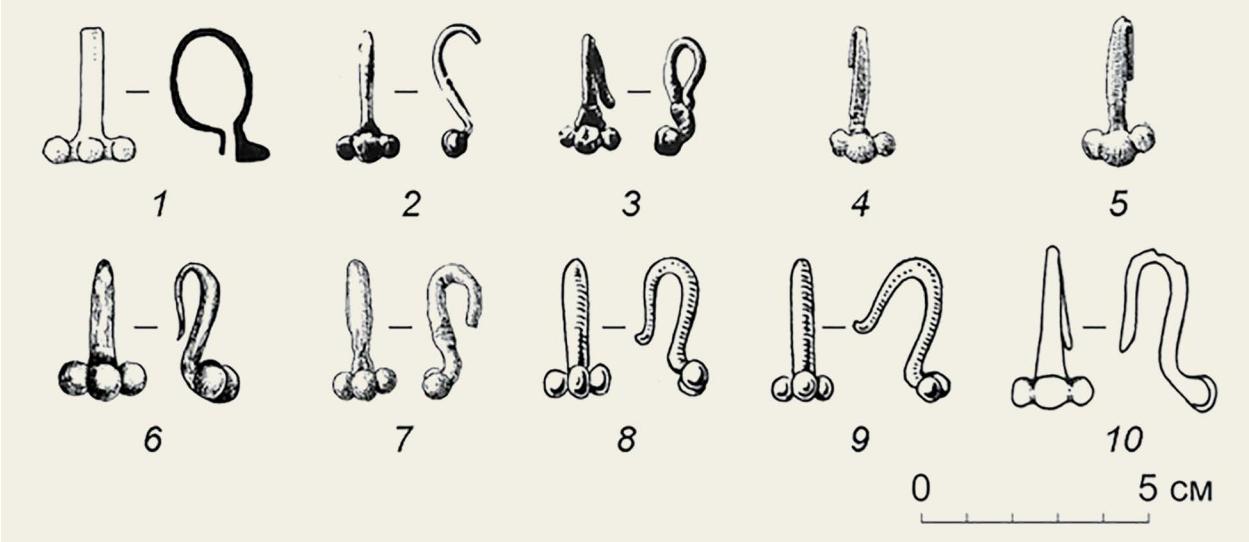


Рис. 2. Трёхбусинные височные подвески. 1 — могильник Кумсай, 2–9 — Сумбарские могильники, 10 — поселение Кокча 15

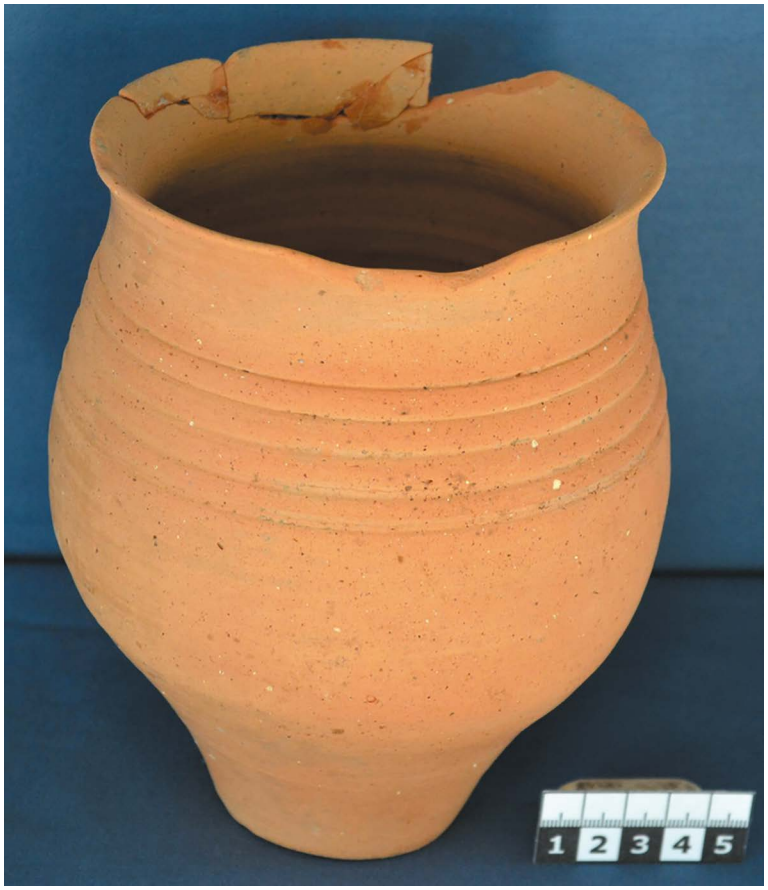


Фото 4. Кумсай. Погребение 27. Керамика

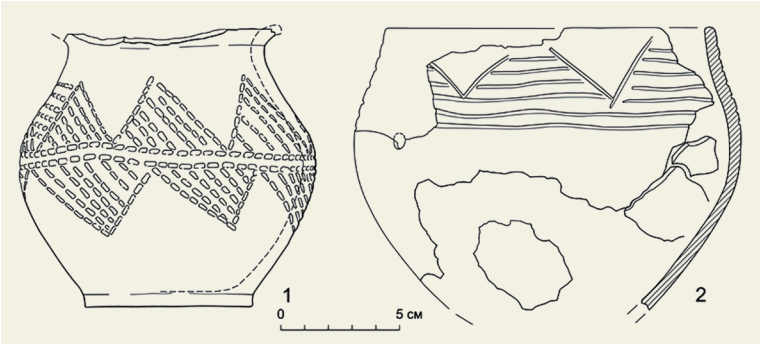


Рис. 3. Кумсай. Керамика тазабагъябского типа

кальный образец керамической посуды, найденный в Кумсае, является материальным свидетельством культурных контактов и смешения различных, оседло-земледельческих и степных, традиций.

Археологические разведки, проведённые в окрестностях могильника Кумсай, выявили наличие здесь ещё одного погребального комплекса эпохи поздней бронзы, расположенного в верхней части холма, примерно в 200 м к северу от Кумсая. В настоящее время здесь находится современное кладбище, где, по сообщениям местных жителей, на глубине около 1,5 м иногда встречаются древние захоронения (кости и керамика). В ходе осмотра территории на поверхности земли были найдены обломки гончарных керамических сосудов древнеземледельческого молалинского типа. В небольшом шурфе, заложенном с краю, было обнаружено сильно разрушенное погребение эпохи поздней бронзы с керамикой степного типа (рис. 3).

Интересно, что керамический материал степного типа из данного погребения отличается от степной керамики Кумсая, где посуда степного типа имеет в целом фёдоровский вид. По внешнему облику и элементам орнаментации данная керамики находит близкие аналогии в керамическом комплексе тазабагъябской культуры Южного Приаралья, в особенности в материалах тазабагъябских поселений Кокча 15, Ангка 5 и др. Один из сосудов с плавной профилировкой и почти прямым венчиком (рис. 3 — *2*) находит практически точные аналогии в керамике тазабагъябской культуры. Данная форма сосудов типична для тазабагъябской керамики, где она, по всей видимости, связана с развитием алакульских керамических традиций изготовления так называемых сосудов с уступом. Орнаментальные мотивы в виде двойного ряда треугольников вершинами вверх и вниз, разделённых горизонтальными линиями, треугольники, заполненные горизонтальными линиями, также весьма характерны

Фото 5. Тандырйул. Общий вид

для тазабагъябской керамики. К сожалению, невозможность проведения полноценных раскопок на современном некрополе и малочисленность археологических материалов не позволяют сделать более детальных выводов относительно структуры выявленного погребального памятника, соотношения в нём степных и древнеземледельческих элементов, а также культурно-хронологической связи с комплексом расположенного рядом могильника Кумсай. Некоторые детали, в частности керамический материал тазабагъябского облика, позволяют сделать вывод, что степная составляющая в погребальном обряде данных памятников имеет отличия, в то время как древнеземледельческий компонент одинаков и относится к древнеземледельческой молалинской традиции.

Тазабагъябская культура Южного Приаралья представляет собой многокомпонентное культурное образование эпохи поздней бронзы в степной зоне Евразии [6]. В сложении тазабагъябской культуры приняли участие различные группы степных племён: срубные, алакульские, а также вероятно фёдоровские, с явным преобладанием позднеалакульского компонента. С территории Южного Приаралья тазабагъябские племена в XVI–XV вв. до н.э. активно проникали в глубинные районы Средней Азии, их движение шло вдоль русла Амударьи и было направлено главным образом в сторону древнеземледельческих оазисов Юго-Восточного Туркменистана (дельты Мургаба), где отмечается присутствие достаточно большого количества керамики тазабагъябского типа [7, 8]. Материалы исследований могильника Кумсай, где была обнаружена бронзовая височная подвеска, имеющая аналогии на поселении Кокча 15 в Южном Приаралье, а также обнаруженное рядом погребение с керамикой тазабагъябского типа позволяют наметить новые линии культурных связей и распространения различных культурных групп населения степного типа на территории Средней Азии.

Ещё одним памятником эпохи поздней бронзы, на котором были проведены археологические исследования, включая разведочные раскопки, является древнеземледельческий могильник Тандырйул. Он расположен в окрестностях кишлака

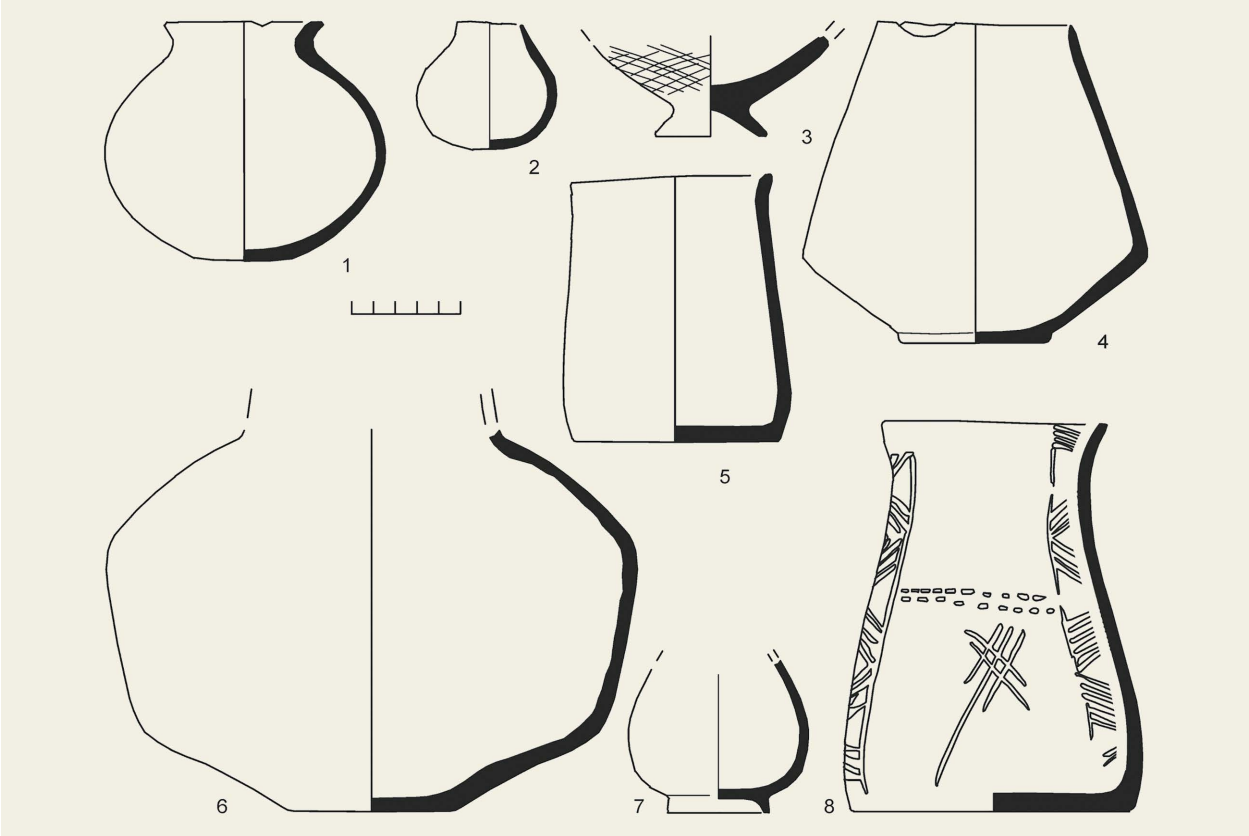


Рис. 4. Тандырйул. Керамика

Лахути Турсунзадевского района, в 25 км к юго-западу от могильника Кумсай. Памятник обнаружен в 1974 г., его раскопки осуществлялись в 1974, 1975 и 1977 гг. силами Южно-Таджикской археологической экспедиции [9].

Могильник Тандырйул занимает обширное поле, на котором с ранней весны до поздней осени выращивают различные сельскохозяйственные культуры (фото 5). Посередине поля находится глубокий овраг Тандырйул — естественная промоина, образованная в результате сходов водных селевых потоков и эрозии мягких лёссовых почв. Овраг Тандырйул тянется с севера на юг и делит поле на две примерно одинаковые по площади части — восточную и западную. Материал, обнаруженный здесь при раскопках в 1970-е гг., типичен для молалинского этапа древнеземледельческой сапаллинской культуры, основной ареал которой находился в нижней и средней частях долины Сурхандарьи, примерно в 100–150 км к юго-западу от Тандырйула. В середине II тыс. до н.э. сапаллинские племена активно осваивали глубинные районы современного Таджикистана, переселяясь на значительные расстояния по горным долинам и основывая оседло-земледельческие поселения. Находясь на западе Гиссарской долины, в верховьях Сурхандарьи, Тандырйул является самым западным древнеземледельческим памятником на территории Таджикистана и, вероятно, одним из первых мест обитания древнеземледельческих племён сапаллинской культуры на территории Таджикистана.

В ходе полевых работ 1970-х гг. в Тандырйуле были исследованы 34 погребения позднего бронзового века, после чего раскопки были прекращены. Раскопки 1970-х гг. показали, что Тандырйул представляет собой значительный по площади и содержанию археологический комплекс. Изначально он включал в себя не только захоронения, но и древнеземледельческое поселение (тепа), уничтоженное во вто-

рой половине 1960-х гг. при распашке земель. Планиграфически погребения расположены тремя группами в разных местах огромного поля, на значительном расстоянии друг от друга. Не ясно, являются ли они составными частями единого погребального комплекса или представляют собой разные группы захоронений. В первом случае можно предполагать наличие большого по площади древнеземледельческого могильника. Во втором — что захоронения совершались небольшими группами в разных местах поля вокруг поселения, но это не характерно для древнеземледельческих племён, которые обычно устраивали один общий могильник рядом с поселением или совершали захоронения в пределах поселения.

Весной 2014 и осенью 2017 г. Таджикистанский археологический отряд ИИМК РАН провёл полевые исследования в окрестностях Тандырйула [10]. Работы включали разведочные раскопки, а также сбор случайных находок и их картографирование. Определить точное местоположение раскопов 1970-х гг. в настоящее время можно только приблизительно. Проверка с помощью современных спутниковых картографических средств показала, что глазомерный план Тандырйула, выполненный при раскопках 1970-х гг., содержит существенные расхождения по расстоянию. Рельеф местности также значительно изменился в результате интенсивной распашки, контуры оврага расширились из-за эрозии почв.

Весной 2014 г. были заложены три разведочных раскопа с разных сторон поля, в двух из которых были обнаружены разрушенные погребения эпохи поздней бронзы. В одном из них был найден гончарный керамический сосуд молалинского типа, в другом — лепной керамический сосуд вахшского типа.

Археологические исследования осенью 2017 г. стали продолжением разведочных работ, начатых в 2014 г. Основная задача археологических разведок заключалась в выяснении планиграфической структуры памятника. Для этих целей в различных местах поля были заложены в общей сложности 11 археологических шурфов. Несколько шурфов были заложены на месте предполагаемого существования древнеземледельческого поселения (тепа) с целью выявления возможного наличия культурных слоёв, однако ничего, кроме нескольких мелких фрагментов керамики молалинского типа в пахотном слое, обнаружено не было. В шурфах, заложенных с западной стороны поля по краю естественного оврага, были обнаружены полностью разрушенные погребения плохой сохранности эпохи поздней бронзы. В одном из них найдено керамическое пряслице. В разрезе оврага обнаружена хозяйственная яма, на дне которой лежали обломки крупных керамических сосудов древнеземледельческого типа, здесь же местные жители нашли гончарный керамический сосуд древнеземледельческого типа. Большое число поселенческой керамики, найденной на западной стороне поля, а также наличие здесь хозяйственных ям говорят о том, что в окрестностях Тандырйула в эпоху поздней бронзы существовало не одно поселение (тепа), а возможно целый ряд поселенческих комплексов.

Археологические разведки в 2014 и 2017 гг. в окрестностях древнеземледельческого могильника Тандырйул расширили планиграфию распространения археологических материалов как в территориальном, так и в культурном аспектах. В частности, были выявлены материалы вашхской культуры, археологические комплексы которой практически не изучены в Гиссарской долине. Однако вопрос планиграфического соотношения поселенческих и погребальных комплексов Тандырйула остаётся открытым, также как и вопрос культурно-хронологических связей древнеземледельческих молалинских и вахшских групп населения.

Весьма интересная коллекция керамического материала собрана в окрестно-

Фото 6. Тандырйул. Сосуд с росписью

стях Тандырйула в виде случайных находок сосудов древнеземледельческого и вахшского типа (рис. 4). Наибольший интерес в коллекции керамики представляет вахшский сосуд цилиндрической формы с узором в виде составных треугольников и ёлочными мотивами, выполненными росписью красной краской (фото 6). В настоящее время это единственная находка такого рода на территории Таджикистана.

Орнаментация на вахшском сосуде из Тандырйула представляет собой элементы декора и способы его нанесения, до настоящего времени совершенно неизвестные в вахшской керамике. Обращает на себя внимание нехарактерная для керамики вахшской культуры роспись красной краской. Данный способ орнаментации появляется в финале позднего бронзового века и связан с распространением в Средней Азии общности культур лепной расписной керамики, куда входят, как уже отмечалось, различные археологические комплексы Южного Туркменистана, Узбекистана и Северного Афганистана. В Таджикистане археологические комплексы этой культурной общности носят название «культура Яз I» или «язовская культура» (по аналогии с комплексами Южного Туркменистана). Ближайший к Тандырйулу центр массового обитания населения общности лепной расписной керамики находился в среднем и нижнем течении Сурхандарьи и прилегающих к ней речных бассейнах (Шерабаддарьи и др.) на юге Узбекистана, в 120 км к юго-западу от Тандырйула.

Характерным признаком общности культур лепной расписной керамики является лепная, хорошо изготовленная посуда, украшенная расписным орнаментом в виде различных геометрических фигур (треугольников, ромбов и пр., заштрихованных ёлочкой или косой сеткой), выполненных красно-коричневой краской по светлому фону или чёрной краской по красному фону.

В своё время В.М. Массон сделал предположение, что основной орнаменталь-

Рис. 5. Сравнительная таблица орнаментальных мотивов: андроновская (фёдоровская) керамика Сибири и Казахстана — *1*, *3–5* и Таджикистана — *2*; керамика общности лепной расписной керамики Южного Узбекистана — *7–13*; вахшский сосуд с росписью из Тандырйула — *14*

ный мотив керамики типа Яз I — заштрихованный треугольник — можно сопоставить с треугольными мотивами андроновской керамики. В связи с этим любопытна деталь орнаментации расписного сосуда из Тандырйула в виде вертикального расположения треугольников. Треугольные фигуры, заштрихованные сеточкой или косыми линиями, представляют собой один из основных геометрических мотивов орнаментации посуды «общности лепной расписной керамики», где

Фото 7. Керамика вахшского типа Гиссарской долины

треугольники, как правило, располагаются горизонтальными рядами под венчиком сосуда (рис. 5, *7–13*).

Вертикальный приём расположения треугольников на сосуде из Тандырйула отличает его от орнаментации общности лепной расписной керамики и в определённой степени может сближать с орнаментальными традициями степного андроновского фёдоровского населения. Как известно, треугольники являются одним из главных элементов орнаментации керамики фёдоровской культурной общности, при этом в композициях они, как правило, составляют орнаментальные пояса в виде соединённых вершинами треугольных фигур, горизонтально расположенных под венчиком, по плечикам или тулову сосудов. Случаи вертикального расположения треугольников на сосудах в виде так называемых составных флажков также нередко встречаются в керамике фёдоровских и близкородственных им комплексов Южной и Западной Сибири, а также Центрального и Южного Казахстана (рис. 5 — *1, 3–5*). На территории Таджикистана находка сосуда фёдоровского типа с вертикально расположенными рядами треугольных фигур известна в могильнике Туюн (рис. 5 — *2*). Интересно, что часть треугольников на расписном сосуде из Тандырйула нанесена точечным способом, что вполне можно рассматривать в качестве имитации оттисков гребёнки или штампа, характерных для керамических традиций степных культур. Таким образом, уникальный вахшский сосуд, расписанный красной краской треугольными мотивами, представляет собой важный предмет для рассмотрения проблем культурогенеза позднего бронзового века Средней Азии. Данная наход-

ка является ярким свидетельством контактов племён вахшской культуры с носителями культуры лепной расписной керамики. В то же время, вертикальное расположение орнамента на сосуде можно рассматривать в качестве признака влияния степных племён андроновского фёдоровского типа на культурные традиции местного населения.

Вместе с исследованиями могильников Кумсай и Тандырйул в 2012–2014 и 2017 гг. Таджикистанский археологический отряд ИИМК РАН провёл археологические разведки в западной части Гиссарской долины, на территории бассейнов рек Сурхандарья, Каратаг и Ширкент. Основной задачей был поиск новых археологических материалов эпохи бронзы. Общая площадь, охваченная разведками, составила около 300 кв. км. Полевые исследования включали выезд по маршруту, сбор материалов у местного населения, визуальное обследование местности, сбор находок и их картографирование с помощью системы GPS, а также разведочные раскопки небольшими площадями. В ходе разведок были выявлены несколько новых местонахождений археологических материалов эпохи бронзы, в числе которых наиболее интересными являются: коллекция керамики вахшского и молалинского типа, а также каменные «гиря с ручкой» и шлифованный топор, найденные в южной предгорной части Гиссарского хребта, в районе кишлаков Каратаг и Элоки; коллекция керамических сосудов вахшской культуры, найденная в северной предгорной части хребта Бабатаг, в окрестностях кишлаков Джатта, Долонсой и др. (фото 7). Большое количество находок керамики вахшского типа говорит о широком распространении вахшских племён как в долине, так и в предгорной, адырной её части. Найденные в ходе полевых исследований археологические материалы были переданы на хранение в Исторический музей г. Турсунзода, где сотрудниками экспедиции была организована и оформлена новая экспозиция, посвящённая бронзовому веку на территории Турсунзадевского района Республики Таджикистан.

Новые исследования, осуществлённые ТАЭ ИИМК РАН, существенно дополняют археологическую карту эпохи бронзы Таджикистана. Значительная часть выявленных материалов относится к вахшской культуре, комплексы которой в западных районах Таджикистана слабо изучены. Находки, обнаруженные в западной части Гиссарской долины, расширяют географию распространения вахшских племён на территории Таджикистана. Новые археологические материалы свидетельствуют о том, что в бронзовом веке данный регион Средней Азии являлся зоной активных культурных контактов и взаимодействия различного населения: древнеземледельческого молалинского типа, степного андроновского фёдоровского типа, племён вахшской культуры, а также носителей культуры лепной расписной керамики, присутствие которой здесь выявлено впервые. Исследования смешанных археологических комплексов расширяют наши знания об уровне материальной культуры и формах культурных связей древнего населения эпохи бронзы Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаханов Т.М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. Душанбе, 2015.
2. Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М., 1990. С. 98–112.
3. Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 году // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXIII. Душанбе, 2009. С. 35–66.
4. Кутимов Ю.Г. Новые исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан) // Археологические вести. Вып. 19. СПб., 2013. С. 75–89.
5. Кутимов Ю.Г. Исследования могильника позднего бронзового века Кумсай (Таджикистан) в 2013 г. // Археологические вести. Вып. 22. СПб., 2016. С. 41–48.
6. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н.э.). М., 1977.
7. Кутимов Ю.Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 314–322.
8. Кутимов Ю.Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагъябской культуры Южного Приаралья (по материалам могильника Кокча 3) // Археологические вести. Вып. 9. СПб., 2002. С. 191–203.
9. Виноградова Н.М. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. М., 1991. С. 68–88.
10. Кутимов Ю.Г. Новые археологические материалы эпохи бронзы в западной части Гиссарской долины Таджикистана // Археологические вести. Вып. 23. СПб, 2017. С. 115–132.

ENGLISH

Archaeological Studies of the Bronze Age Artifacts in Western Tajikistan

Yurii Gennad'evich Kutimov — Candidate of Historical Sciences , scientific officer of the Department of Caucasia and Central Asia Archaeology of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, "Study of the Late Bronze Age Kumsai Burial Ground (Tajikistan)" (12-01-18003e), "Excavation of the Late Bronze Age Kumsai Burial Ground (Tajikistan) in 2013" (13-01-18015e), supervisor of the projects "Archaeological Studies of the Bronze Age Artifacts in Hissar Valley (Tajikistan)" (14-01-18018e) and "Archaeological Studies of the Bronze Age Tandyrjul Burial Ground (Tajikistan)" (17-01-18011e).
E-mail: yuriuz@rambler.ru

During the Bronze Age ancient agricultural and cattle-breeding tribes with different life styles, economic activities and material culture development levels reclaimed the territory of current Tajikistan. Archaeological studies (2012-2014, 2017) of the Western Hissar Valley (Tajikistan) revealed new data indicating active cultural contacts between various population groups in the Bronze Age.

Keywords: ancient agricultural population migration, the late Bronze Age, Beshkent-Vahsh culture artifacts

REFERENCES

1. Atakhanov T.M. Arkheologicheskaya karta Tadzhikistana. Gissarskaya dolina. Dushanbe, 2015 (in Russian).
2. Vinogradova N.M., P'yankova L.T. Mogil'nik Kumsay v Yuzhnom Tadzhikistane // Informatsionnyy byulleten' MAIKTSA. Vyp. 17. M., 1990. S. 98–112 (in Russian).
3. Vinogradova N.M., Kutimov Yu.G., Lombardo D. Arkheologicheskie issledovaniya otryada po izucheniyu pamyatnikov epokhi bronzy v 2007 godu // Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane. Vyp. XXXIII. Dushanbe, 2009. S. 35–66 (in Russian).
4. Kutimov Yu.G. Novye issledovaniya mogil'nika epokhi pozdney bronzy Kumsay (Tadzhikistan) // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 19. SPb., 2013. S. 75–89 (in Russian).
5. Kutimov Yu.G. Issledovaniya mogil'nika pozdnego bronzovogo veka Kumsay (Tadzhikistan) v 2013 g. // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 22. SPb., 2016. S. 41–48 (in Russian).
6. Itina M.A. Istoriya stepnykh plemen Yuzhnogo Priaral'ya (II – nachalo I tysyacheletiya do n.e.). M., 1977 (in Russian).
7. Kutimov Yu.G. Kul'turnaya atributsiya keramiki stepnogo oblika epokhi pozdney bronzy yuzhnykh rayonov Sredney Azii (Turkmenistana) // STRATUMplus. 1999. № 2. S. 314–322 (in Russian).
8. Kutimov Yu.G. Nekotorye aspekty razvitiya i absolyutnoy datirovki tazabag"yabskoy kul'tury Yuzhnogo Priaral'ya (po materialam mogil'nika Kokcha 3) // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 9. SPb., 2002. S. 191–203 (in Russian).
9. Vinogradova N.M. Mogil'nik Tandyryul v Yuzhnom Tadzhikistane // Informatsionnyy byulleten' MAIKTSA. Vyp. 18. M., 1991. S.68–88 (in Russian).
10. Kutimov Yu.G. Novye arkheologicheskie materialy epokhi bronzy v zapadnoy chasti Gissarskoy doliny Tadzhikistana // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 23. SPb, 2017. S. 115–132 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-178-181

Н.В. ЕНИОСОВА*

Международная научная конференция «Археология Древней Руси: проблемы и открытия (к 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина)» (Москва, 22–24 ноября 2018 г.)**

В статье даётся обзор докладов, представленных на международной конференции. Тематика форума была обусловлена широтой научных интересов Д.А. Авдусина — крупнейшего специалиста в области древнерусской археологии, исследователя Гнёздовского археологического комплекса и средневекового Смоленска. В рамках шести секций обсуждались такие темы, как древнерусские погребальные обряды, начальные этапы и пути урбанизации на различных территориях, региональные и международные контакты и становление торговых путей, социальные и политические аспекты формирования основных центров власти средневековой Руси, а также проблемы жизнеобеспечения, хозяйства, ремесла и культуры городского и сельского населения.

Ключевые слова: археология Древней Руси, древнерусские города, погребальный обряд, этнокультурные контакты, методы полевых исследований

В августе 2018 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина (1918–1994), профессора кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, выдающегося учёного и замечательного преподавателя (фото 1).

Тематика конференции отразила широту научных интересов Д.А.Авдусина — крупнейшего специалиста в области древнерусской археологии и этнокультурных контактов периода формирования древнерусского государства.

На пленарном заседании (фото 2, 3) прозвучали доклады, посвящённые Д.А.Авдусину — учёному, учителю, герою Великой Отечественной войны. На основе архивный данных А.Г.Мигай реконструировал боевой путь Д.А.Авдусина, командира пулемётного отделения, участника Курской битвы и боёв в Левобережной Украине, Белоруссии

* **Ениосова Наталья Валерьевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель председателя Программного комитета конференции.
E-mail: eniosova@gmail.com

** Проект 18-09-20098г.

и Прибалтике, дважды раненого и получившего боевые награды. Вернувшись с фронта в 1945 г., Д.А. Авдусин поступил в аспирантуру кафедры археологии и стал одним из участников раскопок в Новгороде. Короткому, но важному периоду его работы в Новгородской археологической экспедиции был посвящён доклад Е.А. Рыбиной (фото 4).

В работе конференции приняли участие около 200 специалистов из 36 научных учреждений, вузов и организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Пскова, Перми, Казани, Смоленска, Курска, Тулы, Твери, Петрозаводска и Ростова-на-Дону.

Ближнее зарубежье представляли сотрудники Белорусского государственного университета. Среди участников конференции были учёные из Германии (Тюбингенский университет), Швеции (Стокгольмский университет), Венгрии (Католический университет г. Пилишчаба) и Болгарии (филиал НАИМ БАН в Шумене).

На конференции были заслушаны и обсуждены 88 докладов, распределённых по секциям. Одна из наиболее обширных секций — «Средневековый город: происхождение, ремесло, культура» — включала доклады, отражающие современные представления о начальных этапах урбанизации на Руси, в Западной Европе и Прикамье, о путях становления социальных и политических центров власти, о пространственной планировке и фортификации городов и развитии ремесла. Отдельное заседание было посвящено древнерусскому Смоленску, раскопкам которого Д.А. Авдусин отдал большую часть своей жизни. На нём были представлены новые материалы и концепции о ранних этапах развития этого города.

В докладах на секции «Погребальный обряд городских и сельских могильников» нашли отражение достижения и открытия последних лет в Гнёздове, Суздальском Ополье, Новгородской и Псковской землях и Белоруссии.

Фото 1. Даниил Антонович Авдусин

Региональные и международные контакты и становление торговых путей об-

Фото 2. Выступление директора ИА РАН академика Н.А. Макарова на пленарном заседании Международной конференции

Фото 3. Выступление заведующего кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова д.и.н. А.Р. Канторовича на пленарном заседании Международной конференции

суждались в рамках секции «Этнокультурные и торговые связи периода формирования древнерусского государства». Большой интерес вызвали концепции российских и зарубежных исследователей о роли скандинавов в формировании древнерусского государства, а также новые данные о контактах венгров и кочевников с населением различных регионов Древней Руси. В докладах были представлены новые археологические находки, расширяющие наши представления о близких и дальних связях древнерусского населения.

Результаты исследований стратиграфии и планиграфии вновь открытых памятников и информация о новых категориях находок содержались в докладах секции «Средневековая археология: проблемы и открытия». Здесь обсуждались структуры расселения древнерусского населения в рамках отдельных регионов, новые данные о Старой Рязани и Новгороде, особенности средневековых жилищ Пермского края и благоустройство золотоордынских городов.

В многолетней преподавательской деятельности Д.А. Авдусина особое место занимала методика полевых исследований. В рамках секции «Полевая археология: новые методы исследования» обсуждались методы геофизики, съёмки беспилотными аппаратами, фотограмметрии, 3D-моделирования ландшафтов и построения пространственных моделей.

Конференция, посвящённая Д.А. Авдусину, предоставила широкие возможности для знакомства с перспективными научными направлениями археологии Древней Руси и сопредельных территорий и способствовала обмену опытом между российскими и зарубежными исследователями.

Основные положения 95 заявленных докладов опубликованы в материалах конференции (Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 140. Сер. II: Исторические исследования, 83. М.: Изд-во Московского университета, 2018).

Фото 4. Выступление профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Е.А. Рыбиной на пленарном заседании с докладом «Д.А. Авдусин и новгородская археология»

ENGLISH

International Scientific Conference "Archaeology of the Ancient Rus: Issues and Discoveries" (the 100th Anniversary of D.A. Avdusin's Birthday) (Moscow, November, 22–24, 2018)

Natal'ya Valer'evna Eniosova — Candidate of Historical Sciences, senior scientific officer of the Department of Archaeology of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Vice-Chairman of the Conference Program Committee.
E-mail: eniosova@gmail.com

The article contains review of reports submitted to the international conference. The meeting topic was attributed to broad academic interests of D.A. Avdusin (i.e., the greatest scholar dealing with the Ancient Rus archaeology, researcher of Gnezdovo archaeological complex and medieval Smolensk). Several topics (such as ancient Russian exequies, initial phases and methods of urbanization of various areas, regional and international relations, trade route generation, social and political aspects of primary power centre formation in medieval Rus, as well as issues related to life support, household, industrial art and culture in cities and villages) were discussed in 6 workshops.

Keywords: Ancient Rus archaeology, ancient Russian cities, exequy, ethnocultural contacts, field study methods

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-182-184

В.И. ХАРТАНОВИЧ, Д.В. ГЕРАСИМОВ*

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика» (Санкт-Петербург, 8–13 октября 2018 г.)**

На конференции были проанализированы проблемы происхождения и исторического развития древних и современных популяций Евразии и Америки на новых авторских данных по палеоантропологии, палеогенетике, остеометрии, палеопатологии, палеодемографии, палеоэкологии, биоархеологии, а также особенностям зубной системы, дерматоглифики населения ареалов различных эпох и территорий. Международный семинар «Могильник Южного Оленьего острова (Онежское озеро) — опорный памятник в изучении культур и популяционной истории населения Северной Европы эпохи камня», проходивший в рамках конференции, — первое научное мероприятие, специально посвящённое монографическому изучению материалов из этого уникального исторического объекта.

Ключевые слова: палеоантропология, палеогенетика, археология, Евразия

Конференция проходила в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В её работе приняли участие специалисты из 18 городов России и 29 стран ближнего и дальнего зарубежья. В рамках форума работали пять секций и был проведён международный семинар «Могильник Южного Оленьего острова (Онежское озеро) — опорный памятник в изучении культур и популяционной истории населения Северной Европы эпохи камня».

На форуме обсуждались проблемы происхождения и исторического развития древних и современных популяций Евразии и Америки. Специалисты научных центров России и зарубежья обменялись информацией о современных методах обработки антропологических и археологических материалов, объективизации и унификации принципов организации баз данных, корректности применения различных методов статистического анализа. Были введены в научный оборот новые данные по кранио-

* **Хартанович Валерий Иванович** — кандидат исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, председатель Оргкомитета, председатель Программного комитета конференции.
E-mail: vkhartan@mail.ru

Герасимов Дмитрий Владимирович — научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, член Оргкомитета, руководитель проходившего в рамках конференции Международного семинара.
E-mail: dger@kunstkamera.ru

** Проект 18-09-20064г.

Фото. Работа Международного семинара «Могильник Южного Оленьего острова (Онежское озеро) — опорный памятник в изучении культур и популяционной истории населения Северной Европы эпохи камня» в рамках Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика» *(первый ряд, слева направо)*: проф. Вольфганг Хаак (Департамент палеогенетики, Институт Макса Планка, г. Йена, Германия), проф. Волкер Хейд (Университет Бристоля, г. Бристоль, Великобритания), проф. Рик Шалтинг (Университет Оксфорда, г. Оксфорд, Великобритания), проф. Майке Вагнер (Германский археологический институт, Берлин, Германия)

логии, палеогенетике, остеометрии, одонтологии, палеопатологии, палеодемографии, палеоэкологии, биоархеологии, изотопному составу костей древнего населения мира. Обсуждены вопросы сопоставимости данных, получаемых разными исследователями и с помощью различных методик. Подчёркнута важность совместной работы генетиков и антропологов по проектам изучения происхождения человеческих популяций.

В последние годы бурно развивается палеогенетика человека, экспериментальной основой которой являются палеоантропологические источники — костные материалы. В докладах был представлен аналитический обзор достижений в области палеогегеники, приведены результаты изучения популяционной истории населения Евразии на основании анализа «костной» ДНК. Значительное внимание уделено обсуждению вопросов кооперации специалистов — археологов, антропологов, генетиков — в вопросах корректной реконструкции процессов формирования древних человеческих сообществ, систем их жизнеобеспечения, элементов палеоэкологии.

Работавший в составе конференции Международный семинар «Могильник Южного Оленьего острова (Онежское озеро) — опорный памятник в изучении культур и популяционной истории населения Северной Европы эпохи камня» (фото) объединил специалистов, чьи исследования связаны с изучением истории населения Севера Евразии эпохи камня. Хотя памятник уже многие десятилетия имеет мировую известность, лишь в последние десять лет начались систематические исследования археологических и антропологических материалов с применением новейших научных методов. Состоявшееся мероприятие — первое специально посвящённое монографическому изучению материалов из этого уникального исторического объекта.

В работе семинара приняли участие ведущие специалисты: археологи, антро-

пологи, генетики, специалисты по изотопным исследованиям. Из 35 участников — 22 представляли зарубежные научные учреждения Великобритании, Германии, Норвегии, Франции, Финляндии, Швеции, Эстонии.

С использованием серии радиоуглеродных дат, полученных с применением наиболее современных методик, показана обоснованность короткой хронологии могильника. На основании палеогенетических и одонтологических исследований выявлены генетическая гетерогенность захороненных в могильнике и наличие свидетельств зауральского компонента в генотипе части погребённых. Стабильные изотопы в костных останках, сопроводительном инвентаре из зубов животных также продемонстрировали, что они происходят из удалённых друг от друга регионов в рамках обширной территории лесной полосы Восточной Европы. Предложена модель мировосприятия человека эпохи мезолита в свете данных из могильника, проведён анализ современных представлений о языковой принадлежности населения Восточной Фенноскандии в эпоху мезолита. Выявлены прямые параллели в костяном инвентаре памятника на Южном Оленьем острове и ряда поселений Волго-Окского междуречья и Зауралья.

Таким образом, на конференции были проанализированы проблемы происхождения и исторического развития древних и современных популяций Евразии и Америки с использованием новых данных по археологии, палеоантропологии, палеогенетике, палеопатологии, палеодемографии, палеоэкологии, биоархеологии.

ENGLISH

Russian National Research and Practice Conference with International Participants "Piles of Bones: Paleoanthropology, Bioarcheology, Paleogenetics" (Saint Petersburg, October, 8–13, 2018)

Valerii Ivanovich Hartanovich — Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Arrangement Committee, Chairman of the Conference Program Committee.
E-mail: vkhartan@mail.ru

Dmitrii Vladimirovich Gerasimov — scientific officer of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, member of the Arrangement Committee, Head of the International Workshop hosted by the Conference.
E-mail: dger@kunstkamera.ru

Genesis and historical development of ancient and modern Eurasian and American populations based on advanced literary data on paleoanthropology, paleogenetics, osteometry, paleopathology, paleodemography, paleoecology and bioarcheology, as well as specific dentition and dermatoglyphics of populations of various epochs and areas. International Workshop "The Southern Oleny Island (Lake Onega) — Basic Landmark of Study of Culture and Population History of the Stone Age Northern Europe Population" hosted by the conference is the first scientific arrangement dedicated to monographic study of materials related to the unique historical site.

Keywords: paleoanthropology, paleogenetics, archaeology, Eurasia

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-185-188

Т.И. МОРОЗОВА, В.А. СЛУГИНА*

Всероссийская молодёжная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г.)**

Статья посвящена итогам школы-конференции для молодых учёных-историков. Мероприятие проводилось с целью развития профессиональных навыков и исследовательской культуры молодых учёных. Обсуждались проблемы общественно-политической, социально-экономической и демографической истории, источниковедения и историографии, оценивались результативность исследований и перспективы расширения научных проблематик.

Ключевые слова: научная коммуникация, школа-конференция, научная школа, историческая наука, молодые учёные

Школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» была призвана способствовать как установлению новых научных связей, так и расширению и интенсификации уже существующих. Мероприятие проходило под эгидой Института истории СО РАН, Новосибирского государственного университета и научно-образовательного центра «Историческое сибиреведение».

Совет научной молодёжи Института истории СО РАН занимается проблемой установления эффективной коммуникации в сообществе молодых историков на протяжении последних 15 лет. С 2003 по 2017 г. оргкомитет, сформированный на базе СНМ ИИ СО РАН, успешно провёл одно международное, шесть всероссийских и восемь региональных молодёжных научных мероприятий, значительно трансформировав регламент секционных заседаний. Регулярность проведения, с одной стороны, и усиление образовательной компоненты мероприятий за счёт организации научных школ с привлечением ведущих учёных

* **Морозова Татьяна Игоревна** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, председатель Оргкомитета школы-конференции.
E-mail: mti137@yandex.ru

Слугина Виктория Александровна — кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, член Оргкомитета школы-конференции.
E-mail: slugina881@gmail.com

** Проект 18-39-10004мол_г.

России – с другой, обеспечили формирование относительно устойчивого и с каждым годом расширяющегося контингента участников.

В работе школы-конференции, состоявшейся в Новосибирске 27–29 сентября 2018 г., приняли участие 149 человек из 15 субъектов Российской Федерации, а также из Германии, Беларуси и Украины. Абсолютное большинство участников (132 человека) составили студенты, аспиранты, преподаватели и научные работники в возрасте до 35 лет.

За три дня работы форума в его рамках были проведены 11 мероприятий разного формата, объединённых общей целевой установкой: открытие школы-конференции; научная школа «Профессионализм историка: технология исследовательского процесса»; семь секционных заседаний, сформированных по тематическому принципу; научно-исследовательский семинар «Исторический источник online: исследовательские перспективы и риски “цифрового переворота”»; круглый стол «Результат научной деятельности: критерии значимости исторического исследования» и заключительное заседание.

В соответствии с замыслом организаторов школа-конференция состояла из трёх блоков. Главным событием первого блока стала научная школа «Профессионализм историка: технология исследовательского процесса», направленная на обучение молодых исследователей приёмам и навыкам, необходимым каждому профессиональному историку. Для достижения этой цели Оргкомитет пригласил в качестве лекторов четырёх ведущих российских историков, которые поделились со слушателями как своими теоретическими наработками, так и практическим опытом.

Открылась научная школа лекцией профессора Новосибирского государственного педагогического университета, члена Российской ассоциации антиковедов и Американского исследовательского центра в Египте (The American Research Center in Egypt), д.и.н., проф. А.Е. Демидчика на тему «Новые исследовательские технологии в науке о древнем Египте». Охарактеризовав современное состояние египтологии, лектор отметил, что основной объём знаний о древнем Египте по-прежнему добывается главным образом за счёт наращивания источниковой базы. Описанные А.Е. Демидчиком случаи применения рентгена и компьютерно-томографических исследований египетских мумий убедительно свидетельствуют, что современные технологические возможности, с одной стороны, действительно способствуют получению новых выводов, а с другой стороны, эти выводы нуждаются в обязательной проверке путём сопоставления их с уже имеющимся фактическим материалом.

Лекция главного научного сотрудника Института истории СО РАН, д.и.н., проф. Н.П. Матхановой была посвящена проблемам выявления, использования и издания источников личного происхождения. Лектор охарактеризовала основные правила выбора документа для публикации, графической передачи исходного текста и его научного комментирования, привела позитивные и негативные примеры использования эго-документов в исторических исследованиях.

О подходах к изучению периодической печати как исторического источника рассказала профессор Новосибирского государственного педагогического университета, д.и.н., проф. Н.Н. Родигина. Она рассмотрела традиционные для отечественных историков методы реконструкции и интерпретации и доказала целесообразность использования введённого в методический инструментарий представителями «новой интеллектуальной истории» метода деконструкции текстов журнального дискурса.

Специальным гостем научной школы стал профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, д.и.н., проф. М.М. Кром. Учёный рассказал о возможностях и трудностях использования срав-

Фото. Научно-исследовательский семинар проф. Е.Е. Дутчак «Исторический источник online: исследовательские перспективы и риски “цифрового переворота”»

нительного метода в истории, а также дал ряд практических советов по его применению.

Второй блок школы-конференции был представлен секционными заседаниями. Впервые за многолетнюю историю этого научного форума секции были сформированы не по хронологическому, а по проблемно-тематическому принципу. Работа велась по семи направлениям: историография и источниковедение; демографическая история; социально-экономические процессы; взаимоотношения общества и власти; история культуры, науки и образования; военная история и международные отношения; теория и методология истории. Сгруппировав доклады таким образом, организаторы конференции стремились ориентировать участников на дискуссию не только в конкретно-историческим, но и в теоретико-методологическом поле.

Третий, заключительный, блок школы-конференции содержал коллективное обсуждение проблем, заинтересовавших участников. Первая из них была сформулирована профессором Томского госуниверситета, д.и.н. Е.Е. Дутчак в рамках научно-практического семинара «Исторический источник online: исследовательские перспективы и риски “цифрового переворота”» (фото). Елена Ерофеевна констатировала, что осуществлявшаяся на протяжении последних лет интенсивная оцифровка исторических источников сопровождалась в лучшем случае разработкой технологий поиска и визуализации знания, но не методологии работы с ними. Оперируя рядом примеров из отечественных и зарубежных интернет-ресурсов, Е.Е. Дутчак высказала мысль, что возможной траекторией развития исторического знания в цифровую эпоху, способной превратить историка из «пассивного пользователя» документов открытого доступа в «менеджера научных исторических знаний», является создание общедоступных проблемно-тематических online-ресурсов.

Проблему влияния избранных историком исследовательских технологий на конечный результат исследования участники школы-конференции обсудили на круглом столе «Результат научной деятельности: критерии значимости исторического исследования», прошедшем в формате организационно-деятельностной игры. Участники состоявших-

ся накануне семи секционных заседаний рассказали о том, какую взаимосвязь между технологией исследовательского процесса и конечным результатом исследования им удалось установить на основе заслушанных докладов. Особое внимание было уделено выявлению критериев, которыми руководствовались участники, определяя для себя значимость каждого конкретного выступления.

На заключительном заседании организаторы и участники школы-конференции констатировали, что мероприятие по сравнению с предыдущим годом не только заметно выросло по формальным показателям (число поданных заявок, включённых в программу докладов и т.п.), но и качественно улучшилось. Плодотворной оказалась практика формирования секций по тематическому принципу. Многие докладчики признали, что работа в таком формате вызвала стремление расширить свой инструментарий и помогла увидеть новые пути развития изучаемых тем.

По результатам работы школы-конференции издан сборник научных статей «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. — 432 с.). Подготовка, проведение и итоги школы-конференции освещались на официальном сайте мероприятия (http://istkonf.ru/) и других ресурсах в сети Интернет.

ENGLISH

Russian National Youth Scientific School Conference with International Participants "Historical Research Burning Issues: Young Researchers' Point of View" (Novosibirsk, September, 27–29, 2018)

Tat'yana Igorevna Morozova — Candidate of Historical Sciences, junior scientific officer of the Socio-political Development History Sector of the Institute of History of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Chairwoman of the School Conference Arrangement Committee.
E-mail: mti137@yandex.ru

Viktoriya Alexandrovna Slugina — Candidate of Historical Sciences, Head of Research Management Department of the Humanitarian Institute of the Novosibirsk State University, member of the School Conference Arrangement Committee.
E-mail: slugina881@gmail.com

The article is focused on findings of the School Conference of young historians. The event was intended for development of professional skills and research culture of young scholars. Socio-political, socioeconomic and demographical historical issues, as well as ones related to source study and historiography were discussed. Also, study performance and potential extension of scientific topics were evaluated.

Keywords: scientific communication, school conference, scientific school, history, young scholars

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-189-193

Т.А. МОЛОКОВА,
Т.В. БЕРНЮКЕВИЧ*

Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний» (Москва, 27–28 сентября 2018 г.)**

В статье рассматриваются основные темы и проблемы, которые были обсуждены на пленарном и секционном заседаниях конференции, а именно: вопросы связи и взаимодействия гуманитарных и технических знаний, возможностей, форм и перспектив их интеграции, роли гуманитарных дисциплин в техническом вузе. На конференции состоялся продуктивный обмен научной информацией, мнениями и перспективными предложениями относительно состояния российских и зарубежных исследований по вопросам взаимодействия гуманитарного и технического знания, развития научных направлений в рамках представленной на форуме тематики, необходимости акцентирования внимания на вопросах роли гуманитарных знаний в техническом образовании. Были определены возможности и перспективы межрегионального и международного научно-образовательного сотрудничества.

Ключевые слова: гуманитарные знания, технические знания, научная интеграция, научно-образовательное сотрудничество, гуманитарные дисциплины, высшее образование, урбанистика

Всероссийская научная конференция с успехом прошла на базе Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ). В её работе приняли участие учёные из разных городов России (Самары, Волгограда, Архангельска, Красноярска, Новосибирска, Ижевска, Махачкалы, Москвы, Оренбурга, Улан-Удэ, Читы), а также Белоруссии, Германии, Италии, КНР, Польши.

В рамках пленарного заседания и четырёх секций были обсуждены вопросы связи и взаимодействия гуманитарных и технических знаний, возможностей, форм и перспектив их интеграции, роли гуманитарных дисциплин в техническом вузе.

Содержание докладов на пленарном заседании, выступлений на секциях и в дискуссиях свидетельствовало о глубоком интересе российских и зарубеж-

* **Молокова Татьяна Алексеевна** — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, председатель Программного комитета.
E-mail: history@mgsu.ru

Бернюкевич Татьяна Владимировна — доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии НИУ МГСУ, член Программного комитета.
E-mail: bernyukevich@inbox.ru

** Проект 18-011-20056г.

Фото 1. Пленарное заседание конференции. В президиуме (*слева направо*): председатель Программного комитета Т.А. Молокова и заместители председателя Организационного комитета О.А. Ковальчук и А.П. Пустовгар, член Оргкомитета С.Н. Белухина

ных исследователей к теме конференции, к теоретическим и прикладным аспектам анализа научно-образовательных процессов в России и других странах, связанных с комплексностью и интердисциплинарностью современной науки.

Основные направления и задачи работы конференции были обозначены в приветственных словах проректора НИУ МГСУ А.П. Пустовгара и директора Института фундаментального образования этого университета О.А. Ковальчука. В своём выступлении А.П. Пустовгар подчеркнул значимость гуманитарных знаний для определения мировоззренческих оснований, целей и мотивов любого научного исследования, в том числе и технического. О.А. Ковальчук акцентировал внимание на актуальности вопросов гуманитарно-технической интеграции в НИУ МГСУ, который готовит специалистов для строительной отрасли, поскольку сфера деятельности его выпускников связана с созданием особо важной среды жизни человека.

Важные ориентиры работы конференции были определены в докладах пленарного заседания (фото 1). Особую интердисциплинарную тональность этого заседания и в целом работы конференции обусловило участие представителей и гуманитарной, и технической наук.

Роль так называемых метанаук как «междисциплинарных, смежных, универсальных областей исследований», возникших в XX в., и перспективы их развития с точки зрения повышения роли социогуманитарного знания рассмотрел в своём докладе С.Д. Мезенцев.

Л.И. Черкасова обратила внимание, что решение проблемы сохранения исторических руин как национального достояния возможно только при определении всего комплекса технических и гуманитарных задач. Это связано и с тем, что разрушение исторических памятников происходит как «по техническим и геоэкологическим причинам, так и в результате гуманитарных и исторических обстоятельств».

Фото 2. Д.филос.н., руководитель Школы философии НИУ «Высшая школа экономики», ординарный профессор В.Н. Порус

В докладе Т.А. Молоковой был представлен масштабный анализ отечественных традиций и современных подходов к гуманитаризации технического образования, подчеркивается, что «гуманитарная составляющая в технических университетах России сегодня является чрезвычайно многогранной и творческой», базирующейся на современных аксиологических подходах и культурных традициях страны. Особую убедительность выводам докладчика придало обращение к практике собственной многолетней научно-педагогической деятельности в строительном вузе.

Рассмотрению возможности применения концепции «зон обмена» П. Галисона как «модели развивающего взаимодействия между естественно-научным, социально-гуманитарным и философским знанием», в рамках которых при необходимой институциализации исследований философия науки сможет получить «поле очевидного практического применения», был посвящён доклад В.Н. Поруса (фото 2).

Развитию актуальной, связанной в том числе с интеграцией гуманитарного и технического знания, области исследования — семиотики техники — был посвящён доклад А.Ю. Нестерова. Эта научная дисциплина, как аргументированно утверждает автор, «позволяет системно увидеть и сформулировать перспективные задачи, направление развития техники» и одновременно «показать методологические функции философского знания применительно к техническим специальностям».

Доклад участницы конференции из КНР Сунь Янь (фото 3) привлёк внимание слушателей культурологической обоснованностью необходимости комплексного подхода к изучению города, в рамках которого используются материалы и выводы исследований из разных областей гуманитарных и технических наук, в изучении особенностей города Харбина — «китайского города с русскими корнями».

Молодой исследователь С.В.Емельянов на основе анализа истории и современности павильона «Космос» на ВДНХ, практики его реставрации, участником которой он являлся, пришёл к выводу, что решение реставрационных задач и современное функционирование павильона связаны как с техническими, так и с гуманитарно-образовательными аспектами, музейной историей здания.

Доклады секции «Роль интеграции гуманитарных и технических знаний в науке и обществе» были посвящены рассмотрению особенностей гуманитарно-технической интеграции в современной науке, взаимовлиянию и взаимодействию методов гуманитарных и технических наук, анализу феномена технонауки, определению ключевых задач философии науки и техники.

Фото 3. Доцент, зам. декана факультета русского языка Хэйлунцзянского института иностранных языков (г. Харбин, Китай) Сунь Янь

Концептуальные положения содержания и методологии преподавания русского языка, его роль в становлении коммуникативной лингвообразовательной среды, связь содержания и методик преподавания дисциплин этого гуманитарного цикла с профессиональной направленностью вузов, в том числе технических — основные проблемы, которые обсуждались в рамках секции «Теоретические и прикладные аспекты преподавания русского языка в российских и зарубежных вузах».

Содержание докладов секции «Формирование образовательно-коммуникативной среды в современном университете» было связано с определением места гуманитарных знаний в образовательно-коммуникативном пространстве вуза, выявлением функций лингвистических дисциплин в процессе фундаментализации и гуманитаризации образования, анализом современных подходов к формированию языковых компетенций и рассмотрением задач этих дисциплин при интеграции гуманитарных и технических знаний.

Рассмотрение результатов взаимодействия гуманитарного и технического знаний, их отражение в социальной практике и развитии культуры, комплексность и интердисциплинарность современного познания, анализ особенностей урбанистики как интеграционной области теоретических и прикладных исследований, связанной с феноменом города и его функциями, были представлены в материалах и обсуждениях секции «Интердисциплинарность и комплексность науки и социальной практики».

Состоялся продуктивный обмен научной информацией, мнениями и перспективными предложениями относительно состояния российских и зарубежных исследований по вопросам взаимодействия гуманитарного и технического знания, развития научных направлений в рамках представленной на конференции те-

матики, необходимости акцентирования внимания на вопросах роли гуманитарных знаний в техническом образовании. Были определены возможности и перспективы межрегионального и международного научно-образовательного сотрудничества.

Было принято решение о регулярном — один раз в два года — проведении конференции по данной тематике на базе НИУ МГСУ.

Материалы докладов участников опубликованы в сборнике «Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 27–28 сентября 2018 г.)» (М.: НИУ МГСУ, 2018).

ENGLISH

Russian National Conference with International Participants "Specific Integration of Humanitarian and Technical Knowledge" (Moscow, September, 27–28, 2018)

Tat'yana Alexeevna Molokova — Candidate of Historical Sciences, Head of History & Philosophy Department of the Moscow National Research State Construction University, Chairwoman of the Programme Committee.
E-mail: history@mgsu.ru

Tat'yana Vladimirovna Bernyukevich — Doctor of Philosophy, Assistant Professor of History & Philosophy Department of the Moscow National Research State Construction University, member of the Programme Committee.
E-mail: bernyukevich@inbox.ru

The paper is focused on primary topics and issues discussed on the plenary and the affiliated sessions of the conference. In particular, they were related to connection and interaction of humanitarian and technical knowledge; opportunities, types and perspectives of their integration; significance of the humanities in a technical higher education institution. An efficient exchange of scientific data and exciting suggestions concerning state of Russian and foreign researches of technical and humanitarian knowledge interaction, development of scientific branches presented in the meeting, necessary focus on significance of the humanities in technical education. Opportunities and perspectives of interregional and international scientific educational cooperation were determined.

Keywords: humanitarian knowledge, technical knowledge, scientific integration, scientific educational cooperation, the humanities, higher education, urban science

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-194-198

Н.С. НИЖНИК*

Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. — 736 с.: ил.**

Ключевые слова: крестьянская женщина, крестьянская девушка, семья, традиции, новации, отхожие промыслы, разрушение традиционного уклада

Ещё относительно недавно крестьянство составляло подавляющее большинство населения нашей страны, и при любых коренных изменениях в жизни России крестьянский вопрос становился главным. По этой причине без обращения к истории жизни крестьянина и крестьянки воссоздание и понимание прошлого нашей страны на разных этапах её исторического развития фактически невозможно. В первую очередь, это относится к переломным этапам российской истории. Именно такой этап — время Великих реформ, кардинальных преобразований государственно-правовой системы во второй половине XIX – начале XX в. — избрала для исследования З.З. Мухина, внёсшая важный вклад в реконструкцию социальной истории России позднеимперского периода.

Крестьянская тема — уже «долгожитель» в отечественной исторической науке, но предметное обращение к женской крестьянской истории — характерная черта последних десятилетий. Исследователи, воссоздавая контуры жизни крестьянки, констатировали, что в традиционном обществе женщина имела социальный статус более низкий, чем у мужчины, но роль женской части крестьянского социума была не менее значимой, чем мужской. От женщины во многом зависело нормальное функционирование крестьянского хозяйства. Именно на женщину ложились основные заботы по дому, по организации семейного уклада, воспитанию детей и со-

* **Нижник Надежда Степановна** — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.
E-mail: n.nishnik@bk.ru

** Проект 18-19-00036д.

хранению традиционных семейных ценностей. При этом из поля зрения учёных по разным причинам выпали целые пласты крестьянской жизни: женское полноправие; статус старых дев, разведённых, нищенок, черничек, монашек, тех, кого относят к группе неполноправных крестьянок; женская субкультура; внутренний мир крестьянских женщин, их эмоции, переживания; сексуальная культура, плодоизгнание и контрацепция. Доктор исторических наук, профессор Зинара Зиевна Мухина поставила перед собой задачу проведения комплексного исследования трансформации статуса крестьянской женщины, охватывающего все стороны её жизни на сломе эпох.

Несомненным достоинством исследования З.З. Мухиной является проработка всего историографического наследия, посвящённого русской крестьянке, исследование широкого круга разнообразных источников, в числе которых документы 17 фондов 9 центральных и местных архивов, научных обществ и музеев; нормативные правовые акты, закрепляющие правовой статус русской крестьянки; источники статистической информации; материалы центральных и региональных периодических изданий. Скрупулёзно проработаны материалы из фонда «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева (по 13 губерниям Европейской России) и иные документы, характеризующие жизнь, быт и нравы русского крестьянства пореформенной России. Наряду с произведениями художественной литературы и устного народного творчества важное место в исследовании заняли источники личного происхождения, позволяющие почувствовать «живой дух времени» и охарактеризовать внутренний мир и эмоциональное состояние женщины.

Исследование, проведённое на стыке этнологии, истории, культурологии и социологии, потребовало разработки методологии междисциплинарного характера, которая соответствовала бы задачам исследования и предопределила обоснованность и достоверность результатов научного поиска.

Концептуальной основой исследования стала теоретическая модель социовозрастных групп, обоснованная И.С. Коном и Т.А. Бернштам и позволяющая определить динамику происходивших изменений, детерминанты эволюции, а также реконструировать целостную картину жизни крестьянской женщины во всей её полноте, сложности, противоречивости и парадоксальности.

Анализ социовозрастных групп, проведённый З.З. Мухиной, дал возможность выявить и охарактеризовать единство социального и биологического. Автор исходила из того, что в патриархальном обществе связь возраста и места человека в семье и обществе более тесная и жёсткая, чем в обществе индустриальном; что каждая социовозрастная группа играла важную роль в межпоколенной трансляции крестьянских ценностей, моральных, правовых и культурных норм, в сохранении традиционного сознания и миропонимания. Построение социовозрастной модели русской женщины-крестьянки позволило З.З. Мухиной проследить многообразие динамики «женской доли» в крестьянском социуме, детерминированной внешними (экономическими, общественно-политическими) и внутренними (хозяйственными, моральными, ритуальными) факторами.

Продуктивно использован в исследовании приём нахождения и изучения бинарных оппозиций, определяющих стержень крестьянской жизни и пронизывающих все аспекты семейных и общественных отношений («традиция — новация», «свой — чужой», «мужское — женское», «иерархичность — взаимодополняемость мужских и женских ролей» и др.), которые в реальности разрешаются в тернарные структуры, диалектически синтезирующие полюса оппозиционных элементов.

Исследование повседневной жизни русской крестьянки пореформенного пе-

риода автор предварила анализом уклада жизни дореформенной деревни. Именно такой подход позволил выявить многообразие и глубину трансформаций в семье и сельском социуме, вызванных процессами модернизации, а также оценить динамику и направление изменений стереотипов крестьянской жизни в пореформенный период.

Рассмотрение социовозрастной модели жизни русской крестьянской женщины второй половины XIX – начала XX в. З.З. Мухина осуществила с учётом взаимосвязи критериев возраста, возрастных стереотипов, символизации возрастных процессов, возрастных обрядов и субкультуры. Мир крестьянской девочки автор анализировала через призму процессов её социализации и методов воспитания, в контексте взаимоотношений в семье и социуме детей и взрослых, в зависимости от гендерных и возрастных факторов. Обретение девушкой-крестьянкой социокультурного опыта, воздействие на девичью жизнь половозрастной дифференциации, разделения труда, половой социализации получили в монографии развёрнутую характеристику и богато проиллюстрированы жизненными примерами, зафиксированными в источниках. Доминантой устремлений крестьянской девушки З.З. Мухина считает замужество, поэтому описывает и сравнивает модели девичьего предбрачного поведения и поведения после замужества.

Большое внимание уделено жизненному укладу замужних крестьянок. Изменение статуса крестьянки после выхода замуж; гендерные различия в статусе мужчин и женщин в крестьянской семье; хозяйственные, семейно-бытовые и ритуальные функции женщин; дифференциация в положении женщин и девушек в социовозрастных группах вследствие имущественного и социального расслоения; изменение статуса, хозяйственных, семейных и общественных ролей крестьянских женщин вследствие развития отхожих промыслов; влияние образования и просвещения на жизнь женщин — вопросы, получившие освещение в монографии.

Автор делает вывод о том, что патриархальная семья и положение женщины в ней, обусловленное жёсткой иерархией и регламентацией, полным пренебрежением к любым проявлениям индивидуальных желаний и предпочтений, в пореформенный период подвергаются трансформации. Их важной детерминантой З.З. Мухина считает развитие отхожих промыслов. Женское отходничество, хотя и имело значительно меньший масштаб по сравнению с мужским, разрушало представления о жёсткой социальной иерархичности, открывало путь к меньшей зависимости женщин от традиционных устоев, росту женского самосознания, развитию индивидуализма, большей хозяйственной и личной свободе, утверждению личностных и имущественных прав женщин, коренному изменению семейных отношений.

Различными примерами исследователь иллюстрирует свой вывод о том, что усиление экономической и социальной роли женщины в пореформенной России стимулировало рождение нового самосознания и самоутверждения женщин. Выполнение всех домашних работ, как мужских, так и женских во время ухода мужей на заработки укрепляло новый взгляд общества на женщину. Она не была уже «загнанным и забитым существом, не смевшим и слова сказать». Крестьянка по-прежнему была изнурена тяжёлой работой, но при этом она превращалась в самостоятельную хозяйку, становилась «не рабой мужа, а полноправной стороной; её голос мог быть слышнее, чем голос отошедшего и далекого от хозяйства мужа, её чертами стали самостоятельность, независимость и уверенность в себе» (с. 260).

Следствием развития отходничества З.З. Мухина считает уменьшение негативного воздействия на семейные отношения неудачных браков. Раньше из-за

издевательств мужа молодая жена-крестьянка уходила к родителям, но в силу сложившихся обычаев была вынуждена возвращаться назад. Теперь возвратить ее назад удавалось не всегда: самовольный уход от мужа обретал легитимность, общинное сознание уже мирилось с этим явлением и переставало его считать несовместимым с нормами жизни. Участились случаи жалоб крестьянок в волостные суды на оскорбления и побои мужей. Ситуации, когда жена не уступала мужу и даже подчиняла его себе, перестали быть редкостью. Свидетельством таких перемен автор считает такую, одну из многочисленных приведённых в монографии припевок (с. 267):

> *Жена мужа била,*
> *Била, колотила,*
> *Плакать не велела.*
> *Муж-то мочало,*
> *А жена — начало.*

Исследовательский интерес З.З. Мухиной был направлен и на вопросы, остававшиеся до настоящего времени недостаточно осмысленными, — на самостоятельную социовозрастную группу «ущербных» женщин: старых дев, разведённых, нищенок, знахарок, колдуний, сирот, а также вдов, солдаток и старух. Комплексное исследование этих социальных групп в отечественной и зарубежной науке ещё не проводилось. Заслуживают внимания аргументация и вывод автора о том, что в отношениях с женщинами этой социовозрастной группы крестьянское сообщество проявляло гибкость и терпимость, не отвергая их и тем самым способствуя сохранению традиционного уклада жизни.

Внимание исследователей и читателей привлекут те разделы монографии, в которых автор анализирует изменения брачных традиций, проблемы беременности и деторождения, особенности интимной жизни крестьянки, эволюцию её системы ценностей, мироощущения и обыкновений поведения замужней женщины-крестьянки во второй половине XIX – начале XX в.

Несмотря на наличие в монографии разнообразных свидетельств проявления жизненных реалий, автор не столько описывает, сколько раскрывает сущность и определяет причины социокультурных изменений в крестьянской среде. Выявление женских социальных ролей, статусов в социовозрастных группах, определение связей и отношений между ними, особенностей перехода из одной группы в другую с учётом правовых, экономических, социальных, религиозных и других факторов — достоинства настоящей монографии, автор которой предприняла попытки комплексной характеристики процессов социальной динамики, обусловленных модернизацией всех сфер жизни общества Российской империи во второй половине XIX века, определения основных каналов проникновения новаций в русскую деревню и механизмов их рецепции и адаптации.

Монография З.З. Мухиной — важный ориентир в патриотическом воспитании молодого поколения. В современном российском обществе, особенно в аграрных регионах, до настоящего времени сильны патриархальные представления о месте и роли женщины в семье и социуме, которые существенно ограничивают спектр возможностей её самореализации. И сегодня остро стоит вопрос о модернизации различных сфер общественной жизни: гендерная асимметрия, предрассудки и архаичные представления о назначении женщины всё ещё остаются преградой, препятствующей построению подлинно равноправного, гуманистически ориентированного общества равных возможностей. Вряд ли можно переоценить вклад исследования З.З. Мухиной в решение этих злободневных проблем.

Изучение жизни женщины-крестьянки позволяет выявить общее и особенное в развитии русского этноса в различных

естественно-географических и культурно-исторических условиях, способствует выявлению и сохранению его самобытных качеств, а также моделей их адаптации к реалиям XXI в. Лучшие традиции народной жизни должны стать основой возрождения российской культуры, нравственности, духовности, а выявленные механизмы их сохранения и воспроизводства действительно могут способствовать выработке взвешенной и обоснованной социокультурной политики и управленческой практики в современной России.

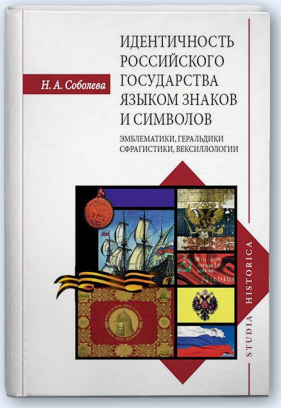
ENGLISH

Mukhina Z.Z. A Russian Peasant Woman During the Post-Reform Period (the Second Part of the XIX Century — Early XX Century). Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2018. 736 p.: ill.

Nadezhda Stepanovna Nizhnik — Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Head of State and Law Theory of the Saint Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs.
E-mail: n.nishnik@bk.ru

Keywords: peasant woman, peasant maiden, family, traditions, novation, seasonal work, destruction of traditional life pattern

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-199-201



А.Я. ДЕГТЯРЁВ*

Соболева Н.А. Идентичность Российского государства языком знаков и символов. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. — 410 с.**

Ключевые слова: идентичность, российская государственность, атрибуты власти, геральдика, специальные исторические дисциплины, государственная символика, история государственных символов России и других стран

Вканун 25-летия Конституции новой России вышел в свет капитальный труд члена Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, главного научного сотрудника ИРИ РАН, доктора исторических наук Н.А. Соболевой.

Работа выполнена на обширных материалах многих специальных исторических дисциплин — эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. Эта «полифоническая» источниковая база — письменные источники, археологические артефакты, памятники нумизматики, древние печати, геральдические символы разных стран и эпох — объединена в исследовании в сложную научно выверенную и убедительную систему.

Отличительной чертой рецензируемого труда является то, что он выполнен по лучшим европейским (и даже мировым) стандартам современных исторических исследований. Автор проштудировал старые и новейшие труды исследователей из многих стран: Франции, Германии, Италии, Украины, Польши, Чехии, Великобритании, США, Болгарии и др.

Образно выражаясь, идентичность любого общества имеет не только живую современную крону, но и глубокую корневую систему символов, уходящую в многотысячелетнюю индоевропейскую, древнекитайскую, тюркскую, протоиранскую, древнемонгольскую древность.

Во многом поэтому проблема российской идентичности приобрела за последнюю четверть века особую, жизненно важную актуальность. Острота древних проблем не ушла в прошлое, а, напротив, обнаружила себя с новой силой. В период кардинального переустройства государства и общества она приобрела в России чрезвычайно острый, а подчас болезненный характер. Бесчисленное количество идейных, политических и нравственных копий уже сломано

* **Дегтярёв Александр Якимович** — доктор исторических наук, Советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко.
E-mail: bronk@mail.ru

** Проект 18-19-00023д.

и ещё будет сломано в баталиях и спорах о национальной идее. По сути своей она должна являться стержнем, вокруг которого формируется массовое общественное сознание. Президент страны В.В.Путин некоторое время назад высказал интересную мысль о том, что нашей национальной идеей должен быть российский патриотизм. Это суждение, предлагающее общую основу самосознания россиян, побуждает к дальнейшим размышлениям.

На каком фундаменте должно строиться патриотическое сознание и чувство? Его основой — и это из главных выводов фундаментального труда — как раз и является общенациональная идентичность. Если её нет, то у конкретного общества не может быть национальной идеи как таковой. Думается, что долгие поиски лучших российских умов не находят её законченного вида как раз из-за неполной сформированности общенациональной идентичности многонационального российского общества, вступившего в сложнейший XXI в. В нем ещё не зажили рваные раны, полученные при распаде СССР. Во-вторых, сегодня едва закончилась (после пресловутого парада суверенитетов) «притирка» многочисленных субъектов РФ, осознание ими неразрывности общей государственной судьбы. Известно, что на рубеже веков, в критический уже для новой России период, потребовались огромные усилия федеральных и местных властей, чтобы согласовать федеральное законодательство с законами регионов. Более трёх тысяч поправок было внесено тогда в законодательные акты.

Нужно отметить и другое. Фундаментальная трансформация государства потребовала новой государственной символики. Вспомнили о традициях, старинных символах Российского государства. Это воспоминание вновь вызвало волну ожесточённой полемики. Вопрос, каким быть Государственному Флагу, Гербу и Гимну России, приобрел в 1990-е гг. остроту, сравнимую со спорами о государственном флаге во времена Николая II, когда потребовалось проведение нескольких Особых (так они выспренне именовались) совещаний по этому вопросу (впрочем, так и не нашедших выхода из геральдического тупика).

Следующим актом геральдической драмы стало решение Временного правительства, признавшего триколор в качестве демократического символа, но лишившего государственных регалий двуглавого орла (его «билибинский» образ чудесным образом воскрес в начале 90-х гг. XX в. на монетах новой России). Вопрос о гимне остался нерешённым.

Затем последовал капитальный слом отечественной символики, заменённой не связанной с российским историческим прошлым системой советских символов.

Новейшая история России дала новый пример высокого накала страстей вокруг смысла и образа государственной символики. Предусмотренное основным законом утверждение федеральных символов Федеральными Конституционными законами из-за ожесточённых споров в Государственной Думе не могло состояться в течение семи лет! Накал общественных страстей был подчас запредельно высок. Так, в процессе утверждения важнейшей государственной регалии — Знамени Победы — дело дошло до прямого противостояния палат парламента и даже президентского «вето»!

В рецензируемом труде с «пошаговой» скрупулёзностью прослежен непростой, а во многом даже драматический процесс утверждения символов новой России высшими органами государственной власти. Отметим, что это не сухое изложение законодательных перипетий, а яркий рассказ о напряжённой общественной дискуссии, в которой участвовали руководители страны, политические деятели разного уровня, лидеры партий, законодатели, учёные, в том числе и автор книги, журналисты и многие граждане страны.

Решающую роль в их утверждении в установленном Конституцией порядке,

констатирует Н.А. Соболева, сыграл Президент России В.В. Путин. В XXI в. страна вступила с объединившими эпохи её истории символами. Герб восходит к временам образования централизованного государства. Бело-сине-красный стяг появился в имперские времена Петра Великого. Музыка Гимна родилась в советскую эпоху.

Мыслители прошлого справедливо утверждали, что народ — это союз поколений во времени. Современная Россия оказалась способной воплотить эту непреложную истину в своей государственной символике.

Одним из самых интересных в книге является очерк, посвящённый истории украинского трезубца, нынешнего герба Украины. Справедливо отметив крайнюю политизированность трактовок этого символа в новейшую эпоху, Н.А. Соболева с присущей ей дотошностью прослеживает многовековые, даже тысячелетние пути бытования этого символа на просторах Евразии — от протоиранских, хазарских, древнерусских пространств до скандинавских пределов. При этом автор внимательно прослеживает историю смысловых превращений этого символа из лично-родового княжеского знака и даже таможенной (товарной) печати в знак власти «державной». Эта естественная эволюция, отрицаемая некоторыми украинскими авторами, доказана на обширном археологическом материале, данных сфрагистики и нумизматики.

Я остановился только на нескольких, наиболее актуальных проблемах, поднятых и серьёзно продвинутых в части их изучения Н.А Соболевой. Помимо этого книга содержит большой ряд интереснейших самостоятельных, но объединённых логикой исследования очерков. Это история любимого россиянами символа Георгия Победоносца, феномен казанского герба, древние русские знамёна и многое другое.

Исследование Н.А. Соболевой явилось итогом её многолетней работы в сложных, требующих особого таланта областях исторической науки и представляет собой заметный вклад в отечественную историографию.

ENGLISH

Soboleva N.A. The Russian State Identity in Sign and Symbol Language. Moscow, YASK Publ., 2018. 410 p.

Alexandr Yakimovich Degtyaryov — Doctor of Historical Sciences, Counsellor of V.I. Matvienko (Chairwoman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation).
E-mail: bronk@mail.ru

Keywords: identity, Russian statehood, attributes of power, heraldry, special historical disciplines, national symbols, history of national and foreign state symbols

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-094-01-202-205

Л.А. ТРАХТЕНБЕРГ*

Катаев В.Б. К пониманию Чехова: Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 247 с.**

Ключевые слова: А.П. Чехов, биография, поэтика, рецепция

Книга В.Б. Катаева объединяет 24 статьи, посвящённые жизни и творчеству Антона Павловича Чехова. Три её раздела, каждый из которых включает восемь статей, намечают три основных проблемных узла: это личность Чехова, поэтика его произведений, их рецепция в мировой литературе и культуре.

Открывающие книгу статьи «К пониманию Чехова: “ближний” и “дальний” контексты» и «Жизнь после смерти: биография и биографы» задают координаты интерпретативной парадигмы: от чеховской эпохи к «большому времени», от жизненного пути писателя к его творчеству. Взаимосвязь синхронного и диахронного контекстов, в которых рассматриваются произведения Чехова, биографического и поэтологического подходов — отличительные черты применённой в книге исследовательской оптики.

Цель биографического раздела — объяснить феномен литературной судьбы Чехова, который, по словам В.Б. Катаева, вступил в русскую литературу «после всех» и «со стороны» (с. 45) — приехав из провинции и начав писать в то время, когда уже был сформирован классический канон отечественной словесности XIX в. И несмотря на это, он вошёл в круг великих писателей, составивших всемирную славу русской литературы. Понять это позволяет обращение к основным этапам и поворотным моментам становления личности Чехова: Таганрог и университет, первые литературные опыты, путешествие на Сахалин.

С самого начала Чехов ощущал себя полноправным наследником богатых культурных традиций. Их символом для него был родной город Таганрог, с древности находившийся на перекрёстке культурных путей. Именно с таганрогских впечатлений началось творчество писателя.

Другим символом наследия русской и мировой культуры стал для Чехова

* **Трахтенберг Лев Аркадьевич** — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: lev_A_T@inbox.ru

** Проект 18-112-00137д.

Московский университет. Пройденная в нём медицинская школа оказалась одним из факторов, благодаря которым выработалась его писательская манера: уроки профессора Г.А. Захарьина научили его правилу «индивидуализации каждого случая» (с. 52–54), отказу от универсальных психологических и мировоззренческих решений в пользу внимания к личности каждого человека. Обширная начитанность, универсальный кругозор, которые Чехов вынес из университета, сформировали его личность и способствовали развитию литературного таланта.

Поездка на Сахалин оказала не всегда на первый взгляд заметное, но мощное влияние на всю дальнейшую писательскую судьбу Чехова (впоследствии он говорил о своём творчестве, что в нём «всё просахалинено»). Книга «Остров Сахалин», ставшая итогом путешествия, выявила и определила важнейшую черту его творчества — смелость увидеть и изобразить жизнь такой, какова она есть, не закрывая глаза на правду, даже если для этого нужно поставить под сомнение собственное ви́дение мира.

В завершающей раздел статье «Чехов и Романовы» раскрывается исторический контекст творчества Чехова: образы трёх царей — Александра II, Александра III и Николая II выступают как символы эпохи.

Тема второго раздела книги — своеобразие писательской манеры Чехова. Здесь анализируются приёмы чеховской драматургии и повествовательной прозы, исследуются принципиальные для писателя темы и мотивы. Некоторые статьи посвящены отдельным произведениям-шедеврам: повести «Степь», пьесе «Дядя Ваня».

В.Б. Катаев реконструирует ход творческой эволюции Чехова. Так, рассматривая приёмы изображения цветов, звуков, запахов в чеховской прозе, В.Б. Катаев показывает, что по мере её развития сменяют друг друга три манеры передачи чувственно постижимого, прежде всего, природного мира. Первая, ранняя, находится в рамках юмористического жанра, культивируемого в «малой прессе», где поначалу печатается Чехов. Вторую, уже зрелую, формирующуюся во второй половине 1880-х гг., отличает внимание к неожиданным подробностям, которые передаются с помощью метафор и сравнений. Наконец, третья манера преодолевает метафоризм второй: Чехов отказывается от антропоморфной образности, но сохраняет точность художественного ви́дения, в предметной подробности раскрывающего бытийный смысл.

В книге В.Б. Катаева художественная система Чехова предстаёт как поэтика неочевидных связей. Это в первую очередь переклички образов и мотивов как внутри текста, так и между текстами. Так, композиция повести «Степь» основана на переплетении сюжетных линий и мотивных рядов. А все пьесы Чехова образуют единое резонантное пространство, скреплённое «*драматическими рифмами*» (с. 120), где даже в образах героев-антагонистов обнаруживается не сразу заметное сходство: обвинения, которые дядя Ваня бросает Серебрякову, он мог бы обратить к самому себе, и неприязнь трёх сестёр к Наташе коренится в глубинном душевном сродстве, не осознаваемом ими самими.

Неочевидны и другие сопоставления — неожиданные в своей парадоксальной точности соотношения мира произведения и внелитературной действительности. Например, поиск прототипов чеховских героев приводит к наблюдению: персонажи-женщины нередко списаны с мужчин, и наоборот; исток этого феномена — характерный для Чехова «*сюжет тотальной перемены*» (с. 106) как отражение в литературе изменчивости самой личности. Среди топосов чеховского мира — образы цирка и кладбища, парадоксально переплетённые. Писатель интересуется ими в жизни (это замечено А.В. Сувориным); в рассказах и пьесах Чехова столкновение трагических и коми-

ческих мотивов порождает гротескный художественный эффект.

Пьесы Чехова поражают зрителей неожиданной на фоне современной ему драматургии бескомпромиссной пессимистичностью развязок. Автор последовательно отказывается от счастливого финала — заданного жанром и даже как будто предсказанного сюжетом, но психологически неправдоподобного. Это выход за пределы привычной литературной условности и в то же время путь поиска внутренних причин человеческих страданий, цель которого — их преодоление.

Своеобразие драматургии Чехова отчётливо видно в типологическом сопоставлении с творчеством его современника — Г.Ибсена. Оба они строят сюжет на классическом приёме открытия. Но если герои Ибсена раскрывают тайны своего прошлого, то персонажам Чехова предстоит осознать скрытый смысл повседневности — того, что происходит в их жизни здесь и сейчас. У Ибсена суть конфликта сводится к ясно определённой проблеме, ложное решение которой сменяется истинным. Проблематика пьес Чехова трудноопределима, так как носит не социальный, а экзистенциальный характер. У Чехова, в отличие от Ибсена, действующие лица не делятся на правых и виноватых: каждый поступает в соответствии со своим ви́дением мира. В этой отчуждённости от других все похожи друг на друга, в ней и источник их страданий; и именно потому, что герои её не замечают, они не в силах её преодолеть.

Магистральная тема книги В.Б.Катаева — значение Чехова для русской и мировой культуры. Эта тема — в центре третьего раздела, посвящённого исследованиям, постановкам, многообразным литературным и философским интерпретациям его творчества.

В русской культуре творчество Чехова стало частью национальной мифологии. Цитаты из его произведений вошли во фразеологический фонд русского языка, а образы, такие как *человек в футляре* или *вишневый сад*, приобрели значение концептуальных моделей и культурных символов. Закрепилось в коллективной памяти чеховское видение пространства России — в частности, амбивалентный образ провинции, которая, хотя её и стремятся покинуть герои Чехова, остаётся центром и символом национальной культуры.

За рубежом Чехов переведён на множество языков как один из великих классиков мировой литературы. Пьесы Чехова идут в театрах по всей планете. В разных странах читатели и зрители не просто знакомы с Чеховым: его мировидение близко им, созвучно различным культурным традициям.

Чехов ценим не только как литератор, как драматург, но и как мыслитель. Скептически воспринимая философствование как способ рассуждения, он не был чужд философских вопросов. В истории осмысления его творчества важное место занимает диалог, который вели с ним философы разных эпох, например, В.В.Розанов, Л.И.Шестов, С.Н.Булгаков, М.К.Мамардашивили.

Сквозной сюжет книги — развитие науки о Чехове. Его творчество изучают по всей России, весомый вклад в исследование его произведений вносят английские, немецкие, французские, американские, японские литературоведы.

История постановок пьес Чехова и литературных интерпретаций его мотивов, как в зеркале, отражает путь развития современного искусства, да и всего современного общества. Постмодернистские сценические прочтения его драматургии (в некоторых из них действие, например, переносится в сегодняшнюю Россию, Корею или Южную Африку), трансформации его сюжетов в пьесах А.И.Слаповского и Л.Е.Улицкой, вариации его мотивов в поэзии А.А.Вознесенского, И.А.Бродского и А.Н.Башлачёва — вот лишь некоторые примеры, демонстрирующие, что творческое наследие Чехова не только в России, но и по всему миру стало

универсальным культурным языком, который позволяет выразить самое разнообразное содержание.

Сегодня всё чаще предлагаются трактовки рассказов и пьес Чехова, далёкие от устоявшихся, традиционных. В прежних постановках «Дяди Вани» конфликт обычно представлялся с точки зрения Войницкого, и профессор Серебряков был сатирическим персонажем; во многих современных спектаклях дядя Ваня сам смешон, а Серебряков достоин уважения. В «Чайке», как её поставил В.В. Гульченко, не Нина Заречная, а Аркадина побеждает в эстетическом споре. Образ Беликова из «Человека в футляре» прежде казался едва ли не карикатурой; однако сейчас в его поведении нередко видят не тупое упорство ретрограда, а твердость консервативных убеждений, которые сами по себе заслуживают скорее сочувствия, чем критики. Все это созвучно нашему времени — и еще раз свидетельствует о том, что творчество Чехова живет: каждое поколение продолжает открывать в нём новые смыслы.

Новая книга В.Б. Катаева во всей полноте раскрывает образ писателя, его творчества, его эпохи, приглашая вместе пройти обозначенный заглавием путь — *к пониманию Чехова*. Книгу отличает богатство материала и концептуальная глубина интерпретаций, стройность композиции и литературная индивидуальность стиля. Масштаб исследовательского ви́дения сочетается с пристальным вниманием к подробностям текста, родственным чеховскому мастерству детали. В.Б. Катаев раскрывает перед читателем художественное пространство творчества Чехова во всём разнообразии тем и форм, в глубине смысла, в эпохальной всеобщности проблем и тонкости психологического рисунка. Автор книги рисует широкую панораму не только русской, но и всей мировой культуры, неотъемлемой частью которой стало наследие Чехова. Развёртывая перспективу его рецепции в XX век, в современность, В.Б. Катаев показывает, что творчество Чехова открыто будущему, и намечает новые пути его постижения.

ENGLISH

Kataev V.B. Understanding Chekhov: Articles. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 247 p.

Lev Arkad'evich Trakhtenberg — Doctor of Philological Science, Assistant Professor of the Russian Literature History Department of the M.V. Lomonosov Moscow State University.
E-mail: bronk@mail.ru

Keywords: A.P. Chekhov, biography, poetics, reception

Академик РАН

Валентин Лаврентьевич Янин

Кавалер
Ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2009 г.),
Ордена Ленина (1990 г.),
Ордена Трудового Красного Знамени (1980 г.),
Ордена Дружбы народов (1975 г.).

Лауреат
Государственной премии СССР (1970 г.),
Ленинской премии (1984 г.),
Государственной премии России (1996 г.),
Демидовской премии (1993 г.),
Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова (1999 г.),
Золотой медали им. С.М. Соловьёва (1999 г.).

Почётный гражданин Великого Новгорода (1983 г.)

Глубокоуважаемый Валентин Лаврентьевич!

Российский фонд фундаментальных исследований поздравляет Вас со славным Юбилеем!

Ваше имя прочно ассоциируется с научными открытиями, полученными в Новгородской экспедиции, которой Вы руководите с 1962 года, обнаружением берестяных грамот и их широким использованием в науке в качестве исторического источника.

Событием XXI века стало открытие Новгородского кодекса (Псалтыри) — самого раннего памятника русской версии церковнославянского языка и самой древней из дошедших до нас книг Древней Руси, автор которой был свидетелем крещения Руси в 988–990 гг.

На протяжении полувека Ваш жизненный путь неразрывно связан с изучением фундаментальных проблем европейского Средневековья. Вами реконструирована денежно-весовая система домонгольской Руси, выявлены процессы формирования этой древнейшей системы, её эволюции в зависимости от уровня политических взаимоотношений русских княжеств и земель, вскрыты важные особенности вечевого строя Новгорода, установлено, что важнейшие реформы древней государственной системы — результат острой политической борьбы различных группировок боярства.

Вы были одним из инициаторов создания Российского гуманитарного научного фонда. С 1996 по 2003 год Вы являлись председателем совета РГНФ и успешно руководили его работой.

Вы стали родоначальником экспертной системы страны в области фундаментальных научных проектов по истории, археологии и этнографии, внесли огромный вклад в деятельность Российского фонда фундаментальных исследований.

Примите, глубокоуважаемый Валентин Лаврентьевич, самые искренние пожелания крепкого здоровья и благополучия Вам и Вашим близким!

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2019, № 1 (94)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
http://www.rfbr.ru

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страходинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 25.03.2019. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ № 255333